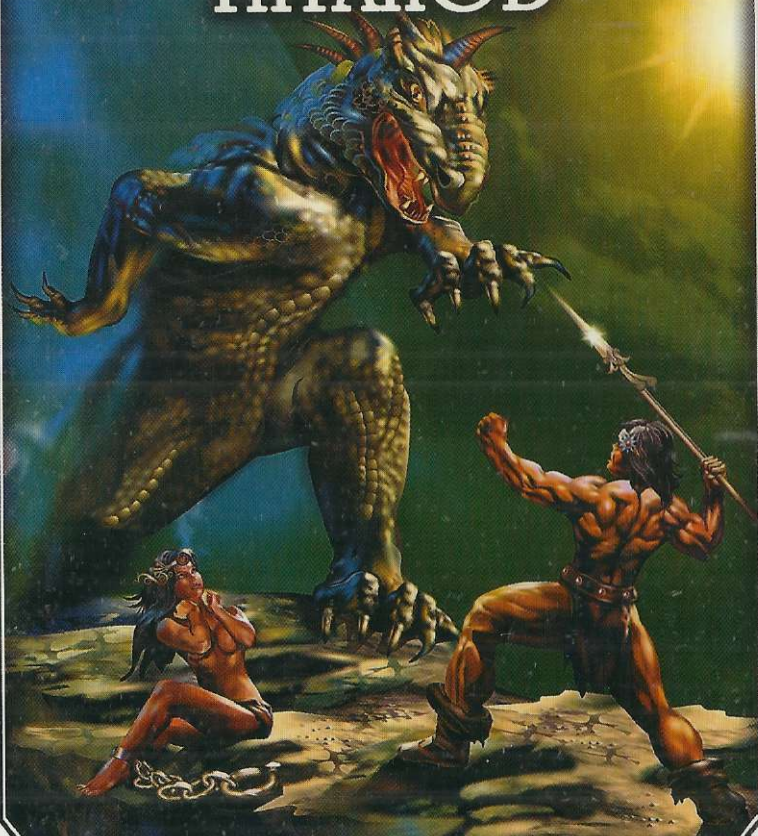

КОНАН

КОНАН И ЯРОСТЬ ТИТАНОВ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОАДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8
КОНАН ПРИНИМАЕТ ВОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ ВОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ПРЯДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПЬСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16
КОНАН И ТАЛКМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛАЧЕНЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24
КОНАН ВАРГАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛАЧЕЩИЕ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛОТЫ ИДОЛА 32
КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАХ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗАМИ 35	КОНАН И АЛАТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОНИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40
КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48

ОБЕЩАНИЕ
КОНАН

КОНАН И ЯРОСТЬ ТИТАНОВ

«АСТ» «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
Москва Санкт-Петербург

2004

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.10.03.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Гарнитура «Палатино». Усл. печ. л. 22,68. Тираж 10 000 экз. Заказ 1634.

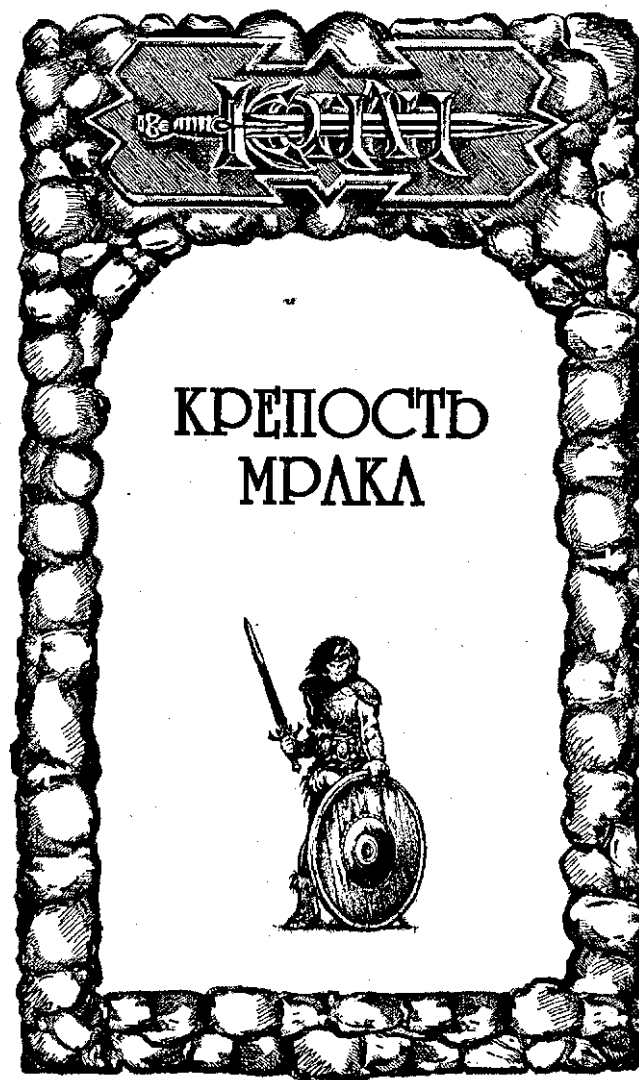
Конан и Ярость титанов: Сб. / Дж. Старк, Н. Орли. — М.: К64 ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2004. — 418, [14] с. — (Конан).

ISBN 5-17-021507-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-183-7 («Северо-Запад Пресс»)

Прошлое, настоящее и будущее сплетаются в тугой узел Судьбы, разрубить который под силу лишь такому герою, как Конан-книммерисц. Но даже бесстрашному варвару придется немало потрудиться, чтобы выручить из беды своего отважного, но слишком неосмотрительного сына, принца Конна.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2003

Глава первая

Время подняться на стены

20 день месяца Тагорн.
Год Падения Цитадели.
(Дата по счету людей неизвестна).

Вполовину ослепший от внезапно затопившего маленький зал охотничьего домика пронзительного золотистого сияния, оглохший от испуганных криков и нарастающего завывания чудовищного урагана, умудрившись потерять единственную связующую нить — судорожно цеплявшуюся за его руку ладонь Ай-лэ Монброн — наследник трона Аквилонии, словно подталкиваемый в спину, сделал шаг. Единственный шаг в сумятице, возникшей после того, как магик Эллар открыл колдовские врата и исчез в их зловеще мерцающей глубине.

...Много позже, пытаясь восстановить в памяти подробности затянувшихся мгновений, Конни вспоминал только стылый, мертвенно-холодный

ветер да хаотическое мельтешение сонмища ослепительно белых искр. Он даже испугаться толком не успел, настолько стремительно все произошло. Его затянуло в портал, словно щепку в водоворот, вышвырнув неведомо где, но уж точно не в тихих, дремотных Рабирийских холмах.

Боги дали человеку пять чувств, дабы познавать окружающий мир — и вот теперь все пять чувств Коннахара, сына Конана были оскорблены одновременно.

В глаза ударил яркий солнечный свет, со всех сторон навалилась оглушающая мешанина звуков — воинственные вопли, стоны раненых, лязг железа о камень, грохот, треск, скрежет, частые щелчки арбалетов. Каменная плита под ногами ощутимо содрогалась, ноздри разъедал едкий бурый дым, и от кислого медного привкуса на языке оскоминой сводило скулы. За спиной возвышалась серая громада крепостной башни с наполовину обрушенным балконом и десятком бойниц, прямо — открывался вид на узкую, длинную долину с редкими купами темнолиственных деревьев, стиснутую отрогами скалистых гор. Вдаль уходила единственная дорога, на ней у самого горизонта вздымалось большое пыльное облако.

По всему выходило, что находится он на крепостной стене, и крепость эта только что подверглась атаке. На возвышении слева кренилась набок гигантская катапульта, бессильно свесив изломанные рычаги. Вдоль края площадки тянулись массивные зубцы высотой в рост человека, в

их ровном ряду скалилась гранитными изломами широкая брешь. По закраинам пролома, трескуче шипя, ползали лиловые змеистые огоньки — след магического удара огромной силы, сокрушившего камень. Один, извиваясь, устремился прямо под ноги Коннахару.

Моргая, капляя и отплевываясь, Конни отскочил и споткнулся о труп в легком кожаном доспехе, до пояса заваленный щебенкой. Неподвижные тела, одетые в одинаковые доспехи темно-зеленой кожи с алым тиснением, усеяли весь доступный для обозрения участок стены. Кем бы ни были защитники неведомой цитадели, похоже, ни один из них не уцелел.

Рядом, разминувшись с головой принца едва на пядь, свистнула случайная стрела и раскололась о камень.

Над разрушенным гребнем возникло навешенные лестницы с парой зазубренных крючьев на концах. Блестящие лапы крюков раздвинулись сами собой, надежно вцепившись в камень. Между ними вынырнула жуткая медно блестящая хара с решеткой длинных клыков и узкими щелками вместо глаз. Принц оторопело попытался, шаря на поясе кинжал. Самое время было орать в голос, но язык намертво присох к пересохшей глотке — лишь когда за кошмарной рожей появились широченные плечи и руки в латных рукавицах, сжимающие древко секиры, юноша сообразил, что принял за демонскую личину причудливый бронзовый шлем.

Захватчик грузно перевалился на стену —

Конни слышал даже гневное неразборчивое бурчание из-под звериного шлема. С головы до ног покрытый тяжелой броней, помятой и тусклой, хранившей следы множества ударов, он выглядел почти квадратным — ростом принцу по грудь, но втрое кряжистее, с длинными руками и грудью, что твой бочонок. Едва диковинный воин спрыгнул с лестницы, следом высунулся шлем еще похлеще, в виде драконьей головы, и столь же бодро полез вверх.

Ну и толстяк, пронеслось в голове у принца. Да он, должно быть, неповоротливее буйвола!

В следующее мгновение наследник аквилонской короны скакал не хуже ярмарочного гимнаста, увертываясь от свистящих взмахов вражеской секиры, вертевшейся легким перышком в руках неуклюжего на вид противника.

Воин в драконьем шлеме перешагнул последнюю ступеньку штурмовой лестницы, уступая дорогу следующему, столь же коренастому и низкорослому.

Дверги, подумал Коннахар. Провалиться мне на месте, если это не подгорные жители. Но, во имя Митры Милосердного, почему? Откуда?! Что за дикая кончина — быть зарубленным каким-то двергом, которому ты даже ничего плохого не сделал... Впрочем, если я успею добраться вон до той рухнувшей балки...

Прыжок в сторону, и широкое лезвие с подвесками в виде маленьких бронзовых черепов раскалывает пополам булыжник. Схватив наметченную добычу, круглый стальной щит необыч-

ного светло-фиолетового цвета с алым узором, Коннахар успел подставить его под очередной сокрушительный удар. Рука мгновенно онемела, а поперек щита протянулась глубокая вмятина. Низкорослый заревел — Коннахар не разобрал ни единого слова — и, крест-накрест полосуюя воздух, попер на принца, а на того, что поднялся следом, вихрем налетела чья-то смутно знакомая фигура с длинным блестящим мечом.

«Драконий шлем», крикнув, отбил удар окоченным железными кольцами топориком. Клинок с яростным визгом проехался по железу, но дальнейшей схватки между защитником цитадели и солдатом армии завоевателей Конни не видел. Его слишком занимали попытки увернуться от проворно мелькающей секиры, оказывавшейся то слева, то справа, норовившей ударить по ногам или хлестнуть поверху спасительного щита, удивительно легкого и прочного. Вот когда сполна пригодилась наука незабвенного месьора Борса Тегвира из Атрены, придворного наставника воинских искусств. Однако никогда доселе Коннахару не доводилось выходить против столь опытного соперника, к тому же ничуть не обремененного сдерживающими правилами учебного поединка.

«Мне конец. Поскачу еще немного, и он меня достанет. Непременно достанет. Что я могу против этого жуткого топора с одним щитом? Ровным счетом ничего...»

— Коннахар! Эй, Конни! Падай! Да упади же!..

В реве и грохоте битвы и нестройном хоре во-

инственных кличей два знакомых голоса прозвучали совсем слабо, и Конни, оглушенный, растерянный и испуганный, их не услышал. Однако он упал и без чужой подсказки — обломок гранита невовремя подвернулся под ногу — потеряв равновесие, грохнулся спиной вперед, безнадежно вскидывая над собой покореженный щит. Отчетливо представилось, как опускающееся лезвие с легкостью разваливает на две половинки сперва металл, а затем наследника аквилонской династии...

Воздух хищно и пронзительно свистнул, и дверг, замахнувшийся для финального удара, рухнул навзничь, загремев навьюченной на него сталью. Громыкнула выпавшая из рук владельца и отлетевшая в сторону секира, звякнули спутавшиеся цепочки со зловещими украшениями.

Пару ударов сердца Конни просто лежал, уставясь в поразительно спокойное небо с белоснежными хлопьями легких перистых облаков. Проклятье, мелькнула мысль, если бы вся эта груда железа обрушилась на меня, вышло б не хуже, чем топором...

— Коннахар, поднимайся! — рядом возникли ноги в потрепанных остроносых сапожках. Сапоги выглядели незнакомыми, зато напряженный голос с привычкой растягивать гласные Коннахар признал без труда. Среди окружавших его людей так разговаривал только уроженец Темрийской провинции Лиессин Майлдаф, он же Лью. — Нашел время вздремнуть! Конни, очнись, мы в беде!

Последняя фраза звучала уж совсем обеспокоенно.

— А то я сам не понял, — огрызнулся наследник Аквилонии, отбрасывая в сторону верно послуживший щит и со второй попытки поднимаясь на ноги. В глубине души мелькнуло и, устыдившись, пропало виноватое облегчение. Выходит, в ловушку магических врат он угодил не в одиночестве.

Былой противник Конни обнаружился поблизости — бездыханная горка металла и плоти, вяло подергивающая ногами. Воинственного коротышку прошило тяжелым копьем, меж звеньев кольчуги просачивались густые черные ручейки. Торопливо отведя взгляд, Коннахар проследил возможное направление полета копья и наткнулся на полуобрушенный балкон, лепившийся ярусом выше.

На балконе метались два человека, коим также выпала участь невольных спутников наследника трона Аквилонии. Там же на треноге громоздился невиданный счетверенный арбалет, заряжавшийся множеством стрел и похожий на чудовище с несколькими растянутыми в ухмылке зубастыми пастьями.

Несмотря на панику и страх перед незнакомой местностью, у Эвье Коррента или Ротана Юдаля достало сообразительности схватить повернувшееся копьё и метнуть его в существо, едва не прикончившее Конни. Бросал наверняка Эвье, имевший прирожденный талант к этой военной забаве. У Ротана правая рука до сих пор

болталась на перевязи после удара гульскими когтями.

— Оставайтесь там! — требовательно крикнул Лью. Юсдаль-младший, начавший спускаться по шаткой приставной лесенке, застыл на месте, растерянно оглядываясь через плечо. — Вернись назад, говорю! Эвье, пошарь там где-нибудь припасы к этому жуткому арбалету! Если есть — зарядите и направьте на стену, и стреляйте, стреляйте, они сейчас полезут снова! Коннахар, а мы с тобой...

Он повернулся к принцу — серебряные волосы растрепаны, ссадина на лбу запеклась кровью — и Коннахар заметил широкую алую полосу, расплывающуюся по лезвию длинного меча Лиессина Майлдафа. Однако что именно хотел сказать темриец, так и осталось неизвестным. Со скрежетом, от которого у Конни заныли зубы, в порушенную стену вцепились острые крючья еще трех штурмовых лестниц.

Дверги завывали и пошли на приступ.

* * *

Пробираясь между обломками, Конни вспомнил об обладателе шлема в виде драконьей морды. Должно быть, Лью прикончил врага или сбросил его вниз. Совершенно непривычно было видеть Лиессина Майлдафа, сладкоголосого скальда, завсегдатая кабаков и покорителя девичьих сердец, в роли умелого воителя. Знать бы еще — как, собственно, здесь очутился сам Лиес-

син и двое других приятелей аквилонского принца? Но самый главный вопрос — где оно, это таинственное "здесь"? Далеко ли от Тарантии или от Рабирийских гор? Мельком Конни углядел зубчатый гребень огромного бастиона, крытые деревянные галереи, лестницы и движущиеся по ним вдалеке фигурки. Истинные хозяева цитадели должны заметить брешь в своей обороне и прислать отряд в подвергшуюся нападению башню. Хорошо бы они сделали это поскорее.

Не давало покоя и другое соображение. Последний раз хирд, гномье воинство, выходил на поверхность и принимал участие в сражении людей по меньшей мере лет сто или двести тому. Почему же тогда дверги штурмуют стены неведомой крепости? Как она называется? И кто, в конце концов, ее защищает?

...Одну из лестниц Конни и Лью на удивление ловко — будто всю жизнь этим занимались — отпихнули от стены, воспользовавшись трофейной секирой и подобранным багром с хитроумным тройным зацепом на конце. Крючья, намертво впившиеся в черный с алыми прожилками гранит, никак не желали отцепляться. Тогда Лиессин попросту обрубил их. Уткнув багор и секиру в верхнюю перекладину, молодые люди поднажали, преодолевая сопротивление лестницы и тяжесть повисших на ней двергов. Металл пронзительно заскрипел по каменным зубцам; лестница грузно поехала в сторону, а спустя пару ударов сердца снизу донесся хрусткий удар и нестройный яростный вопль, вырвавшийся из десятков

глоток. На другую, напрягая все силы, скатили обломок стены весом стоунов в двадцать — каменная глыба вдребезги раздробила деревянные перекладины, похоронив под собой всех, кто находился на них.

В азарте от успеха Льюу, подтянувшись, сунулся в проем между зубцами — глянуть, много ли ущерба причинено врагам. Конни едва успел втащить приятеля обратно, когда над вершиной башни взмыло мерцающее черной рябью облако пущенных снизу стрел, смертоносным градом застучавших по камню.

Не сговариваясь, оба защитника поневоле метнулись, пригибаясь, в единственное подходящее укрытие под самой стеной — стрелы туда пока не достигали. В миг краткой передышки, пока лучники внизу перезаряжали свое оружие, Коннахар дотянулся до валявшейся поблизости оторванной крышки какого-то ящика. Та выглядела достаточно толстой, чтобы временно заменить щит-павизу.

— Ты не представляешь, сколько их топчется внизу, — ошарашенно бормотал Лиессин, привалившись к стене и косясь на цокающие поблизости стрелы. — Не меньше тысячи или двух, и на подходах еще больше... Еще я заметил какую-то здоровенную сверкающую дрянь навроде передвижного тарана. Она пока далеко, но ползет прямо сюда. Башня, кстати, довольно высокая — локтей под тридцать-сорок, точнее сказать не берусь.

— Лучше скажи, как будем выкручиваться,

когда к зубцам приставят еще несколько лестниц? — предложил Конни, осторожно высовываясь из-за укрытия. Торчавшие на балконе Ротан и Эвье сообразили затаиться, ожидая завершения атаки. — И вообще, как вас угораздило свалиться в портал? Может, Хасты тоже околачивается неподалеку? Он ведь первым сунулся в эти тресклятые врата!

— Одноглазый или кто другой из лагеря на Рунеле на глаза пока не попадался. Как сюда занесло эту безумную парочку — мне неизвестно. Лично я прыгнул следом за тобой, потому что... — Льюу замаялся, подбирая слова: — Ты вроде как вошел в дверь, из которой лился золотистый свет, и начал исчезать. Мне стало позарез любопытно: что там, с другой стороны? Упустить такой случай — да ни за что на свете! Так что я сгрел ножны с мечом и кинулся очертя голову вперед, надеясь, что повезет. Слыхал я байки про магические ворота: заходишь в них целеньким, потом твою голову находят в Нордхейме, туловище в Стигии, а ногами закусывают рыбы в Полуденном Океане. Но я ведь парень не промах — сложил пальцы в охранительном жесте и ринулся вперед с именем Морригейн на устах... и вот я здесь, целый и невредимый!

— Пока невредимый, только очутился демон знает где, — подвел итог Конни. — Меч прихватил, а анриз не успел? Как же ты без него?

— Справляюсь как-нибудь, — легкомысленно отмахнулся Майлдаф-младший, хотя напоминание о маленькой арфе, с которой он почти не

расставался, наверняка было болезненным. — Перестали стрелять? Ну, раз-два!..

* * *

Очередной град стрел, пущенных по очень крутой дуге и сыплющихся почти отвесно, они вновь переждали под импровизированным щитом из досок, положенных на выступы стены. В нескольких местах изнутри щита торчали черные наконечники стрел, пробивших толстенное дерево насквозь.

— ...Первого, кто сунется, цепляем и скидываем на головы остальным или незамысловато сносим башку, — Коннахар согласно кивнул, подвигая ближе позаимствованную секиру, едва не подведшую черту под его краткой жизнью. Оружие оказалось ему не по руке — тяжеленное, с неудобной центровкой — зато им было удобно орудовать, не слишком высовываясь из-под прикрытия. Также среди оружия, в изобилии раскиданного среди куч щебенки и мертвых тел, он подобрал себе небольшой арбалет со связкой стрел, а Лью разжился дюжиной метательных ножей. Единственно правильный выбор — в ближнем бою против воинов в тяжелом доспехе у юношей не имелось ни единого шанса. — Пока они сыплют проклятьями и собирают уцелевших, бежим к следующей лестнице и проделываем то же самое. Хорошо бы еще разок швырнуть в них пару камней потяжелее, благо этого добра тут хватает. Или окатить горячей смолой, но где

разжиться таким богатством? Если и стоял здесь смоляной котел, то его унесло с обрушившимся куском стены... Готов?

— Нет, — честно признался наследник аквилонского королевства, прикидывая, как бы полвчее выкарабкаться из-под верно послуживших досок. На свое счастье, он не успел этого сделать, остановленный предостерегающим криком и басовитым скрипом натягиваемой тетивы — вчетверо громче против обычного.

На балконе, вместо правого края коего остались только сиротливо торчащие балки, обозначилось некое шевеление. Чьи-то руки закрутили изогнутый ворот, торчащий обок диковинного стреломета, и все четыре мощных лука начали плавно выгибаться назад.

Выглянувший из-за подпорки человек — судя по взъерошенной каштановой шевелюре, отпрыск семейства Коррент — бодро помахал рукой, указывая на участок стены, где почти вплотную друг к другу теснились три лестницы, по каждой из которых споро карабкались воинственные карлики.

Словно его жест послужил сигналом, над стеной появились захватные крючья еще пары лестниц. После второго приступа, отбитого столь же доблестно, как и первый, разъяренные дверги навалились всем скопом. Конни усердно гнал прочь от себя явственное ощущение того, что этот штурм может оказаться для четверых мальчишек последним.

— Они в самом деле взводят это чудовище! —

не поверил своим глазам Конни. — И собираются палить по дворгам!

— О вечно юная Морригейн, ниспошли им удачу, а нам отвагу! Если еще и попадут, я сочиню о них скелу, достойную героев древности! — проорал в ответ Лиессин, перекрывая шум битвы.

Доски укрытия внезапно хрустнули и прогнулись под немалым весом спрыгнувшего со стены нападающего. В паре шагов поодаль Конни заметил сразу с полдюжины одетых в железо карликов с уже знакомыми топорами на длинных рукоятях, сбившихся в плотную группу. Их сотоварищи торопливо карабкались по перекладинам, набрасывая на стенные зубцы длинные петли веревок. Дверги орали наперебой, поторапливая отставших — и оттого не расслышали сухого и четкого щелчка спускаемой тетивы.

Десяток уложенных веером стрел сорвался в полет, шипя и оставляя за собой отчетливо видимый след пронзительно-голубого огня. Стрелки взяли прицел чуть выше, чем следовало: часть болтов бесполезно канула за стену, не причинив никому вреда, но некоторые поразили цель. Пара приземистых созданий рухнула на месте. Один, получив толстый короткий дротик в живот, согнулся пополам, закружился волчком, выронив оружие, подвывая и расталкивая собратьев.

При втором и последующем выстрелах Эвье и Ротан учли опибки, слегка наклонив арбалет вниз. Боги ведают, как того добились творцы стреляющего чудовища, но смертоносные залпы

следовали один за другим с невероятной быстротой, будто из колчана лучника — чемпиона. Дворгов за считанные мгновения точно ураганом снесло. Уцелевшие коротышки сиганули прямоком через стену, не прибегая к помощи лестниц и цепляясь за сеть болтающихся веревок. Подгорный житель, топтавшийся над головами Конни и Лью, продырявленным мешком ухнул вниз.

Парочка на балконе улюлюкала и вопила едва ли не громче празднующей победу армии, пока Лью не велел им заткнуться и готовиться к встрече следующей волны нападающих.

Таковая не заставила себя долго ждать. Наученные горьким опытом дворги сперва взгромоздили наверх несколько массивных треугольных щитов, размалеванных синей и желтой краской. Арбалетные стрелы отскакивали от слоя металла и дерева. Устрашающий рокошущий гул внизу приблизился, став гораздо громче.

— Ну все. Теперь нам крышка. А я-то думал, будет интересно, — с неподдельной тоской бормотал Лиессин. — Говорили мне матушка с отцом — сиди дома, порти девок, так ведь нет... Надо было слушаться родителей, носа не высовывать за порог... Пора сматываться, мой принц, геройство хорошо до определенных пределов...

— Как?! Куда? — воскликнул Коннахар. На самом деле путей отступления виделось достаточно, но ни одним из них воспользоваться они бы не смогли. Припустить вдоль стены, плавными извивами простирающейся в обе стороны, до следующей башни? Самое малое две сотни шагов по

открытому месту — стрела догонит. В толще башни, нависшей над их головами, имелись узкие бойницы над балконом и несколько дверей, ведущих со стены внутрь. Но, увы, бойницы располагались чересчур высоко, под самой плоской смотровой площадкой, а створки Лью проверил в первую очередь, едва выдалась передышка. Все они оказались заперты изнутри.

— А, пр-роклатье... За мной!

С этими словами Лью, а следом за ним и Коннахар выскочили из убежища, лицом к лицу столкнувшись с троицей противников, под прикрытием щитов только что прыгнувших на площадку. Отпрыск Бриана Майлдафа немедленно позабыл о благоразумном намерении искать спасения. Издав воинственный клич, он схватился с первым из троих, оставив двух других на долю приятеля.

По ближайшему Конни в упор разрядил арбалет, вогнав стрелу в глазницу шлема. На второго, отбросив бесполезный самострел, замахнулся трофейной секирой. Топорище, стянутое стальными кольцами, неловко провернулось в руке, тяжесть оружия вкупе с силой молодецкого замаха отбросила юношу в сторону, и дверг без труда отвел удар.

Дальнейшие события запомнились Конни чередой странных рваных впечатлений и отвратительным вкусом каменной пыли, смешанной с кровью, на губах.

Вот он скорчился в тени под основанием разбитой гигантской катапульты, а мимо грохочут

сапоги бегущих по стене двергов. Каким-то чудом он жив и даже не ранен, и вместо секиры рядом валяется чужой, непривычно изогнутый ятаган синей узорчатой стали. В боку пульсирует боль — тот удар древком, сбивший его с ног, был хорош — но сам враг куда-то пропал. Побрезговал добивать поверженного мальчишку, а может, валяется неподалеку с дротиком в ребрах.

Вот Лью карабкается по приставной лесенке на балкон, задерживается на самом верху, и в его пальцах искрами взблескивают метательные ножи — один, другой, третий... Неточно пущенный короткий топорик осыпает его горячей гранитной крошкой. Темриец орет что-то оскорбительное, неслышное за грохотом боя, и ничком валится на балкончик, пинком сбрасывая лестницу вниз.

У Эвье и Ротана кончились припасы к их скорострельному чудинцу, и смертоносный дождь иссякает. Оставшись без оружия, они укрываются за перилами балкона, пытаются вжаться в гранит, в отчаянии закрывая головы руками, а со штурмовых лестниц на стену течет и течет закованный в броню поток. Несколько окованных железом переносных таранов бьют в толстые створки дверей, ведущих внутрь башни, дверги, раскачивающие их, утробно ухают при каждом ударе. Вот одна из створок не выдерживает, и в открывшийся темный проем немедленно вваливается торжествующе орущая толпа.

Очередной спешащий мимо дверг, царапнув взглядом по сжавшемуся в комок принцу, вдруг

замедляет бег и присматривается повнимательней. Шлем он потерял, и Коннахар, подняв глаза, видит над собой маленькие яростные глазки под низким лбом и злорадную желтозубую усмешку, блеснувшую в густой пегой бороде. Секира с рокочущими бубенцами на обушке взлетает в воздух...

...Обитателю подземелий не удалось завершить размашистого движения. Промеж ключиц у него внезапно выросла стрела — длинная, тонкая, крашеная в сизый цвет, с желто-алым оперением. Подгорный воитель всхрипнул и повалился ничком, намертво придавив Коннахару ноги. Рядом на бегу рухнул его собрат, срезанный столь же метким выстрелом. За первым залпом последовал второй, потом еще и еще — победные кличи нападающих сменились воплями боли и ужаса. По всей стене то один, то другой карлик падал на залитые кровью плиты, сипя пробитым горлом, хватаясь за простреленную руку или пытаясь выдернуть стрелу из прошитого насквозь бедра. Смертоносные гостинцы летели, однако, не с порушенного балкончика, послужившего укрытием Ротану, Эвье и Лиессину Майлдафу, да и ничуть не походили на толстые, уродливые арбалетные болты.

Долгожданная помощь пришла с иной стороны.

Крепость, наконец, прислала своим гибнущим защитникам подкрепление.

* * *

На верхнем ярусе башни, на смотровой галерее, появились два десятка стройных фигур в просторных темно-фиолетовых одеяниях. Взгляду Коннахара они предстали четкими черными силуэтами на фоне безмятежного синего неба, и каждый сжимал в руках длинный мощный лук с двойным изгибом. Лица, скрытых под капюшонами, снизу было не разглядеть, зато неведомые стрелки со своей удобной позиции все происходящее на стене видели как на ладони, а их умению обращаться с оружием позавидовали бы прославленные ветераны аквилонской гвардии. Опомнившиеся дверги схватились за арбалеты. Однако сделать ответный выстрел успевали немногие — воины на башне опустошали колчаны куда быстрее. Большинство двергских арбалетчиков полегло прежде, чем успело как следует прицелиться.

Оставшиеся в живых ринулись внутрь башни или пытались укрыться за желто-синими щитами, а с лестниц валили новые на смену погибшим. Что-то огромное ревело и лязгало за стеной, сотрясая основание башни.

На какой-то миг чаши весов в почти удавшемся штурме уравнились, не предоставляя решающего преимущества ни одной из сторон. И тут на расстоянии ладони от носа лежащего ничком в своем укрытии Ротана упала веревка, змей скользнувшая с одной из бойниц.

Камешек, перетянувший весы на сторону оса-

жденных, возник на зубцах верхнего яруса, рывкнул что-то стрелкам и кубарем скатился по веревке на стену, усеянную лежащими вперемешку трупами защитников крепости и нападающих.

Нового пришельца Коннахар разглядел во всех подробностях, даже из того весьма неудобного положения, в коем находился. При иных обстоятельствах увиденное, пожалуй, повергло бы его в ужас. Такой твари ни Коннахару, ни его спутникам видеть прежде не доводилось. Нечто похожее описывалось в историях, повествующих о смертельно опасных демонах, стерегущих заброшенные храмы в дебрях Черных Королевств...

Коренастый и невероятно длиннорукий незнакомец двигался с быстротой и легкостью атакующего барса. На широком, землистом и грубо слеplенном лице под низким лбом яростно горели оранжевые, с вертикальным копачьим зрачком глаза. Облачением существу служили вороненая кольчуга, перехваченная наискосок полосой широкой изумрудной ткани, легкий кожаный шлем с зеленым же плюмажем на макушке, короткие кожаные штаны, сапоги и стальные наручни. Мощное тело в местах, открытых для обозрения, покрывала жесткая седая шерсть. Тварь сжимала короткое, в пару локтей длиной, древко, завершавшееся на обоих концах длинными, слегка изогнутыми лезвиями. Заточенные до небывалой остроты края клинков, похожих на узкие ятаганы, полыхали тусклой синевой. У их оснований топорщились шипы и болтались пучки кудлатых волос, стянутых алыми нитями. В руках дико-

винного воина, стоило ему отпустить веревку, оружие немедленно закрутилось жужжащим, мерцающим, смертоносным кругом.

Еще с дюжину канатов, разворачиваясь, унало с края башни. По ним заскользили вниз прочие собратья странного воителя.

Тварей в одинаковых кольчугах, с вызывающе торчащими зелеными перьями на шлемах, насчитывалось около двух десятков. Различались они разве что по окрасу шерсти — кто-то светлее, кто-то темнее, один вовсе соловый, навроде лошади породы саглави. Необычных двулезвийных копий явившиеся существа не носили, обходясь тесаками, дввоенными цепами и жутковатыми булавами. Едва коснувшись каменных плит площадки, создания немедленно кидались в общую свалку, превратившуюся в жуткое побоище, где каждый сражался со всеми и все — с каждым; однако вскоре стало очевидно, что обороняющиеся побеждают, не неся притом ощутимых потерь.

Попытка двергов сбиться в некое подобие хирда и раздавить проворных врагов по одному быстро провалилась, вдобавок пепельные стрелы вновь принялись язвить карликов в приоткрывающиеся щели доспехов. Вскоре пал последний из захватчиков — кто вовремя не бежал, остался лежать с пропоротым брюхом, раздробленной головой или стрелой в глазнице — а новые силы подходить не торопились, и лишь неясные крики и звон металла, доносящийся из темного нутра башни, напоминали о том, что там все еще продолжается бой.

Даже теперь положение защитников крепости виделось не слишком благоприятным — на стороне dwarves оставалось подавляющее превосходство в численности, из-за стены могло подоспеть почти любое подкрепление. Но тут произошло непонятное. Металлически лязгнув, открылись стальные челюсти захватных крюков, и одна за другой все пять штурмовых лестниц освободили брешь. Одно из звероподобных существ прыжком забросило себя на стеной зубец, проревело вниз короткую фразу, сопроводив ее выразительным непристойным жестом, и скатилось обратно под одобрительные выкрики с галереи и рыканье со товарищей.

Тварь приметной темно-рыжей масти вынырнула из лишившегося створок дверного проема башни и, махнув длинной лапой, окликнула носителя зеленой ленты. Вопль извещал о выигранной схватке во внутренних помещениях, потому что следом наружу повалили остальные звероподобные воины. Несколько dwarves выволокли на стену еще живыми и упирающимся изо всех сил — и без лишних церемоний столкнули в пролом, на копыта их же соплеменников.

* * *

Серая зверюга (Коннахар считал ее, вернее, его, предводителем отряда диковинных созданий, обличьем смахивающих на крупных дарфарских обезьян, а повадками — на воинов Дикой Сотни королевской гвардии Тарантийского замка) рас-

хаживала по площадке, сильно горбясь и ворча себе под нос. Порой, обнаружив, что какое-либо из dwarfsких тел все еще пытается шевелиться, существо задерживалось на мгновение — взмах двулезвийного копья приносил раненому быстрое избавление от дальнейших страданий. Воин подбирался все ближе к разбитой катапульте, и вид его окровавленного оружия вызывал у Конни неприятное нытье под ложечкой.

«Позвать на помощь? Или лучше промолчать? — старания принца выбраться из-под неподъемной туши убитого dwarfsкого закончились ничем. — Кто знает, что взбредет в голову этим тварям... А, все едино! Не лежать же тут пластом до скончания века!»

— Аргх! Вот ты где! — массивная башка резко повернулась, уловив судорожные трепыхания придавленного человека. Голосина у зверообразного создания оказалась под стать внешности — словно рашпилем провели по сильно заржавленному куску железа, но слова звучали достаточно разборчиво и внятно. Тварь заковыляла по направлению к наследнику аквилонского престола, ловко пробираясь между обломками. — Харр! Что я вижу? Кажется, тут что-то живое! Эй, парень, вылезай из-под своей бородатой подружки — видишь, она тебя больше не хочет!

Покрытые шерстью воины встретили возглас своего командира дружным хохотом. Какого демона, подумал Коннахар, коему в этот миг было вовсе не до шуток. Тоже мне, весельчак сыскался!

— С радостью уступаю ее тебе! Вы с ней поладите! — огрызнулся он, пытаясь хотя бы усестыся. Твари заржали еще громче, а пуще всех, как ни странно, веселился воин с зеленой перевязью. Добравшись через завалы мертвых тел до принца, он протянул тому мускулистую руку — или, что правильнее, лапу — и легко, как морковку из земли, выдернул из-под мертвого дверга, восклицая:

— Ба! Да этот любитель дохлых грязекопов знает Наречие! Забавный парень! Пожалуй, я не убью его — пусть веселит наших баб на постирушках! Ладно, шутки в сторону — эй, олухи, славьте героя! Четверть терции он почти в одиночку удерживал стену, пока мы неслись сюда сломя голову! Зачем нас вообще звали, аргх? Ребята сами прекрасно справлялись!

— Четверть терции?! — обескураженно переспросил Коннахар. Что такое «терция», принц не знал и спрашивать не решился, но подозревал, что речь идет о крайне малом промежутке времени. Как же так, ведь он был твердо убежден, что провел на стене под стрелами по меньшей мере колокол?.. — Всего-навсего?!

— А сколько? Седмицу? — оглушительно захотал серый воин, ободряюще треснув юношу промеж лопаток. — Когда занят делом, время течет быстро!

— Но я думал...

— Э, да он думал! Никогда больше так не делай, — наставительно посоветовала зверюга, скаля длинные клыки цвета старого дерева в подо-

бии широчайшей ухмылки. — Очень вредное занятие! Один мой дружок тоже вот много думал — наверно, хотел сделаться сиидха, аргх! Ну, и чем все закончилось? Между ушами завелись червяки, башка вспухла, и сам он стал очень скучный и совсем холодный. Перед тем его, правда, копьём насквозь пропороли, ну да это не в счет — с кем не бывает!

Истинность познавательной истории удостоверили многочисленные кивки и смешки. С разных сторон на Коннахара с насмешливым любопытством уставилось пять или шесть пар блестящих глаз с узкими кошачьими зрачками.

— Думать мы, может, и не способные, зато соображать умеем, — заключило существо уже более деловым тоном. — Дружки твои где? Ну, которые падали из «Змеиной пасти» — как у вас только силенок достало ее взвести?

— Т-там, — заикнулся Конни, указывая на покосившийся балкон. Над ограждением опасно высунулись головы — сперва одна, затем к ней прибавились еще две.

— Снять! Волоките их сюда! — рявкнул предводитель и вновь обернулся к принцу: — Никто не ожидал от камнеедов такого проворства — едва объявились, немедля всадили по нижнему бастиону. Да как точно попали, мерзавцы! Все, кто тут стоял, сразу полегли... — бугристая физиономия с вывороченными черными ноздрями на миг скривилась. — Хорошо еще, что это только их передовой отряд — силу пробуют, харр... Вы как уцелели? В подвале отсиделись? Чего молчишь?

Как звать, откуда родом, какого клана? Почему шляешься по стенам в бабьих тряпках и безоружным?

Под градом быстрых вопросов отпрыск аквилонской фамилии окончательно растерялся.

Митра Милосердный, угодили из огня да в полымя. Как поступить, что сказать? Назваться полным титулом, объяснить про магический портал и попросить помощи в возвращении домой?..

Внутренний голос подсказывал: упомяни он Аквилонию или Тарантию, местные обитатели глянут с недоумением и заявят: «Такие названия нам неведомы». Рассказу же про сумасбродного одноглазого мага и Проклятие Рабилов вовсе не поверят. Сочтут еще за демонов в человеческом обличье, да и прикончат всю компанию, чтобы не рисковать понапрасну...

— Ну? — поторопило существо, раздраженно постукивая кончиком своего причудливого оружия по камням. — Язык отсох или память отшибло?

— Меня зовут... — собрался с духом Конни, но договорить не сумел. С верхней галереи, где обосновались лучники, долетел переливчатый свист и тревожный вопль:

— Эй, Цурсог! Берегитесь!..

— Аргх?.. — озадаченно рывкнула тварь по прозвищу Цурсог, стремительно оборачиваясь всем телом.

Металлический лязг за стеной достиг своего пика, что-то душераздирающе взвыло, и камень

под ногами содрогнулся так, что принц едва удержался на ногах. Затем еще раз. И еще — и стало ясно, отчего дверги столь спешно покинули стену.

Над порушенным гребнем плавно и торжественно вознеслась продолговатая голова размером с небольшой баркас, сплетенная из металлических полос и сверкающая под ярким солнцем. Голова покачивалась на гибкой, длинной шее, под которой торчали по меньшей мере две пары стальных шипастых лап, намертво вцепившихся в камень, и угадывалось огромное туловище, лепившееся снаружи к стене. Подобно паре многогранных стрекозиных глаз, два выпуклых колпака из стальной сетки выширали над чудовищной башкой, и внутри этих колпаков Конни с изумлением различил пару двергов, занятых какой-то лихорадочной возней.

Со смотровой площадки спорхнул рой стрел, не причинивших гигантской многоножке видимого вреда.

Башка мотнулась вправо-влево и распахнула «пасть» — с громким лязгом откинулась круглая крышка, выставив наружу, как язык, закопченную медную трубку с раструбом на конце. Где-то в брюхе чудища родился утробный клекот и перешел в оглушительный свист.

— Харр! Саламандра пришла! — проорал Цурсог. Схватив оторопевшего Коннахара, как котенка, поперек туловища, он швырнул принца за массивный постамент катапульты и сам прыгнул следом — как оказалось, вовремя, потому как в

следующий миг у основания башни разверзлось жерло вулкана.

Поток жидкого пламени под напором рванулся из пасти металлического чудища. Ревущий факел, ярко-оранжевый по краям и ослепительно-белый в раскаленной сердцевине, мгновенно затопил часть стены размером десять на десять шагов, неплом развеял трупы, оказавшиеся на его пути, и обуглил до черноты те, что лежали поодаль; уперся в гранитные блоки башни, хлынул внутрь по лестницам, по которым мгновением раньше скрылись собраты Цурсога, почуяв недоброе... Изнутри башни слышались вопли сгорающих заживо — даже рев огненной стихии не мог заглушить их полностью. Коннахар, которого вдавливала в гранит мощная туша Цурсога, ощутил яростный жар на своем лице, почувствовал, как потрескивают и скручиваются волосы на голове и вдохнул отвратительный сладковатый запах горящей плоти. Балкон! Балкон, где укрывались его друзья — полыхающий вихрь бился как раз под ним, испепеляя все живое, расплавляя камень и заставляя железо течь, как воду...

— Лежать! — тяжеленная лапа пригвоздила безотчетно рванувшегося к башне аквилонского принца, впечатав его в изломанные плиты. Коннахар забарахтался, пытаясь вырваться и что-то невнятно выкрикивая. — Лежи, говорю! Если твоих приятелей успели согнать вниз, значит, им повезло... а ежели нет, то так тому и быть.

Осознав, что с Цурсогом ему не справиться, Конни затих. Клокочущая над его головой огнен-

ная буря внезапно иссякла, «саламандра» втянула смертоносный язык и грузно заворочала башкой, обозревая причиненные разрушения — в точности как поступило бы разумное существо. На самом деле осматривались, конечно, управляющие чудовищем карлики, выискивая уцелевших защитников цитадели.

Разгром на стене царил полнейший. Серый цоколь башни украсился угольно-черными разводами и огромной вмятиной с оплавленными краями. От балкона и большого арбалета на треноге не осталось даже следа, лишь несколько жалких головешек торчали из тела башни там, где прежде были толстые деревянные балки. Смотровая площадка уцелела, но вершину башни заволакивали клубы удушливого черного дыма, и было неясно, удалось стрелкам вовремя покинуть опасное место или же они погибли в огне.

— Проклятые пожиратели глины, — заорал Цурсог, в ярости ударяя по станине катапульты, — они превратили нашу победу в поражение! Огонь и железо, харр! Нечестная игра! Грязные ублюдки, вот они кто! Если саламандра развернет лестницы, бастион потерял!

— Какие лестницы? — пискнул Конни из-под руки защитника крепости.

— Те самые, которые эта железная дрянь таскает на спине! А мы даже не можем подойти к ней, харр! Пусть только они рискнут подняться на стену, я покажу им! Сгорю, но пару дюжин червяков прихвачу с собой, харр!

— Цурсог, а чем стреляла катапульта?..

— Что?!.. Аргх! Ты умный! Я поглупел от злости! Не вздумай вставать, саламандра спалит тебя! Кого я буду тогда благодарить?

Зверовидный воин метнулся и исчез за станиной камнемета прежде, чем копошащиеся в сетчатых колпаках дверги заметили его прыжок, и Конши услышал стук, словно его мохнатый спаситель откинул крышку большого ящика. Голова металлической многоножки покачивалась, бдительно наблюдая за опустевшей стеной. Страшная медная трубка в пасти чудовища тоненько посвистывала, над раструбом бился маленький язычок голубого огня.

Один из двергов, управлявших диковинной осадной машиной, повернул какой-то рычаг, и на широкой плоской спине «саламандры» развернулись веревочные лестницы.

Цурсог длинным прыжком вылетел из своего укрытия. В лапах он сжимал стеклянню блестящий шар размером с крупный арбуз, оплетенный тонкой серебряной сеткой и заполненный чем-то искрящимся, розовым — совершенно не тяжелый с виду, однако уродливая физиономия Цурсога перекосилась от напряжения. Голова «саламандры» дернулась в его сторону. Послышался знакомый зловещный свист.

Воитель оказался быстрее.

— На, подавись! — гаркнул он, поднял над головой шар и с натугой метнул прямо в разъявленную «пасть».

Раздался звук, похожий на кашель великана, и морду металлического монстра охватило хо-

лодное фиолетовое пламя. Дверги, сидевшие в своих укрытиях, беззвучно завопили. Один откинул колпак и полетел вниз с высоты в тридцать локтей, второй бился в судорогах. Стальные когти «саламандры», кроша камень, соскользнули с края стены, верхняя часть гибкого туловища запрокинулась далеко назад, раскачиваясь в воздухе, точь-в-точь повторяя агонию раздавленной сороконожки. Лиловый огонь брызнул из каждого металлического сустава, пробился между пластинами панциря — и жуткое боевое творение подгорных жителей осыпалось вниз, на головы атакующих, многих раздавив и еще больше спалив своим загадочным внутренним жаром. Столбы и пара взлетел едва не выше крепостной стены.

— ...Отходят, — жмурясь от удовольствия, пробормотал Цурсог. Изрядно поредевший двергский отряд откатился на безопасное расстояние от непокорного бастиона, оставив бездыханными на поле боя едва не треть бойцов. Изредка арбалетки нападающих выпускали по стене наудачу несколько стрел, но те уже не причиняли вреда. — Славная победа, парень! Ахой — радуйся, я вижу твоих друзей, живых и невредимых, и почтенного айенн сиидха с ними! Клянусь Темным Творением, их, должно быть, не берет огонь! Только что это они? Решили вдруг полежать, ноги не держат? Эй, ты тоже?..

— А... в-ва... — теперь, когда самое страшное, похоже, было позади, Коннахара охватил запоздалый озноб — да такой, что колени у него подко-

сились, и юноша сполз по горячей, вымазанной копотью стене. — Чт-чт... что это было... живое?..

— Аргх! — Цурсог с отвращением сплюнул. — Только что был умный, стал глупый. Даже грязекопам хватит ума не связываться с живой саламандрой. Собранная, построенная — какая разница? Грязная дрянь, и порождение грязных тварей! Сколько раз увижу недомерка — столько раз убью, харр! Как, ты сказал, тебя звать?

— Коннахар, — выдавил принц. — Из клана Канах.

— Я Цурсог Мохнатое Конье, — горделиво представился новый знакомец. — Клан Канах? Не помню такого. Какие цвета?.. А, неважно. Мы еще поговорим, позже. Аргх! Ты и твои друзья сражались почти как воины. Я запомню вашу отвагу.

— Спасибо, что спасли нас, — Конни сделал попытку встать, и ему это удалось, хотя и не сразу. — Всех вместе... и меня в отдельности. Я твой должник, почтенный... э-э... Цурсог.

— Вождь, беда, — подошедший воин в продранной, обгорелой кольчуге говорил тихо, склонив косматую голову. — Обжора, Длинноногий, Ругу и Шептун сгорели в колдовском огне. Следопыт и Черные Пальцы при смерти. Много раненых. Ты нужен.

— Я услышал тебя, Хазред, и я приду, — снова Коннахар заметил, как бугристое лицо странного воина передернулось короткой судорогой. — На закате мы устроим большой пир — все они были славными бойцами, нельзя, чтобы воин уходил за

Грань в печали! Раненых отнесите к лекарям. Сиидха не пострадали?

— Сиидха убить непросто, — пожал плечами Хазред. — Сиидха пройдет над пропастью по шелковой нитке, поймает стрелу в воздухе и сумеет укрыться на голом камне. Но они удивлены и напуганы. Прежде им не доводилось такого видеть.

— Харр! Мне тоже. Хазред! Возьми мальчишек и странного сиидха, который с ними. Сперва к лекарям. Потом... Потом отведи в арсенал, к Мизрою, пусть приставит их к какому-нибудь занятию. Я должен потолковать с ними, но не сегодня. Все, проваливайте!

Вместо положенной обиды — как же так, вместо заслуженного признания его прогоняют со стены, отсылая в какой-то арсенал! — Коннахар испытал небывалое облегчение. Хазред, отсалютовав командиру, потащил молодого человека за собой, прочь от ставшей местом побоища башни. Шагов через полсотни что-то надоумило Конни посмотреть налево. Из груди юноши вырвался сдавленный писк, и он окаменел, не завершив шага. Провожатый зло рыкнул, но даже это не заставило наследника аквилонского престола сдвинуться с места.

Громада башни больше не загораживала крепость. Теперь Конни увидел ее почти целиком — три ряда неприступных бастioned, уступами окруживших устремленную к небесам вершину пологой горы, правильные квадраты аккуратных построек выше по склону и три потрясающе кра-

сивых серебряных шпиля в самом сердце твердыни. Башня, которую они с таким рвением обороняли и которую полагали донжоном крупной крепости, располагалась в самой нижней цепи укреплений, служа всего лишь чем-то вроде навратного барбикена, — а вдоль стены, уходившей за склон горы, громоздились еще десятки подобных сооружений...

— Где я? — потрясенно пробормотал Коннахар, ощущая, как земля в очередной раз норовит ускользнуть из-под ног. — Где мы?

Пыльное облако на уходящей за горизонт дороге быстро приближалось.

Глава вторая

Где светом стала тьма

21—27 дни месяца Тагорн

Влухи о грядущих переговорах разгуживали по крепости уже два или три дня, окончательно подтвердившись только нынешним вечером. Одной из первых о явившихся с равнины парламентарях прознала госпожа Гельвика, имевшая знакомых в Серебряных Башнях. Новость показалась ей настолько животрепещущей, что предводительница стрелков лично явилась в тренировочный зал — известить заклятого друга Цурсога.

Вожак йюрч и его сородичи выслушали ее без особого восторга. Таковы уж были их природа и характер, что сражения и войны казались им куда привлекательнее мирной жизни. К тому же они свято полагали единственной достойной смертью для йюрч кончину в битве, отголоски которой прогремят сквозь века. Осада Цитадели

показалась им настолько подходящим времяпровождением, что, как язвительно уверяла Гельвика, ради участия в обороне они примчались аж с другого конца света. В ответ Цурсог начинал до тошноты перечислять обиды и поношения, нанесенные его народу всеми иными племенами, начиная со случившегося едва ли не на заре времен покорения Эвериандского архипелага и заканчивая недавним побоищем воинства йюрч с двергами подле какой-то горы Сембердал. Битву эту йюрч, кстати, проиграли.

Вывод из сказанного делался простой и незамысловатый: вздуть всех обидчиков, без различия на правых и виноватых! Начать, по мнению зверовидного воителя, стоило с тех мерзавцев, что топчутся под стенами. Выведенная из себя Гельвика начинала спорить, довольный Цурсог хохотал, словесный поединок переходил в оружный... и тогда все, оказавшиеся поблизости, сбегались посмотреть на удивительное зрелище: приземистый длиннорукий йюрч со своим двулезвийным копьем — и высокая лучница, не расстававшаяся с парой тонких стилетов, чьи изогнутые рукояти превращались в дополнительные лезвия. Завершались сражения одинаково: после изрядной беготни, азартных воплей и звона стали Цурсог провозглашал, мол, он готов сдаться прекрасной сиидха прямо здесь и сейчас. Госпожа Гельвика краснела и вылетала за двери, клянясь, что придет сюда вновь только под угрозой смерти, а йюрч долго и красочно причитал над своим разбитым сердцем.

Увидев это представление впервые, Конни едва не принял его всерьез. Потом ему растолковали, насколько он заблуждается — однако за последнюю седмицу наследник аквилонской династии выслушал такое количество всяческих разъяснений, что устало удивлялся лишь одному: как он и его приятели сохранили здравость рассудка. Наверное, помогла неугомонность молодости и память о деяниях старшего поколения, умудрявшегося вступать в передраги куда похлеще.

Нет, поправил сам себя Коннахар, на долю наших родителей столь странного испытания не выпадало. Конечно, его бесшабашный отец в молодые годы умудрился по случайности возродить к жизни алтарь, мгновенно перемещающий человека на огромные расстояния, и оказаться в пределах таинственной страны, лежащей за Кхитаем и Вендией. Однако Конан Канах вкупе с приятелем сумели уцелеть и благополучно вернуться назад. Удачно завершилось и его путешествие через Врата Мира, когда отряд охотников на чудовищ преследовал диковинную хищную тварь, менявшую облики и жившую охотой на людей. Тогда речь шла о преодолении больших пространств или визите в сферу иного мира, но никто, никто не заикался о том, чтобы четверо ни в чем не повинных молодых людей внезапно очутились в совершенно ином времени!

И нет бы колдовские двери вышвырнули их куда-нибудь поблизости, хотя бы лет сто или две сти назад! Портал, сотворенный Хасты Одноглазым — коего Конни сторыча поклялся незамедли-

тельно и жестоко прикончить, буде удастся встретиться вновь, — проявил небывалое коварство, отправив доставшуюся ему добычу не куда-нибудь, а именно в тот самый временной отрезок, коим себе на беду интересовался наследник Трона Льва!

Теперь он находился в месте, о котором столько читал в разрозненных летописях, чудом переживших бурную историю юности и взросления Хайбории, и мог воочию полюбоваться на участников вершившихся в незапамятные времена событий. Радости от этого он не испытывал ровным счетом никакой.

Коннахар и трое его спутников угодили в ряды защитников Астахэнны, Черной Твердыни, владения легендарного и полузабытого ныне Ночного Всадника. На деле крепость по большей части оказалась серой и черепично-красной, лишь два внешних пояса стен с многочисленными рavelинами и впрямь были сложены из громадных полированных блоков темно-синего, почти черного местного гранита. Говоря по справедливости, ей следовало бы присвоить имя Разноцветной — три кольца бастiónов делились на семь участков, соответствующих цветам радуги и тем магическим камням, носители которых руководили обороной и оказывали колдовскую поддержку защитникам укреплений.

Участок, на котором приятелям довелось принять боевое крещение, находился под покровительством Изумруда, и потому в отличительных символах обороняющихся непременно присутст-

вовал зеленый цвет — в перевязи Цурсога и перьях на племах его соотечественников, в амуниции стрелков госпожи Гельвики, в маленьких значках, выдаваемых воинам на бастiónах. Один такой достался и принцу никому не известной здесь Аквилонии — щиток в форме восьмиконечной звезды, в центре которой горел зеленый камешек. Слева располагались владения Желтых, подчинявшихся носителю Топаза, справа заправлял делами хозяин Аквамарина. На нижний ряд укреплений, где разворачивались нынешние боевые действия, носители Кристаллов заглядывали редко — волшебство творилось наверху, в замке Серебряных Вершин, где обретался сам ужасный и грозный Владыка Цитадели.

На встречу с сей примечательной личностью Конни не рассчитывал, хотя его уверяли, что такое возможно: Его магичность имеет обыкновение навеваться на бастiónы, а в Цитадели иногда проводится нечто вроде всеобщих собраний — для награждения отличившихся, изложения последних новостей или принятия решений, требующих одобрения или неодобрения защитников крепости. Таковых обитателей набиралось довольно много, не меньше полусотни тысяч. Треть из них была собственно воинами, занявшими первый и второй ярус укреплений, в число остальных входили исконные жители Цитадели и прилегающих окрестностей, магии, обитатели Вершины и те, кто трудился для поддержания боеспособности собравшейся армии.

В крепости соседствовали разные племена.

Уже знакомые воители-йюрч; те, кого Цурсог уважительно именовал «айенн сиидха», что в переводе на здешнее общепринятое наречие означало «Старшая Кровь» или «Пришедшие Первыми», а Конни и его приятели отнесли к числу исчезнувших ныне в землях Хайбории альбов. Между собой сиидха делились на разветвленные колена и семьи, крайне ревностно сохраняя традиции и сложные фамильные имена. Ту же госпожу Гельвику на самом деле звали куда длиннее и путанее, принц сумел запомнить только часть ее прозвания. То ли дело Льюу, который, представляясь, на едином дыхании вывалил длиннющий перечень своей родни сперва со стороны матери, затем со стороны отца, отчего в скором времени был принят сиидха если не за равного, то за отдаленного соплеменника. Единению весьма способствовало то обстоятельство, что уже на второй день темриец раздобыл себе новую арфу взамен оставшейся в Рунеле и обзавелся поклонниками среди лучниц отряда Гельвики.

Отыскались среди державших оборону и люди. К удивлению и разочарованию новоприбывших, здесь они смахивали на дальних родичей йюрч, коими шумно восторгались и отчаянно старались им подражать. Как и полагается людям на заре времен, они были отважны, но дики, грязны и неотесанны, и от них Коннахар сотоварищи, опасаясь разоблачения, решили держаться подальше. Наскоро состряпанная Лиессином и Конни байка о «сыне вождя из далекой страны», отправившемся вместе с друзьями и наставни-

ком-сиидха защищать Цитадель, зияла прорехами и не выдержала бы мало-мальского испытания.

Выслушав сбивчивое повествование, Цурсог немедля осведомился, в каком ремесле почтенный сиидха наставляет смертных детишек, не в искусстве ли гоняться за любой проходящей мимо юбкой? И знают ли отцы ребятишек о том, чем занимаются их сыновья?

— Наши отцы — великие воины. Они будут счастливы узнать, что мы служим в Цитадели Всадника, — с важным видом изрек Эвье, прежде чем Конни успел его остановить. Вожак йюрч зареготал. Он обозвал компанию «кучкой бестолковых сопляков» и поинтересовался: много ли заплатят «великие воины» за возвращение потомков, причем живых и относительно целехоньких? Принц окаменел, мысленно кляня приятеля, но Цурсог, отсмеявшись, рассудил, что происхождение мальчишек не имеет значения. Раз пришли и достойно проявили себя в первый же день осады, стало быть, оставаться вам тут до поры, когда защитники Цитадели одержат победу. В последнем йюрч не сомневались, споря по единственному поводу: сколько продлится осада, пару седмиц или больше?

Распорядившийся в огромном арсенале Зеленых бастионов Мизрой, под начало коего для начала определили трех подростков и молодого сиидха, также относился к племени йюрч. Он был гораздо старше и умудреннее Цурсога Мохнатое Копье, много лет провел среди сиидха, оттого об-

ладал куда более правильной речью и любил поболтать, не отвлекаясь, впрочем, от дела. В лице Коннахара, Эвье и Лью он обрел благодарных слушателей.

— Оно конечно, крепость забита припасами по самые крыши, голодать не будем. Однако и те трое, что суетятся внизу, за здорово живешь отсюда не уберутся, — не раз повторял он, следя, как приданные ему новые подчиненные старательно оперяют древки для стрел. — Если они не возьмут Цитадель, то взъярятся нанятые ими дворги. Грязелюб, не получивший в срок обещанной платы — это, скажу я вам, хуже огнедышащего дракона.

Сравнение с драконом прозвучало весьма красноречиво, особенно для Коннахара, случайно увидевшего воочию одно из этих удивительных созданий, в его времени считавшихся давно сгинувшими либо вымышленными. Огромный, сказочно красивый крылатый змий в бронзово-черной чешуе лениво кружил над горами, высматривая что-то в лагерях противника, пока его не обстреляли градом мелких взрывающихся шаров и не вынудили вернуться к крепости. Завидев его, Коннахар вскочил, упустив недооперенную стрелу, а Эвье Коррент жадно спросил:

— А ваши... наши драконы — они огнедышащие?

— Нет еще, — ответил йюрч с явным сожалением. — Маленькие они пока. Не доросли. Эй, третью стрелу портишь! Ну чего рот разинул — дракона не видал?!

Зверь опустился где-то в пределах замка, а Конни обнаружил, что и впрямь стоит с разинутым ртом и таращится в небо, хотя ни у кого другого явление диковинного существа особенно удивления не вызвало. В самом деле, что здесь удивительного? Дракон как дракон.

* * *

Благодаря Мизрою и его необычной для йюрч словоохотливости Конни удалось составить некоторое представление о раскладе сил вокруг Цитадели. По утверждению Мизроя, настойчивее других ядовитое варево в котле помешивал уже известный принцу по хроникам и легендам Исенна из рода Аллериксов, именуемый иногда прозвищем Феантари. Упоминание этого имени сопровождалось у йюрч неизменными плевком и знаком от глаза, а прочие обитатели Цитадели за глаза величали Исенну «Безумцем». Конни почему-то считал, что Исенна руководил осадой Черной Крепости единолично, а оказалось, что под стены явилось аж трое альбийских вождей со своими подданными, не считая старшин дворгского воинства, а также предводителей племен, о которых Коннахару не доводилось ни слышать, ни читать.

— Это все из-за Камней, — заявил хозяин арсенала в ответ на расспросы подростков касательно причин войны. До находившихся под защитой толстых стен арсенала подчиненных Мирзоя долетал только отдаленный гул схватки да

еще порой содрогалась земля и начинали мелко дребезжать развешанные по стенам металлические щиты. — Из-за Радуги, будь она неладна! Упаси меня сболтнуть и даже подумать что скверное про Его магичность... только напрасно он затеял мастерить чародейские кристаллы, а потом раздавать их направо и налево. Куда это годится? Неужто он всерьез решил, будто Исенна с остальными будут стоять и смотреть, как здесь обучают самой что ни на есть высшей магии кого ни попадя? Аллерикс, Корабельщик и Лесной Правитель сами держат по Великому Алмазу, — о чем идет речь, Коннахар не понял, но решил уточнить позже, дабы не сбивать рассказчика. — Олвин, по прозванию Мореход, из них самый разумный. Какими только посулами его сюда заманили и убедили дать корабли для перевозки — ума не приложу. Эрианн из Альвара — злыдня хитроумная, ни слова в простоте, в ратном поле его ни разу не видели, а ворожит, по слухам, лучше всего Радужного Круга, вместе взятого...

— А Исенна? — спросил Конни, в задумчивости выслушав перечень достоинств и недостатков вожаков противника. — Он каков?

— Исенна воин, и этим все сказано, Он спит и видит, как бы захватить Цитадель, переловить Круг и развесить на крепостных зубцах в назидание своим дружкам, — буркнул Мизрой. — Чего он вскорости и добьется, ежели мы будем сидеть да языками чесать впустую. Я тебе что велел делать? Поди-ка дротики в связках наново пересчитай, коли ты такой умный!..

Свой первый день в Цитадели принц Аквилонии и его спутники прожили, как во сне, твердя, что морок вот-вот развеется. Потом стало ясно, что немедленной помощи ожидать не стоит. Да и как ее оказать, эту помощь? Если Хасти, построивший портал, и сумеет как-то определить их местонахождение, вряд ли он тут же кинется им на выручку. Пересечь время наверняка не такая простая задача даже для очень могущественного волшебника...

— Будем ждать, что еще остается? — рассудил Лью. — Бежать некуда, да и незачем, раз мы не знаем расположенных вокруг земель. Нас обязательно спасут, надо только набраться терпения и постараться выжить.

— Да, но крепость-то рано или поздно падет, — желчно напомнил Коннахар, впавший в меланхолию, побуждавшую его видеть окружающий мир окрашенным только в черные тона. — Мы же столько летописей прочитали, и везде говорится: Твердыня Всадника была побеждена и разгромлена, и канула затем в пучину огненную вместе со всеми, кто населял ее.

— При почтенном Цурсоге такого не ляпни, не то тут тебе и конец, — вымученно хихикнул Эвье.

— Падет, — не стал спорить Лиессин. — Но мы же не знаем, когда это случится. Может, через две луны. Может, через год. Ты в силах предложить что-нибудь иное?

— Отправляюсь в Вершины, попрошу допустить меня к здешнему сюзерену и расскажу, ка-

кая горькая судьба его ожидает, — раздраженно отгрызнулся Коннахар.

— Лучше не стоит, — помотал головой Майлдаф-младший. — Сочтут за паникера и, чего доброго, повесят в назидание прочим... Вообще, мне было бы куда спокойнее, если бы ты не покидал этого сравнительно безопасного места. Все-таки я за тебя отвечаю перед твоим отцом... и перед своей совестью.

— Да неужели? — съязвил наследник аквилонского трона. — Что, прямо таки поручение от отца имеется? То есть ты при мне вроде как телохранитель — вражьи стрелы перехватывать, меч за мной носить и все такое? Тогда, братец, сбегай-ка на кухню, принеси свежего эля — твоему принцу грозит смерть от жажды...

Взаимное пикирование вкупе с предельным напряжением последних дней в конце концов вылилось в неуместную и неожиданную ссору. Лиессин неловко сострил, Коннахар ответил более резко, чем следовало — в итоге спустя пару дней компания как-то сама собой распалась. Первым покинул арсенал Льюу, заявив, что ему смертно наскучило сидеть взаперти, взяв с собой приносимым для починки оружием. В отряд госпожи Гельвики, тех самых стрелков в лиловых одеяниях, считавшихся едва ли не лучшими во всей Крепости, его не взяли, но на бастионах без труда сыскалось место для того, кто неплохо владеет мечом и копьем и вдобавок обладает талантом сплетать слова в песню или захватывающий рассказ.

Затем отличился Эвье, из любознательности сунувшийся осматривать стреляющую машину, доставленную намерении из Серебряных Башен и еще не опробованную в бою. Случайно толкнув какой-то рычаг, Коррент привел орудие в действие, и оно выпало беззвучным сгустком шафранного пламени. Сложенная из тесаных валунов стена украсилась идеально круглым отверстием размером с тележное колесо, после чего Мизрой в самых нелестных выражениях указал подопечному на дверь. Цурсог, отчего-то проникший к незадачливым мальчишкам подобием снисходительного сочувствия, устроил Эвье в отряд, помогавший обслуживать катапульты.

Ротан Юсдаль во всех этих беседах не участвовал — пропадал в лечебнице Изумрудного бастиона. Вдобавок к порванной гулями еще на Рунеле руке его угораздило оказаться слишком близко от палящего выдоха «саламандры». Конни навестил его, вызвав у целителей, что никакой опасности приятелю не угрожает, однако выпустят того не раньше чем спустя седмицу.

* * *

На обратном пути в опостылевший и опустевший арсенал Коннахар попался на глаза вожаку йюрч, деловито трусившему вдоль деревянной галереи.

— Вот ты-то мне и нужен! — рявкнул Цурсог, но вместо ожидаемого Конни нагоняя за бездельное шатание деловито осведомился: — Старый

Мизрой сказал, ты умник не хуже сиидха. Грамоте разумеешь, аргх?

— Немного, — опешил от неожиданности вопроса Коннахар.

— Тогда пошли, — и серая зверюга в надраенном до матового блеска доспехе устремилась по лестницам и переходам. Торопившийся следом Конни встревожился, не погорячился ли, сказавшись грамотным. Ни он, ни его спутники до сих пор не могли взять в толк — как они умудряются понимать обитателей крепости?

В Черной Цитадели не могли говорить на аквилонском или любом другом языке Хайбории по той простой причине, что этих наречий еще нет на свете! Однако, раз у вывалившихся из портала пришлецов не возникает затруднений при беседах с йорч или сиидха, стало быть, они каким-то чудом постигли местную речь? Поразмыслив так и эдак, принц счел внезапное умение даром магического коридора, не оставившего свои жертвы безъязыкими. Вот только распространяется ли эта способность на владение письменными знаками?

Идти пришлось недалеко — до приземистого серого с оранжевым зданья казарм, занятых подчиненными Цурсога. По углам дома лепились башенки, в одну из них вела скрипучая винтовая лестница. За полуприкрытой дверью обнаружилась захламленная каморка, посередине красовался изящной работы дубовый стол, заваленный горой потрепанных свитков, разрозненных записей и толстенных фолиантов. Вдоль стен толка-

лись узкие шкафы с горками намотанных на валики чертежей и планов.

— Да-а, запустили мы тут все... — подвижная уродливая морда Цурсога на миг приобрела извиняющееся выражение. Он поскреб длинной лапой в затылке, отчего шлем съехал ему на глаза, и пояснил: — Здесь Шептун хозяйничал, пока дверги его не спалили. Больше совсем никто не справится. Йорч — не грамотей, воины, аргх! А в Вершинах недовольны. Им нужны... как это... отчеты, да! Рассказать могу, на пальцах показать, как было, тоже могу. Писать — не могу. Лучше безоружным против десятка камнеедов, аргх! И на поклон к Старшему Народу не пойду — насмешек не оберешься! Мол, Мохнатое Копье с рождения скудоумен, гораздо только дохлым пожирателям грязи бороды кромсать...

Смысл прозвища вожака йорч аквилонский принц уже знал. По ведомым ему одному причинам после любого сражения Цурсог непременно отхватывал у поверженных карликов одну-две пряди традиционно длинной бороды. Разлохмаченные космы увязывались в пучки и цеплялись на древко двулезвийного копья. Соратники Цурсога уверяли, якобы тот дал клятву набить двергскими бородами подушку и отправить в дар повелителю карликов Зокарру по прозвищу Два Топора. Впрочем, возможно, насмешки были тут ни при чем, а клятва и впрямь имела место — с Цурсога бы сталось.

— Садись давай, — юношу подтолкнули к торчащему из-под стола табурету с плавно изогну-

тыми ножками. — Бери перо, пиши. Посмотрим, ладно ли выйдет.

— Что именно писать? — Коннахар отыскал помятый, но чистый лист. Заодно выяснилось, что содержимое чернильницы почти высохло, а перья очиняли не иначе как секирой.

— Про «саламандру» эту поганую! — тоскливый вопль Цурсога вырвался из самых глубин души воина-йюрч. — Как она выглядела, аргх, как на стену влезла, как огнем плевалась! Да поподробней! Сможешь, нет?

Пожав плечами, Конни присел к столу. К несказанному удивлению молодого человека, из-под его пера бойко заструились свивающиеся причудливым орнаментом знаки, иногда перемежаемые угловатыми рунами наподобие нордхеймских.

Над плечом уважительно сопел Мохнатое Копье, чьи глубоко посаженные оранжевые глазки прямо-таки пожирали рождавшиеся строчки. Читать йюрч, похоже, умел, но, подобно некоторым знакомцам Конни, испытывал сугубое отвращение к возне с бумагами.

— Наверное, ты все-таки сиидха, — заключил воитель, когда на листе возникло красочное описание нападения железной многоножки и ее бесславной гибели, — только какой-то неправильный. Теперь слушай. Я решил. Будешь вместо Шептуна. Дам в помощь Норзо Трехпалого, разбери тут все. Найди лист, где нарисована Цитадель. Как оно... Ну, всякие места — арсенал, склады, казармы... и как добраться...

— План, — кивнул Коннахар, начиная понимать, что за службу сыскал ему Цурсог.

— План, точно! Так вот ты отыщи этот план и запомни как следует, чтобы не плутать и бегать быстро. Еще будешь составлять послания для Вершин, навряд ли этого, — он постучал кривым пальцем по пергаментному листу. — Понял, аргх?

«Мои поздравления, ваше высочество. Ты признан достойным звания порученца и штабного писаря при отряде поросших шерстью варваров, — впервые за время, проведенное в Цитадели, Коннахар ощутил способность посмеяться над выходками судьбы. — Что ж, могло быть и хуже».

Безвылазное сидение в маленькой пропыленной башне длилось недолго. Уже на следующий день юноше довелось изрядно помотаться по Изумрудному и Топазовому равелинам, наравне с другими посыльными разнося приказания и сообщения, ухитряясь при этом не попасть под случайную стрелу, огненное дыхание железной многоножки или летящий с небес комок невесомых белых нитей, с равной легкостью разьедающих гранит и живую плоть.

Едва Коннахар пришел в себя после головокружительной беготни, как командиру йюрч пришла мысль затащить наследника Аквилонии в огромный гулкий зал для воинских упражнений. Заправлял там сородич Цурсога по прозвищу Тегла Плешивый, но двери были открыты для всех желающих. Первое же занятие едва не

свело Конни в могилу, зато вечером его поджидала приятная неожиданность — явились запропавшие невеста куда приятели, Майлдаф-младший и Эвье Коррент. Нелепую свару отныне и навсегда предали забвению, отметив примирение расправой над добытым Лью кувшином с длинным горлышком. Темриец поделился своим открытием: оказывается, некие умельцы в Цитадели выделявали тот самый поразивший его воображение и вкус травник, коим свиту принца угощали в Рабирах! Способ приготовления напитка здесь в тайне не держали, и Лиессин немедленно выпросил перечень необходимых «ингредиентов» и процедуру их правильного смешения.

— Осталось только вернуться домой, и безбедная жизнь до конца дней тебе обеспечена. Возьмешь в долю Ариена, — мечтательно рассуждал Конни. — Он станет придумывать новые сорта, ты — вести торговлю. Или сопьетесь, или разбогатеете.

Изрядно пьяный темриец, икнув, заявил, что Делле высосет весь товар задолго до продажи, что он, Лиессин Майлдаф, в компаньонах не нуждается и вообще готов бросить пить — лишь бы вновь ступить на родную землю.

...Оборона горной твердыни шла пока что по заповеданному с незапамятных времен правилам: тянуть время, отбивать штурмы, изматывать противника и всячески вредить его замыслам.

Запоздавшее к началу осады воинство dwarves и альбийские мечники, собравшись всей многотысячной силой, вновь попытались захватить

многострадальный Изумрудный бастион, куда упиралась единственная ведущая к Цитадели дорога, но были отброшены с немалыми потерями. Перестроившись, упрямые карлики повторили попытку и едва не преуспели, использовав на сей раз дюжину огнедышащих рукотворных тварей, выжигающих вокруг себя все на тридцать шагов. Завладев башней и прилегающей стеной, подгорные обитатели с воем ринулись дальше. Остановила их только разразившаяся при ясном небе гроза с небывало крупными заостренными градинами, обладавшими способностью пробивать железные доспехи, и частая сеть лиловых молний, уничтоживших без остатка весь отряд «саламандр».

После этого отчаянного натиска нападавшие сочли, что Зеленый равелин им пока не по зубам, и перенесли тяжесть своих ударов правее. Йорч, усиленные мечниками и стрелками-сиидха, совершили ночную вылазку, разнеся устроенный слишком близко к стене вражеский лагерь и обрушив подводимый под бастион подземный ход. Принц Аквилонии оказался в числе участников лихой атаки — как утверждал Цурсог, летописцу необходимо видеть все своими глазами. Здравое возражение Конни, что летописец может и не пережить столь выдающееся событие, вожак йорч пропустил мимо ушей.

Налет прошел под яростный рев dwarves, с крушением и поджогом палаток, и запомнился Коннахару чередой непрерывных стычек. Йорч утащили с собой с десятков пленников, и казарма

до утра содрогалась от раскатов бодрого хохота зверообразных воителей. Чувство юмора у подчиненных Цурсога оказалось еще то. Изловленных dwarves обрили наголо, нарядили в выпрошенные у работавших в кухнях женщин-людей поношенные платья, сковали по двое и на веревках спустили обратно за стену. Половина защитников Изумрудного и соседнего Топазового бастионов сбежалась полюбоваться, как исходящие проклятиями карлики, подобрав волочащиеся подошвы, под свист и улюлюканье ковыляют вниз по склону. Бывшему в числе зрителей аквилонскому принцу подумалось, что его отец одобрил бы такой способ унижить врага... да и с йорч Конан Канах наверняка очень быстро нашел бы общий язык. Интересно, дошла ли до Льва Аквилонии весть об исчезновении наследника? И предпринимает ли Хаста Одноглазый хоть что-нибудь для спасения канувших в магических вратах четверых бедолаг?

...Днем царило настороженное затишье, нарушаемое разве что попытками магов той и другой стороны нащупать уязвимое место в обороне противника. А ближе к вечеру, если верить осведомителям госпожи Гельвики, в Серебряные Башни явились посланники — договариваться о месте и времени грядущих переговоров.

Прежде чем вернуться в казармы и немного вздремнуть, Конни поднялся на крепостную стену. Дозорные окликнули его, признав и сообщив, что пока все спокойно. Оглянувшись, юноша увидел шпили Цитадели, мерцавшие неяркими

переливами голубого и палевого цветов, иногда наливаясь молочной желтизной.

Под стенами, соперничая с сумеречным небом, раскинулось созвездие костров, воспламенившее равнину и склоны окрестных возвышенностей. Доносился постоянный немолкнущий гул, словно от обрывающегося со скалы огромного водопада, огоньки перемещались туда-сюда, вспыхивая и угасая. Порой в темноте рассыпался трепещущий фонтан сумрачно-багрового пламени, сопровождаемый низким булькающим воем — дверги мастерили или проверяли очередную «саламандру».

Очень хотелось отыскать средоточие вражеской армии, шатры ее предводителей, но Коннахар совершенно не представлял, где таковые могут располагаться. Из записей, найденных им среди пергаментного развала на столе в башенке, и из замечаний окружающих следовало, что гигантская армия, окружившая Полночную Твердыню, насчитывает около семидесяти тысяч воинов, не считая всяческих диковинных существ и колдовских созданий. К примеру, над одной из отдаленных вершин денно и ночно колыхался смерч призрачно-зеленого тумана, о котором никто не мог в точности сказать, что это такое.

«Знать бы, чем они сейчас там заняты? — рассеянно подумал Конни. — Наверняка кто-нибудь точно также смотрит на стены и гадает: что-то случится завтра?»

* * *

— ...Завтра в полдень он будет здесь. Ты был прав, Эрианн.

Говоривший стоял у входа в большой шатер, и, прежде чем задернуть тяжелый полог, выглянул наружу, бросить напоследок взгляд на высокомерную в своей неприступности крепость. Отсюда, со склона отдаленного холма, она казалась сгустком непроглядной тьмы, пронизанной редкими вспышками. Мрак клубился у подножия трех светло рдеющих башен, устремленных в ночное небо, но упавшая ткань отгородила удручающую картину от обитателей шатра. Внутри стало тихо и уютно, словно и не громыхал вокруг бессонный армейский лагерь. Выдержанная в темно-бирюзовых, карминных и золотистых тонах обстановка больше напоминала залу для приема гостей в небольшом замке, чем временное жилище предводителя огромного воинства.

— Все точно, как ты и говорил, Хитроумный, — продолжал альб. Очень рослый даже для своего племени, он к тому же был чрезвычайно широк в плечах, а голос его, низкий и хриплый в отличие от музыкальных голосов большинства соплеменников, походил на львиный рык. Когда от порога шатра альб шагнул в круг света от качающихся под шелковым потолком светильников, ярко сверкнула его великолепная золотая кольчуга и широкий наборный пояс, усыпанный крупными алыми рубинами, однако лицо по-прежнему скрывала тень. — Он мог бы высмеять наши

предложения и отправить посла восвояси, однако согласился прибыть для переговоров, притом не через посредников, а собственной персоной, как мы и просили. Возможно, он прихватит с собой малую свиту и кого-то из ближайших сподвижников. Теперь нужно решить, что делать с этой неожиданно свалившейся прямо в руки удачей.

— Не ожидал, что он настолько наивен, — усмехнулся расположившийся за столом среброволосый красавчик, вертевший в пальцах очиненное перо. Этот доспеха не носил, обходясь вышитым изумрудным дублетом, поверх которого лежала витая серебряная цепь с зеркальным медальоном. Усмешка вышла тонкой и опасной, как лезвие ножа. — Хотя конечно, сие отнюдь не наивность, но своеобразное понимание долга. Наш противник готов сунуть собственную голову в пасть зверя, зная, что эту голову могут откусить, только бы не лилась более кровь столь милых его сердцу йюрч и тех наших родичей-отступников, что предпочли темную сторону Силы. Он не может не видеть всю двусмысленность ситуации, но, тем не менее...

— О чем ты, во имя Света? — раздраженно рыкнул гигант в золотой кольчуге.

— О сложившемся положении, — терпеливо повторил среброволосый. — Для нас возможны два образа действий: штурм либо длительная осада. Конечно, если навалиться всем скопом и не считать потери, то скорее всего, мы возьмем таки Цитадель. Только победа станет горше поражения. Положим самое малое три четверти

войска, и хорошо, если не больше. А в осаде Всадник может сидеть сколь угодно долго. Цитадель огромна, припасы почти неисчерпаемы, их свозили в закрома едва не год, если мои лазутчики не врут. Чистая вода поступает из подземных озер. Наши же восемьдесят тысяч мечей вскоре обожрут поля на сто лиг вокруг, и начнется голод. Фуражиры беспокоятся уже сейчас. Поэтому, как я говорил, предстоящие переговоры важнее нам, чем хозяину Вершин.

— У нас есть Благие Алмазы, — напомнил великан. — Их мощь невероятна...

— ...и бесполезна, пока Цитадель защищает Радужная Цепь вкупе с умениями самого Всадника. В точности проповедуемое его учениками равновесие: мы не можем захватить крепость, они не в состоянии отбросить нас от своих стен. В таком случае любой перевес — неважно, каким путем мы его добьемся — будет решающим.

— Как понимать твои слова, Эрианн? — вступил в беседу третий участник, доселе молча восседавший на одном из покрытых коврами сундуков вдоль стен шатра. Заговорив, он слегка подался вперед, неяркие блики заиграли на необычной, похожей на рыбью чешую кольчуги и прямых волосах оттенка темной бронзы. — Какой перевес ты имеешь в виду, говоря о предстоящем посольстве? Всадник придет, дабы обсудить условия перемирия, и мы будем говорить с ним на равных, разве нет?

— О, конечно, — усмехнулся Эрианн, прозванный Хитроумным. — Вначале.

— Мой разум, должно быть, недостаточно быстр, — медленно произнес воитель в чешуйчатой кольчуге. — Твоя мысль скользит, подобно змее в камнях, я не поспеваю за ней. Может быть, у тебя, Эрианн, или у бесстрашного Исенны есть в запасе нечто, о чем вы не сочли нужным известить меня, и эта тайная сила позволит нам взять верх над Черной Цитаделью? Тогда, возможно, настало время и мне приобщиться к вашему секрету?

— Тайная сила! — фыркнул Исенна. — Конечно, у нас есть тайная сила, о мой благородный и велеречивый Олвин! Довольно иносказаний, Эрианн. Объясни прямо наш замысел.

Альб в изумрудном дублете произнес краткую речь. Олвин слушал не перебивая, попеременно то краснея, то покрываясь восковой бледностью. Он помолчал еще немного и после того, как Эрианн закончил, и лишь спустя некоторое время раздался его негромкий, но полный холодной ярости голос.

— Что ж, твоё объяснение оказалось вполне исчерпывающим, Отец Хитрости. Благодарю тебя, ибо теперь я наконец прозрел. Творец свидетель, я предпочел бы оставаться слепцом! Впрочем, я подозревал и прежде, но вспоминал нерушимые клятвы, данные вами обоими, и гнал скверну прочь из своих мыслей. Как хотел бы я надеяться, что подозрения мои — не более чем плод моей фантазии или дурной сон, но ты не оставил мне такой надежды!

— Помолчите, вы оба! — прикрикнул Олвин в

гневе, видя, что Эрианн намеревается возразить, а рука Исенны легла на рукоять меча. — Довольно я слушал вас, теперь послушайте и вы меня. Когда чуть более года тому мы вот так же сидели втроем, ваш рассказ преисполнил мое сердце праведным негодованием. Ты был так красноречив, Эрианн, повествуя о гнусной волшебке, творящейся в Черной Цитадели! О кровавых трибах, приносимых на алтарь Темного Бога! Ты говорил о целых народах, угнетаемых Всадником, о племенах мерзких чудовищ, чей облик оскверняет дневной свет, и о наших сородичах, коих Хозяин Цитадели соблазнил и растлил темной стороной Силы. Уверял, якобы в мастерстве своем он обратился к силам из Безвременья, от которых зависит с каждым днем все больше, и если не остановить его вовремя, то мир будет ввергнут в пучину бедствий.

А ты, отважный Исенна? Как искренне ты подтверждал каждое слово Хитроумного! Как убедительно доказывал, что Всадник хочет одного — власти над миром сущим, дабы бесчинствовать в нем по своему разумению и населить его существами, порожденными его темным колдовством. Что Благие Алмазы, средоточие нашей нынешней мощи, он отдал нам с одной лишь целью — развратить наш разум и дух мнимым благополучием, дабы затем поработить! Ты называл Семь Радужных Кристаллов цепью, что скует нас по рукам и ногам, и требовал немедленно снарядить войско в поход, дабы вырвать у змеи ее ядовитые зубы.

Я поверил. Дал вам войско. Дал корабли. Сам отправился с вами.

Но вот мы под стенами Твердыни Зла, как ты ее называл, Эрианн, и я не вижу угнетенных народов. Не вижу отвратительных чудищ — кроме тех, что мы притащили с собой, ничего не слышал о колдовских ритуалах. Я видел только плодородные нивы, вытопанные нашими мечниками, тучные стада, которые угоняют наши фуражиры, чтоб прокормить воинов, богатые дома, забавы ради сожженные нашими подгорными союзниками для пристрелки катапульта! Видел крепости, сопротивлявшиеся до последнего бойца, и города, жители которых отчего-то не спешили встречать нас цветами! Но вы заверяли, что все это — обман, что можно быть рабом и не признавать этого, жить под Тенью и не замечать ее. Вы клялись священной тройной клятвой дерева, воды и ветра в том, что средоточие Зла находится в Долине Вулканов, и мы близки к окончательному очищению! И я снова верил, потому что помнил, как вы клялись. И потому, что поклялся сам.

Разве не так все было, Эрианн? Исенна? Скажите, разве было иначе?

— Воистину так, — с сокрушенным видом подтвердил обладатель серебряной шевелюры, Эрианн Ладрейн из Альвара, коего частенько называли Отцом Хитрости, — так, но...

Он развел руками.

Исенна отмолчался.

— Наконец я вижу, что тот, кого вы именова-

ли Владыкой Тьмы и Темным Всадником, готов пожертвовать собой для того, чтобы прекратить бессмысленную бойню, — звенящим голосом продолжал Олвин, на скулах которого горел лихорадочный румянец. — А те, с кем я делил кров и хлеб, готовы нарушить извечные законы благородства, презрев неприкосновенность посланников! Забить в колодки тех, кто явится с предложением мира, и торговаться с противником головами заложников! И это после того, как вы сами предложили встретиться для переговоров! Вы и теперь будете твердить: "Это ради того, чтобы пресечь Зло в мире сущем"?!

— Теперь я вижу, что неверно объяснил тебе суть наших действий, Мореход, — смущенно кашлянув, произнес Эрианн Ладрейн. — Повторюсь: да, мы намерены схватить Черного Роту, буде он явится для беседы с нами, и удерживать в качестве заложника, равно как и его свиту, — но только лишь в том случае, если он откажется принять наши условия. А условия таковы: Семь Радужных Камней безусловно передаются нам, наши Владеющие Силой допускаются во все уголки Цитадели, дабы мы убедились, что волшба Всадника не содержит Зла либо же, наоборот, исполнена оного... Ну и, поскольку наши подгорные союзники, разумеется, потребуют оплаты, таковая должна быть предоставлена им незамедлительно в том виде, в каком они пожелают — золотом, землями или секретами мастерства. После этого наш поход окончен.

Взгляд Морехода потяжелел, в то время как

плечи поникли, словно не выдержав груза кольчужного доспеха. Под этим взглядом смутился и отвернулся даже Исенна, чье лицо, с благородными, хотя и крупноватыми чертами, устрашало своей каменной, неестественной неподвижностью.

— Дабы убедиться, что волшба Всадника не содержит зла... — тихо повторил Олвин. — Так вы лгали мне, лгали все это время, у вас не было ничего, кроме собственных домыслов... И что же вы сделаете, если она действительно его не содержит? Воскресите мертвецов? Принесете свои извинения Всаднику? Неужели даже теперь ты не можешь не лгать, Отец Обмана, даже видя, как пелена твоя ложь?

— Довольно! — взревел гигант в золоте и рубинах, сжимая тяжелые кулаки. — Нет сил более слушать эту прекраснодушную болтовню. Пора сказать все начистоту. Проклятье, Олвин! Да, мне нужны Кристаллы Радуги, мне и Эрианну, нам нужна Власть, которой не нужно будет делиться с кем-то еще. Я не могу спать спокойно, зная, что это темное отродье владет Силой, превосходящей мою собственную! Я не знаю, замышляет он там что-нибудь или нет, но если замышлет, я должен ударить первым. Таков уж я есть, и другим мне не стать. И — да, мне нужны были твои воины, а еще пуще — твои корабли. Как бы иначе мы получили все это, не догадайся Эрианн сыграть на твоём благородстве? Нам пришлось схитрить, но, Олвин, это ведь ложь во благо! Что там еще тебя смутило? Поля? Стада? Сожженные

деревни? Вырастет новая рожь, скот народится снова, что же до деревень, то поверь, когда вся Сила будет в моих руках, на месте каждой разрушенной хижины я построю дворец, облицованный яшмой, с окнами из драгоценного смарагда! Мертвецы? Да, это война, здесь иногда убивают! Но игра стоит любых жертв, поверь мне! Ведь ты — носитель Жезла, как и я. Творец Единый, я предлагаю нам троим разделить власть над миром! Эрианн согласился, дело за тобой. Ну? Решай!

— А потом ты сочтешь, что делить власть на троих тебе уже не хочется, — тусклым голосом проронил Корабел, не глядя на недавнего соратника. — И не сможешь уснуть, потому что у кого-то будет сила, равная твоей. Конечно — ведь ты во всем любишь быть первым... или единственным.

— Древние боги, что ты несешь! Клянусь тройным единством, я...

Он не договорил — Олвин вскинулся, будто подброшенный пружиной, лязгнув мгновенно вылетевший из ножен меч Морехода. Нет, два меча запели слитно — воитель в золотой броне был не менее быстр.

— Покаянись еще раз, — прошипел Олвин, — и я забью эту клятву обратно в твою лживую глотку.

— Попробуй, — оскалился Исенна.

Несколько долгих мгновений альбийские вожди мерили друг друга яростными взглядами. Наконец Олвин вздрогнул, его лицо исказилось му-

чительной гримасой, и он с размаху отшвырнул клинок, глубоко вонзившийся в земляной пол.

— Я увожу свое войско теперь же, — процедил он. — Корабли доставят нас к Яблочным Островам. Никогда более нога воина моего племени не ступит на эту несчастную землю, и никогда более я не возьму в руки оружия. Пусть порукой тому будут не три начала, оскверненные вашими лживыми клятвами, но сама жизнь моя и свидетельство Небесного Творца, и сила Благого Алмаза. Пусть он испепелит меня немедленно, если я решусь нарушить данный мной обет. На ваши же головы да падет проклятье.

С этими словами он сплюнул под ноги Эрианну и мимо застывшего с мечом наголо Исенны Аллерикса вышел вон, с треском откинув полог.

— Пусть проваливает, — буркнул Исенна, с явной неохотой убирая оружие в ножны. — Когда Цепь Радуги станет нашей, мы притащим его сюда вместе с Островами и кислыми яблочками. Я отдам приказ, чтобы дверги на передней линии приглядывали в оба — чего доброго, этот одержимый честностью недоумок кинется предупреждать Всадника о нашем маленьком сюрпризе.

Он канул следом в ночную темень, не поглядев на Эрианна, оставшегося сидеть в одиночестве.

Хитроумный, проводив его взглядом, сладко улыбнулся своей острой улыбкой — и зажмурился от удовольствия, точно объевшийся сметаны кот.

* * *

— ...Напутственное проклятие и громкий хлопок дверью? Жест, нехарактерный для Олвина. Какая жалость, что Исенна не навязал ему поединок. Однако теперь мы можем быть уверены — назад Корабел больше не вернется. Один долой.

— Как справедливо отметил наш прямолинейный и несколько несдержанный в словах предводитель, для обладателя Цепи Радуги океан, разделяющий Материк и Гленнлах, перестает быть серьезной преградой, — раздумчиво цедя слова, проговорил Эрианн, глядя поверх наполненного вином бокала на собеседника. После так внезапно оборвавшегося военного совета он вернулся в державшийся особняком лагерь собственного войска, в палатку, наполненную зелено-серебристыми оттенками, воскрешающими в памяти такой далекий Альвар, Лесное Обиталище, к единственному существу, которое почитал отчасти достойным своего доверия.

Впрочем, доверие Эрианна имело четко определенные границы. Он не обманывался касательно собственного наследника. Слишком уж быстро и легко впитывал тот отцовскую науку: как распустить нужный слух, посеять семена недоверия между друзьями, переманить к себе нужного союзника и самое главное — вовремя оставить его, если тот станет опасен или бесполезен. Бастиан Ладрейн, несмотря на свой юный для Живущего Вечно альба возраст, преуспевал в этих искусст-

вах, обещая в будущем стать достойной подмогой отцу. Злопыхатели утверждали, будто Ладрейнам стоит подумать о смене фамильного герба — якобы вместо золотого древа им куда больше подойдет изображение ависфены, змеи о двух головах.

— Однако Исенна желает видеть на месте нового владельца Радуги исключительно одного себя, — Бастиан, удобно устроившийся на горке сложенных в углу шатра подушек и кутавшийся в пепельно-серые одеяния, пошевелился. Отпрыск Хитроумного походил на родителя не только складом характера и живостью ума, но и внешне — оба тонкие, обманчиво хрупкие, с серебристой пряжей волос. Разве что глаза Эрианна имели переливчатый лазурный оттенок, а взгляд его сына был светло-фиолетовым, подернутым лямкой легкой мечтательности — каковая на самом деле в Бастиане отсутствовала напрочь.

— Он может желать чего угодно, хоть луну с неба, хоть секретов Цитадели, поднесенных на золотом блюде, — смешливо фыркнул хозяин Альвара. — До тех пор, пока его желания совпадают с нашими. Боюсь, после сегодняшнего вечера в его голову накрепко западет брошенная Олвином незамысловатая идея: зачем делиться властью? Алмаз, дополненный сиянием Радуги — довольно увесистая дубинка, чтобы пригрозить ею чрезмерно навязчивому сотоварищу... Но мы, конечно, не допустим ничего подобного. Исенна силен и отважен, как лев, он прирожденный воитель, однако поединок огромного льва и маленькой ядовитой змейки закончится, вернее всего, в

пользу последней... Между прочим, куда запропал твой знакомец, склонный к невместному стяжательству? Давненько он к нам не навещался.

— Скоро придет, — Бастиан бросил взгляд на маленькую кленсидру в виде причудливого древесного ствола. — Куда он денется... Если Исенна хоть краем уха прослышит о том, сколь удивительным образом его вернейший соратник распределял трофеи после захвата Тиллены и Драйжи, голова Ирваста продержится на плечах ровно столько времени, сколько Аллериксу потребуется, чтобы извлечь меч из ножен. Он это прекрасно понимает и знает, что я тоже это знаю. Он наш, отец, наш со всеми потрохами, я крепко держу его на крючке. Оттого он вскорости совершит для нас кое-что полезное, о чем Исенне знать совсем не обязательно.

Полог у входа в шатер слегка отодвинулся, всунулась голова бдевшего снаружи дозорного, почтительно известившего отца и сына Ладрейнов о приходе гостя. Эрианн махнул рукой, решая впустить позднего визитера, его отпрыск замер, превратившись в серую неподвижную тень.

Вошедший отбросил капюшон темно-синего плаща, с явной неохотой склонив голову с увязанным на затылке пучком волос цвета расплавленного золота. Хозяин шатра небрежно качнул в сторону вошедшего полупустой чашей, залпом допив оставшееся вино. Сесть гостю не предложили, да он и сам, не дожидаясь расспросов, отрывисто произнес:

— Я говорил с вождями подгорного народа. Мне удалось убедить только Зокаarra и Кельдина Грохота. Прочие слишком доверяют обещанию Аллерикса достойно вознаградить их после захвата Цитадели. Кельдин заявил, будто прочие дверги не станут вступать, если получат клятву в том, что все прежние договоренности с Исенной сохраняют былую силу. Этого довольно?

— Для начала — да, мой драгоценнейший Ирваст, — медово проворковал Эрианн. — Но ты сам понимаешь: чего стоят обещания парочки двергских военачальников, когда речь заходит о том, чтобы призвать к ответу нашего разбушевавшегося предводителя? Ты еще наверняка не слышал, какую глупость он умудрился сотворить нынешним вечером? Одним махом лишил нашу армию трети воинства, повздорив с Олвином!

— В лагере Корабела царит сущая суматоха, я видел, когда шел сюда, — покачал головой Ирваст. — Стало быть, они уходят? Ну что ж, если так... Хорошо, я наведу к двергам еще раз, хотя они с каждым разом увеличивают плату за свои услуги или за свое бездействие. Моя казна не бездонна, Высочайший Эрианн.

— Да неужели? — прошелестело из затененного угла, и альб сразу замолчал, будто прикусив язык. Старший Ладрейн смотрел на него с понимающей и тонкой усмешкой, постукивая кончиками ногтей по краю серебряной чаши, пока Ирваст не выдержал, зло прошипев:

— Будь по-вашему. Я расплачусь с ними еще раз.

— Вот и замечательно, — как ни в чем не бывало кивнул повелитель Альвара. — Не смею больше тебя задерживать. Кстати, прими добрый совет — не показывайся сейчас на глаза своему господину. У него опять приступ скверного настроения, и ты вполне можешь стать его жертвой, если не поостережешься. Я был бы очень этим огорчен, поскольку рассчитывал после окончания войны увидеть тебя живым и невредимым в Лесном Краю. Ступай, любезнейший.

— Поразительно жадная тварь, — укоризненно заметил Бастиан, когда дозорный затянул полог шатра за полуночным гостем. — Восемь подвод золота и камней, взятых в сокровищнице Тиллены, укрыл в обозе, а Исенне напел, якобы защитники успели вывезти казну. Наш отважный воитель поверил, зато у меня всюду найдутся глаза и уши... Во имя Всеблагого, зачем ему столько?! Воистину, лишь две вещи безграничны в подлунном мире: благодать Творца и жадность неразумных творений Его...

— Помолчи и послушай, — неожиданно резко оборвал наследника Хитроумный. — Говоришь, держишь его на крючке? Возможно, однако не сковали еще такого крючка, с которого никогда не срывается рыба. Этот твой Ирваст — ценная находка, но пренеприятное создание. Он, может, и жаден сверх меры, но умен, хитер и может от страха выкинуть какую-нибудь неожиданность. Пусть твои «глаза и уши», сын, ни на миг не выпускают его из виду. Не хватало еще, чтобы Аллерикс отвлекся от дорогой ему войны и обратил

на нас совершенно излишнее внимание... Он сказал, Зокарр и Кельдин? Всего лишь два имени, пускай громких и весомых, из пяти двергских вождей. Мало, слишком мало... Придется тебе самому переговорить в ближайшее время с нашими союзниками и вызнать их помыслы.

Безупречные черты Бастиана скривились в гримасе подлинного отвращения.

— Идти в двергский лагерь? Какая мерзость! Я не могу, это выше моих сил, там грязи по колено, вонь как на скотобойне, недомерки вечно накачиваются каким-то прокисшим пойлом, а меня от него тошнит... Йюрч, и те ведут себе пристойнее!

— Не ной, — Эрианн безжалостно отмахнулся от причитаний отпрыска. — Подгорные карлики нужны нам позарез, так что будь добр вести себя с ними так любезно, будто они твои ближайшие сородичи. Прокисшее пойло, говоришь?.. Если дверги угостят тебя этим, как ты выразился, «пойлом», ты выпьешь кубок до дна, поблагодаришь, попросишь еще и упаси тебя Творец оскорбить их отказом. А вот когда у нас в руках окажутся Алмазы и Радуга, можешь завершить дело, начатое Праотцом Двергов, и обратить коротышек в прах, из коего они созданы.

Глава третья

Время выбора

28 день месяца Тагорн.

Вколо полудня посольство Цитадели покинуло стены крепости, но Коннахар Канах упустил сей исторический момент, просто и незамысловато проспав. Виной всему стали недавняя беготня по бастионам и занятия в учебном зале, безжалостно свалившие наследника Аквилонии с ног.

До слуха Конни долетали смутные отголоски слаженного трубного рева и громких кличей, но проснулся он только после изрядного тычка под ребра.

— Подъем! Тревога! — рявкнули прямо в ухо. Принц уселся на узкой неудобной койке, мотая тяжелой со сна головой. Оказалось, в отведенную ему каморку по соседству с архивом отряда йюрч ввалился Норзо Трехпалый, существо буйное и склонное к шумным выходкам. Помощи от него

не было никакой, разве что перетаскивать ящики с пергаментами.

— Что не так? Опять куда-то бежать? — простонал Конни, испытывая сильнейшее желание немедленно свести счеты с жизнью. Ему снилось, что Полуночная Цитадель — всего лишь благополучно миновавший кошмар, но ухмыляющаяся морда Трехпалого бесцеремонно напоминала об истинном положении дел.

— Цурсог зовет тебя, и быстро, — Норзо сделал вид, будто намерен перевернуть хлипкий топчан вместе с сидящим на нем человеком. — Архг! Тяжелый день. Большой Хозяин ушел за стену, никого не послушал. Теперь ждем — или хорошо жить, или хорошо умирать. Нельзя спать, когда решается судьба!

— Переговоры уже начались?! — вскочив, Коннахар заметался по комнатухе, торопливо одеваясь, влезая в кожаный доспех зелено-алого цвета и путаясь в ремнях. — Когда?! Где?!

— Не знаю про переговоры, — Трехпалый довольно фыркнул, глядя, как принц в очередной раз сослепу налетает на табурет. — Большой Хозяин вышел через Стальные Ворота, с ним одна малая полусотня, немного йюрч, немного сиидха, людей нет. А еще Олвин Мореход ушел. Шатры свернул, уходил быстро, обоз не брал. К Соленой Воде пошел, видно, насовсем.

— Интересно, почему? — озадачился Конни. В летописях ни о чем подобном не упоминалось, впрочем, летописи и без того не слишком точно отражали ход войны за Цитадель. — Испугался

трудностей? Не захотел принимать участие в осаде?

— Встретишь Морехода — спроси обязательно: зачем ушел? Почему драться не захотел? Только сильно его не бей, мне оставь немножко, — ехидно присоветовал зверовидный воитель. — А ну бегом-бегом!..

Над равелинами Цитадели висело едва ли не простым глазом заметное облако напряженного ожидания. Пробегая по лестницам и навесным галереям, принц заметил, что количество воинов на стенах увеличилось чуть не втрое — у каждого из обитателей крепости нашелся повод лично взглянуть на горную долину и войско осаждающих. Разговоров слышно не было, но тысячи глаз настойчиво всматривались в происходящее внизу.

Цурсог отыскался на Шестой башне, той, что граничила с Топазовым участком и прикрывала подходы к Вратам Расвета — одному из немногих входов в крепость. Судя по изученным Коннахаром чертежам, в нижнем поясе укреплений Цитадели имелся всего десяток ворот, в изобилии снабженных ловушками, «коридорами смерти» и прочими полагающимися военными хитростями. Предводитель йюрч Зеленого бастиона, больше обычного напоминавший уродливую горгулью, стоял вместе со своим помощником Хазредом и крупным зверообразным созданием черно-рыжей масти, носившим золотую перевязь — должно быть, командиром йюрч, оборонявших соседние бастионы. К удивлению Конни, обожав-

шие вопить во всю глотку зверюги сейчас едва ли не шептались. Кивнув, носитель желтого шарфа отправился к своим подчиненным, Хазред скрылся в недрах башни, а Цурсог жестом подозвал молодого человека.

— Ты это... Стой пока здесь, мало ли чего... — невнятно распорядился он, не отрывая взгляда от равнины. Двулезвийное копье с кисточками из отрезанных двергских бород, с которым Цурсог не расставался, болталось у него за спиной в широкой кожаной петле. Страховидная физиономия йюрч плохо выражала испытываемые им чувства, но любой бы догадался, что воителя снедает сильнейшее беспокойство.

— Почтеннейший Цурсог, где идут переговоры? — отважился спросить Коннахар, тоже сунувшийся в бойницу. Ничего особенного он не заметил: то же бесконечное передвижение военных отрядов, ряды разноцветных палаток вдоль склонов, трепыхание множества стягов и вымпелов на поднявшемся ветру.

— Переговоры... Тьфу! Вон там, — сквозь зубы процедил воитель, указав на макушку высокого белого с золотыми узорами шатра, разбитого на краю бывшей дороги в крепость. Шатер установили на открытом месте и, как полагалось, на ничьей земле — в трех-четырех перестрелах от барбикена Цитадели и вне пределов вражеского лагеря. Вокруг выстроился квадрат воинов, внутри которого перемещались фигурки, время от времени заходя в шатер и выходя наружу, и стояли оседланные лошади. Посмотрев на это

безмятежное зрелище еще немного, Цурсог счел, что в ближайшем будущем ничего не изменится и решил пройти по стене. Высоко над его головой хлопнуло подвешенное на длинном флагштоке знамя Цитадели — полотнище цвета старого вина с серебряной восьмиконечной звездой, обрамленной языками пламени.

— Зря он туда пошел, ох, зря... — бормотал йюрч, ковыляя мимо изготовленных к бою катапульт и «змеиных пастей», мимо отрядов айенн сиидха и своих сородичей. Конни захотелось его подбодрить, напомнить, что жизнь и свобода посланцев по всем законам неприкосновенна, но покрытая серой шерстью и закованная в железо туша вдруг шарахнулась в сторону, уступая дорогу кому-то, идущему навстречу. Мало того, Цурсог еще и торопливо поклонился, чего за ним никогда не водилось!

— Это кто? — замешкавшийся наследник Аквилонии отстал на пару шагов, глядя вслед стремительно удаляющейся фигуре в разлетающихся темно-алых одеждах. Лица незнакомца он не разглядел, но почему-то счел пронесшийся мимо багряный вихрь существом женского пола. Оглядываясь, кстати, не он один — многие поворачивались, чтобы проводить взглядом ожившее пламя, свернувшее на приставную лестницу и умчавшееся к барбикену.

— Королева, — хмыкнул вожак йюрч, подтвердив догадку Коннахара.

— В каком смысле? — не понял молодой человек. — Откуда в Цитадели взялась королева? И

кем она правит, каким-то из племен айенн сиидха? Или крепостью? А мне казалось, главный тут... э-э...

— Его магичность, Большой Хозяин, точно так, — согласился Цурсог. — Он главный, да. Но еще нужна шетиль, хозяйка, как без нее? Это она и была. К нижним воротам побежала, как пить дать.

— Так это жена вашего повелителя? — Конни почувствовал себя совершенно сбитым с толку. С другой стороны, кто сказал, что у Владыки Черной Цитадели не может быть спутницы жизни? Тогда становилось понятно, отчего Цурсог именвал эту загадочную особу королевой.

— Не жена, — отрицательно помотал головой йюрч. — Амика, подруга. Рубин среди камней Радуги. Ее зовут Иллирет ль'Хеллуана. Заклинает огонь и сама как костер, тронешь — сожжет... А-аргх?..

Вздох, пронесшийся вдоль бастионов Цитадели, напоминал шелест множества листьев, подхваченных нарастающим ураганом. Только что находившийся рядом Цурсог одним движением взлетел на гребень крепостной стены, а Коннахар высунулся в проем между зубцами, совершенно забыв о вражеских стрелках. Его сердце пропустило пару ударов и трепещущим комком застыло где-то в горле.

Белый с золотом шатер, отведенный для переговоров враждующих сторон, исчез. На его месте расплывалось желто-бурое облако, пронизанное синими вспышками, в недрах которого угадыва-

лись судорожно мечущиеся и сражающиеся фигуры. Ровное каре почетной стражи обернулось щерящимся копьями загонным кругом, препятствуя оказавшейся внутри добыче вырваться наружу, а со всех сторон к месту побоища спешили дверги. Нескольким верховым удалось с боем прорвать цепь охраны, они галопом устремились вверх по дороге, к спасительной Цитадели.

— Ворота! Решетка, поднимайте решетку!!! — истошный вопль Цурсога подхватили на всей стене, и часовые на барбикене слышали, а может быть, успели сообразить сами. Конни показали, будто он слышит скрип проворачиваемых кабестанов и как наяву видит медленно плывущую вверх тяжеленную железную преграду.

Беглецы врезались в группу подгорных карликов, замелькали секиры и захлопали арбалеты. Там, где прежде высился шатер, всплеснулся смерч черно-серых воздушных струй, раскидывая нападающих в стороны, но быстро стих, оплетенный и задавленный нестерпимо белым искристым сиянием. С высоты надвратного укрепления по схватке полоснула ветвистая лиловая молния, затем еще одна и еще. Низко и хрипло выл йорч, в бессильной ярости ударяя стиснутыми кулаками по камням. Начали стрелять лучники Цитадели, но цель отстояла слишком далеко.

Все закончилось за несколько мгновений. Пытавшиеся спастись бегством остались лежать на дороге, там, где их настигли стрелы и топоры двергов. Желтое облако рассеялось, открыв пова-

ленный и втоптанный в землю шатер и торопливо уходящий в глубину вражеских расположений отряд. Упрямый магик на стене крепости вновь попытался достать отступающих своей молнией, та ударилась в незримый щит и безвредно осыпалась миллионом тлеющих огоньков.

— Н-но... Как же так? — растерянно заикнулся Коннахар. — Цурсог, так нельзя! Они ведь посланники! Так не поступают!

— Эти — поступают, — предводитель йорч тяжело навалился на камень, не замечая, что с его пальцев падают вязкие черные капли. Затем он встряхнулся, как мокрая собака, и рывкнул на Конни: — Чего стоишь столбом! Беги к Хазреду, пусть поднимает всех, они же сейчас попрут на стены!

...Ожидаемого Цурсогом немедленного штурма не случилось.

К Вратам Рассвета вскоре приблизились трое всадников под знаменем темно-синего цвета с вытканной в центре золотой фигуркой крылатого льва. Остановившись на безопасном расстоянии, один из вестников развернул свиток, громко и отчетливо прочитав содержащиеся в нем предположения:

— «Высочайшие Исенна Аллерикс и Эрианн Ладрейн в бесконечной милости своей к введенным в заблуждение воинам Цитадели избавляют их от необходимости и далее обрекать себя на бесславную гибель, выполняя приказание того, кто называет себя Всадником Ночи. Обращаясь к чародейскому ковону Радуги, они предлагают сдать крепость с находящимися в ней

припасами, снаряжением и архивами, а наипаче же — выдать семь магических кристаллов, именуемых Радужной Цепью. Всем, добровольно сложившим оружие и отказавшимся от погибельного следования Дорогой Мрака, будет сохранена жизнь и дано позволение удалиться, взяв с собой то, что они смогут унести. Если же защитники Цитадели будут продолжать упорствовать, то Высочайшие складывают с себя ответственность за их участь и...»

Прилетевшая из крепости сизая стрела вонзилась у ног коня, заставив животное шарахнуться в сторону. Герольд, схватившись за поводья, выронил пергамент.

— Вам дается колокол на размышление! — проорал он, сражаясь с приплясывающим и храпящим скакуном. — На закате Высочайший Исенна сам придет за ответом!

* * *

Вопреки распускаемым Эрианном Хитроумным слухам о том, что в замке Цитадели царит вечная полутьма, в коей раздаются только вопли несчастных жертв да звучат нечестивые песнопения, покои Вершины создавались с таким расчетом, чтобы в них проникало как можно больше света. В Зале Решений, устроенной в срединной из Серебряных Башен, солнечные лучи пребывали с раннего утра до позднего вечера, играя смелой цветовой гаммой в алых и золотых витражных окнах, выходивших на все восемь сторон света. Узкие ниши между оконными проемами занимали ста-

ту и редкие вещицы, привезенные из далеких земель.

Середина просторного зала с гнутыми voltaми куполообразного потолка отводилась овальной формы столу, выложенному сплетениями мозаичного узорочья. Вглядевшись пристальнее, посетители Залы иногда улавливали миг, когда рисунок столешницы менялся, складываясь в новую картину, никогда не повторявшую очертаний прежней. Юрч и людей это свойство обычного с виду стола пугало, хотя они отчаянно старались не подавать виду. Впрочем, оба этих народа равно недолго любили недоступную их поиманию магию, в каких бы видах она не проявлялась, неохотно делая исключение лишь для боевого чародейства.

Во главе стола, напротив уходивших под потолок двойных дверей, громоздилось массивное кресло красного дерева с высокой спинкой, украшенной острыми зубцами, и резными подлокотниками. Прочие сиденья схожего облика, но поскромнее и более удобные, чинно выстроились по кругу, ожидая гостей. Те входили сквозь распахнутые настежь двери, торопливо рассаживаясь и обмениваясь отрывистыми фразами.

Темно-каштанового цвета створки медленно и плавно закрылись. Под потолком дрогнул серебристый перезвон, однако величественный трон во главе стола остался незанятым. Пустовала и добрая треть из трех десятков кресел для участников собрания.

Возникла неловкая пауза. Никто не решался

заговорить, и все удрученно косились на брошенный посреди сверкающей мозаичным великолепием столешницы лист пергамента. Грязный, помятый и слегка надорванный по краю, он выглядел тут совершенно неуместным.

Облики и происхождение собравшихся также разительно отличались друг от друга. В Залу Решений явились представители всех народов, оборонявших Цитадель — айенн сиидха, йюрч и даже редко допускаемые к общим обсуждениям люди. Тон происходящему задавало маленькое сообщество, занимавшее места по обе стороны от пустующего кресла главы собрания. В группу входили четверо мужчин и три женщины, каждый из которых носил одежды определенного цвета и вдобавок — подвешенный на искусно сработанной цепочке крупный драгоценный камень плоской огранки, удивительно чистого, незамутненного оттенка, от яростно пурпурного до успокаивающе прохладного фиолетового.

Единство кристаллов составляло Семицветную Цепь, ради обладания коей двое альбийских вождей нещадно гнали свои войска на штурм бастионов Цитадели. Семеро носителей камней прошли обучение у правителя Черной Твердыни, развившее и обострившее их прирожденные чародейские способности, они были его самыми верными и преданными соратниками, но перед лицом свершившегося предательства и непомерных притязаний осаждающих Хранители Радуги растерялись. В их оправдание можно заметить, что по меркам сиидха они были довольно моло-

ды, а двое заслужили Камни совсем недавно и еще не успели привыкнуть к их тяжести.

Вдобавок, как это ни досадно признавать, между обладателями Кристаллов отнюдь не царило единодушие. Вошедшие в Круг раньше относились к новичкам с долей высокомерия, молодежь настаивала на соблюдении равенства... и все шестеро не испытывали приязни к старшей из семи, носителнице Рубина, Иллирет из рода Хеллуана. По общему мнению, она позволяла себе слишком многое и любая выходка оставалась безнаказанной, ибо в ее ладонях покоилось сердце Хозяина Цитадели. Украдкой шептались, якобы место в Радуге досталось ей исключительно по прихоти Всадника, хотя подтверждений тому не имелось — ль Хеллуана слыла одаренной чародейкой, по праву носившей свой Кристалл. Иное дело, что ее характер порой оставлял желать лучшего, а привычки в точности отражала гулявшая среди Кольца Радуги присказка: «Когда Иллирет требуется развести очаг, она поджигает весь дом».

Традиции Круга вполне позволяли Огненному Рубину открыть собрание. Однако та молчала, опустив голову и обеими руками вцепившись в темно-рыжие с алым отливом волосы.

— Итак, Совет Радуги созван, — поняв, что ждать от Иллирет первого слова бесполезно, заговорил сидевший по правую руку от Рубина Талахард, владелец прозрачно-оранжевого, брызжущего искрами Опала. Сложением и нравом он не слишком-то походил на волшебника — куда больше подошли бы Талахарду кольчуга, щит и

меч. Именно по этой причине он владел самоцветом, олицетворявшим воинскую доблесть и стойкость. Он и Гведрида, Аметист, символ мудрости и проницательности, стали первыми носителями Камней. Позже сыскалась достойная хозяйка для Рубина и начался создаваться собственно Круг. — Слушайте, Хранители Кристаллов и представители союзных племен, говорите, внимайте и принимайте решения! Всем вам ведомо, что за пергамент лежит на Овальном Столе, ведомо его содержание. Трон Владыки опустел, и сердца наши исполнены скорби. Враг под стенами и не собирается отступать. Теперь мы должны решить дальнейшую судьбу Цитадели.

— Я, Рхадак по прозвищу Стальная Спина, прошу слова, — со своего места поднялся и неуклюже поклонился один из йюрч, могучий воин в тускло-серой кольчуге. Старый, скверно заживший шрам наискось пересекал его и без того малопривлекательное лицо. — Пусть Хранители простят меня, если я скажу что-то не так. Мой язык медленный, меч гораздо быстрее. Большого Хозяина нет с нами, да. Это плохо, очень плохо. Но ведь стены крепки, колдовство Хранителей не потеряло силу, кладовые полны, воины многочисленны. К тому же, говорят, Мореход увел свои мечи к Соленой Воде. Так что такого, даже если Большой Хозяин ушел? Поганые завоеватели могут завалить Долину своими мертвецами, но Цитадель им не по зубам, разве нет?

— Почтенный Рхадак хочет знать, что Цитадель может противопоставить своре Аллерикса?

— мрачно уточнил Талахард. Йюрч кивнул. — Что ж, разумно. Сейчас в стенах Цитадели находится чуть больше пятидесяти тысяч. Во вражеском лагере примерно столько же — если считать без мечников Олвина. Но лишь треть населения Цитадели составляют воины, остальные же — ученые, книгочеи, ремесленный люд и всевозможная прислуга; земледельцы, торговцы, беженцы, искавшие здесь защиту, когда орда Исенны вторглась на наши земли, и их семьи. Большинство ни разу в жизни не держало в руках оружия. Бросить их в бой против dwarves-наемников Зокарра или обученных головорезов Аллерикса — все равно что скормить дракону.

Кладовые, верно, полны. Мы выдержим сколь угодно долгую осаду. Беда в том, что враг об этом тоже знает, и, как следует из этой дрянной бумажки, — Талахард брезгливо ткнул в грязный лист пергамента на столе перед ним, — Исенна не намерен ждать. Полагаю, нам предстоит штурм — нынешней ночью или завтра утром.

— Они уже не раз пытались, — запальчиво напомнил Стальная Спина. — Те, кто пытался, кормят червей во рву.

— Боевой дух почтенного Рхадака достоин уважения, — вежливо заметил Айхалль, Хранитель Аквамарина. — Однако, полагаю, многоопытный воин, чья жизнь прошла в сражениях, не станет обольщаться нашими теперешними успехами. Пока что Исенна осторожно пробует нашу оборону на прочность — касается одним пальцем, так сказать, то здесь, то там. Он остере-

гается нападать, не зная нашей истинной мощи. Но если он решится ударить кулаком... Хрустнем, как орех под кувалдой.

— Айхалль преувеличивает, — поморщилась Гведрида. — Победа дастся нашим врагам дорогой ценой. Но я знаю Исенну. Собственные войны порой называют его Безумцем. Он не отступится, даже заплатив тремя жизнями за одну нашу — теперь он не может повернуть назад, ибо дело зашло слишком далеко. Рано или поздно он возьмет Цитадель.

— Одним словом, если речь идет о воинской мощи, то Исенна и Аадрейн сильнее нас, — подвел итог Талахард. — Не стоит также забывать о смертоносных творениях подгорных механиков и тех странных существах, которых Аллерикс привел с собой, но пока что не использовал при штурме. Мы до сих пор не сошлись во мнениях, являются они разумными или же нет, возникли естественным путем или созданы с помощью колдовства.

— О каких существах вы говорите, Хранитель Опала? — осведомился один из вождей айенн сидха. — «Саламандры» — творение dwarves. Они внешне подобны живым тварям, но по сути своей не более чем очень сложные катапульты или, может быть, осадные башни. Есть еще что-то, неизвестное нам?

— Я имел в виду иных существ, — покачал головой Талахард. — Пожалуй, следует объяснить... Эльшар, тебе слово. Расскажи им про дракона.

— Время от времени один из трех ящеров, со-

творенных Владыкой и обитающих при Цитадели, совершает полет над лагерем завоевателей, — низкий, мягкий голос говорившего звучал негромко и спокойно, однако отнюдь не спокойным было бледное лицо Эльшара, Хранителя Топоза, Драконьего Всадника. Словно в поисках поддержки, Хранитель стиснул в кулаке подвешенный на цепочке золотистый кристалл. — Драконы следят за перемещениями противника и неизменно наводят в стане dwarves панику — хотя на самом деле серьезной опасности не представляют, ведь крылатые змеи обретают способность выдыхать пламя лишь после семи-восьми сотен лет жизни, наши еще не доросли... к сожалению. Они делают это по моей просьбе. Точнее, делали. Вчера самый младший из них, Флейм, залетел дальше, чем обычно, и подвергся нападению чего-то, похожего на огромную тучу мошкеры. Отсюда эту мерзость можно разглядеть, хотя и с трудом, она выглядит как мутно-зеленый смерч, висящий над дальними отрогами. Это не магическое создание, а вполне живое существо или, возможно, скопище каких-то мелких тварей. Так вот, эта «мошкеры» способна прогрызать драконью чешую. Флейм погиб.

Из уст многих собравшихся зазвучали негромкие возгласы удивления и недоверия.

— Драконы видели также что-то вроде сооруженных на скорую руку загонов с крупной живностью — они не могут сказать, какой именно — и тварь, похожую на халарийскую гидру. Понимаю, последнее звучит невероятно, но я склонен

доверять своим подопечным, — добавил Драконий Всадник.

— Что же у нас остается, кроме мечей и стен? — снова возвысил голос Талахард, в очередной раз покосившись на Хранительницу Рубина. С самого начала Совета Иллирет ль'Хеллуана ни разу не пошевелилась, застыв в горестной позе, и не проронила ни слова. — Совершенно верно, Сила Радуги. По сути, говоря о судьбе Цитадели, я имел в виду судьбу Семи Кристаллов. Не секрет, что причина войны кроется именно в них. Исенна рвется к власти любой ценой. Пока Повелитель был с нами, мы могли успешно противостоять мощи Благих Алмазов. Теперь же — сомневаюсь.

— Но почему? — робко спросила черноволосая тоненькая девушка с испуганным личиком, то и дело украдкой поглаживавшая гладкую поверхность темно-синего сапфира. Миррита, вкупе с Желетином, владельцем Изумруда, пришла в Круг совсем недавно, ужасно боялась сказать или сделать что-нибудь не так, а потому чаще помалкивала. Однако сегодня она решилась заговорить, высказав вполне разумную вещь: — Пускай мы пали духом, но, как сказал почтенный Рхадак, сплести чары мы пока не разучились. Там, внизу — всего лишь два Алмаза, здесь, за стенами Крепости — полная Радуга. Да, Эрианн более опытный и искусный магик, нежели мы, а военная мощь Аллерикса велика, но...

— Вот именно — «более опытный», — перебил Айхалль. — Прости, Миррита, мы просто не су-

меем. Горько признаваться, но весь наш Круг пока способен лишь на жалкое подражание деяниям Наставника. Объединив усилия, мы какое-то время сможем удерживать противника и отражать его атаки, однако затем наши силы иссякнут. Армия ворвется в крепость, мостя себе дорогу по трупам. Мы изрядно измотаем Исенну, это верно, но победить — увы... Не лучше ли уничтожить сам повод для вражды, я подразумеваю Семицветье? Подземный огонь в пещерах под Цитаделью вполне справится с этой задачей.

— Вот и еще один последовал дорогой Исенны, ведущей к потере рассудка, — вздохнула Аметист, в то время как над Овальным Столом пронесся всплеск недоуменных вопросов. — Айхалль, где твой здравый смысл? Предположим, у нас действительно есть возможность разрушить Камни, спустившись к жерлу огнедышащей горы, что спит у нас под ногами, и бросив их в пламя. В таком случае мы сами, своими руками, погубим то, что создавалось на протяжении столетий, лишим наши народы последней надежды и признаемся в полном бессилии. Кроме того, ты, верно, запомнил, что произойдет, если исчезнет магия, сдерживающая подземный огонь Долины Вулканов?..

— Отнюдь нет, наоборот, прекрасно помню и именно потому продолжаю настаивать. Поймите, нам вовсе не обязательно на самом деле убивать Кристаллы. Как ты правильно сказал, Талахард, Исенне нужна в первую голову Радужная Цепь. Если мы пригрозим — только пригрозим! —

уничтожить ее, какой смысл Безумцу безумствовать дальше?

— В словах Айхалля есть резон, — поддержал Кэрникс, сиидха, руководивший стрелками на Синем и Аметистовом бастионах. — Исенна одолел Всадника коварством и хитростью, отчего бы и нам не отплатить мерзавцу той же монетой? Ни для кого, и для Аллерикса в том числе, не секрет, что вулканическая стихия Долины сдерживается единственно силой Радуги. Если даже он не побоится утратить вожаденные самоцветы, — может быть, угроза общей гибели в огненной купели заставит его опомниться?

Вновь зазвучал негромкий хор голосов. На сей раз во многих возгласах слышалось одобрение, и даже Талахард заколебался было, но Аметист лишь покачала головой.

— На первый взгляд идея Айхалля кажется разумной, но повторяю еще раз: мы имеем дело с тем, кто редко прислушивается к гласу рассудка. Исенна не поверит нам и не отступит. Да и у нас не хватит духу привести угрозу в исполнение...

— Уж больно тяжело расставаться с кусочком власти над миром, — не удержавшись, съязвил Хранитель Аквамарины. Гведрида метнула в шутника ледяной взгляд:

— Неуместная острота, Айхалль! Исполнив угрозу, мы в один миг развеем дымом сто тысяч жизней — из них половина надеются на нашу мудрость и защиту! Никакая власть над миром не стоит столь дорогой цены!

— Извини... — смутился альб, и тут наконец

Иллирет ль'Хеллуана, отняв руки от лица, заговорила высоким, напряженным голосом:

— Вы тут говорите о мудрости, о разуме, о гласе рассудка! А я жду — когда в вас заговорит сердце! Вспомнит ли хоть один из отважных воителей и мудрых магов, что Владыка еще жив, или вы уже мысленно сложили погребальный костер тому, кто учил нас и наделил Силой?! Астэллар в плену, а мы здесь пальцем о палец не ударим, чтобы выволить его! Лишь почтенный Рхадак не утратил мужества, зато Хранители в мудрости своей мечутся в выборе между торговлей и самосожжением!

— Иллирет, возьми себя в руки, — мягко попрекнула Гведрида. — Не время и не место для взаимных оскорблений. Ты можешь предложить что-то еще? Тогда говори.

— Мы должны вернуть его, — напрямик рубанула ль'Хеллуана, сумрачно блеснув серыми с прозеленью глазами. — Спасти, отбить, сделать вылазку — назовите как угодно. Если мы добьемся успеха и освободим Владыку, Исенна может под стенами мхом покрыться. Скажете, я не права?

— И да, и нет, — возразил Талахард, в душе которого ожесточенно боролись два противоречивых чувства. Одно полностью одобряло замысел хозяйки Рубина. Другое, более разумное, твердило, что Хранительница слишком подавлена и не осознает гибельность своего предложения. — Не сомневаюсь, каждый в этих стенах, кто способен держать оружие, охотно пошел бы на

смерть, лишь бы вырвать Наставника из вражеского плена. Больше того, Радуга поддержит тебя всей мощью, не сомневайся. Но, Иллирет... Ты хотя бы примерно представляешь, как отыскать одного-единственного пленника в лагере на пятьдесят тысяч мечей? Или полагаешь, что разгромить Исенну в поле проще, чем на стенах? Открой мы ворота, и он ворвется в Цитадель на наших плечах. И еще — Астэллара наверняка стерегут пуще глаза. Чтобы добраться до заложников, придется пройти вражье войско насквозь. Тюремщикам довольно мгновения, чтобы всадить нож, и все, что нам останется — бездыханное тело. Откроемся сами, Владыку не спасем и потеряем Цитадель... Нет, Иллирет ль'Хеллуана, это был бы самоубийственный шаг. Одну такую ошибку мы уже допустили, позволив Наставнику отправиться прямо в пасть к хищнику, вторая станет роковой. Все ли согласны со мной, Хранители?

— Да, — проронила Аметист. Миррита и Джелетин молча склонили головы, Эльшар, по-прежнему бледный, кивнул. Айхалль буркнул, глядя в стол:

— Согласен. И потому сам себе отвратителен.

После короткого обсуждения высказались сиидха, приняв сторону Хранителя Опала, и йюрч, отвергавшие саму мысль о сдаче. Рхадак, воздвигшись над мозаичной столешницей, проревел:

— Мы пришли сюда за славной победой — или славной смертью! Девочка, подобная огню, — он неловко поклонился Иллирет, — отважней иных носящих меч. Она, как и мы, не боится умереть,

чтобы спасти Большого Хозяина! Знай, Отмеченная Пламенем: когда тебе понадобятся наши клинки — мы встанем как один рядом с тобой! А вам, достойные Хранители, должно быть стыдно, аргх! Ни один воин, если только он не забыл лица предков, не оставит своего вождя в плену!

— Храбрый воин умрет за своего вождя, если он в ответе лишь за собственную жизнь, — сдержанно кивнул Талахард, видя, какое впечатление на собравшихся, особенно на людей, произвела пылкая речь Рхадака, и намеренно употребляя понятные воинственным йюрч и диковатым людям сравнения. — Может быть, о его гибели сложат красивую песню. Но вождя он не спасет, его прославленный в битвах меч заберет себе враг, и после того, как он умрет в неравном бою — кто защитит его поселение от чужаков? Враги придут, заберут женщин, убьют слабых, сожгут дома. Песня останется и проживет века, но что песня тем, чьи кости разбросают вороны?.. Умный воин останется жив и защитит свое племя, не отдаст меч в злые руки, сделает так, что торжество врага обернется пеплом на ветру. А потом, вернув своему народу силу, оплатит убийцам сполна. И о нем тоже сложат песню, которую смогут петь его дети. Отважный Рхадак должен понять меня. Если бы речь шла только о ковене Хранителей Радуги, мы не колебались бы ни мгновения. Я сам пошел бы во главе воинов сиидха, плечом к плечу со своими собратьями, и клянусь, подлые захватчики нескоро забыли бы эту битву! Однако в крепости, Рхадак, без малого сорок тысяч мир-

ных жителей, которые вверили нам свою судьбу! Что будет с ними? Что случится со всем нашим народом, если Исенна заполучит в свои загребушие руки всю Силу? Мы не вправе отдать ему Радугу, даже если ценой тому будет жизнь Владыки Астэллара! Он сам, думаю, согласился бы с моими словами!

Иллирет слабо шевельнулась в своем кресле.

— Согласился бы, — негромко произнесла она в тишине, наступившей после выступления Хранителя Опала. — Простите меня, Талахард, Гведрида, и ты, отважный Рхадак. Горечь утраты затуманила мой разум, и моими устами говорило отчаяние. Хорошо, есть иной путь. Вы не знаете, но перед тем, как уйти, Астэллар поведал мне кое-что. Наши разговоры о коварстве противника заронили в его душу зерно сомнения, и он решил позаботиться о обитателях Крепости на случай, если ему не придется вернуться. Ночью он создал Прямую Тропу — самую большую из тех, какие мне доводилось видеть, потратив на нее почти все силы.

Сказанное ль Хеллуаной стало новостью для всех. Круг Радуги ошеломленно вскинулся, йюрч затеребили айенн сиидха, громким шепотом выпрашивая, о чем идет речь.

Искусство сотворения Прямых Троп, порталов, связывающих огромные расстояния, оставалось мало кому доступным. Говорили, что даже носители Благих Алмазов не обладают пока талантом и способностью воздвигнуть подобное, и единственным, кто мало-мальски овладел сей пре-

мудростью, был и остается Властелин Полуночной Цитадели.

— Тропа начинается в Белом Дворе и заканчивается далеко отсюда, на Полудне, в Диких Землях, — продолжала Рубин, не обращая внимания на усиливающийся изумленный ропот. — Она достаточно широка, чтобы вместить пятерых идущих рядом человек или конную повозку, но для того, чтобы вывести отсюда всех и вся, понадобится не меньше трех или четырех дней. Сейчас Тропа дремлет, но Повелитель научил меня, как оживить ее. Если вы примете решение воспользоваться этим путем, то к наступлению сумерек у меня все будет готово. Уводите мирных жителей, спасайте сокровища Цитадели, бегите сами...

— Мы никуда не пойдем, — перебросившись короткими репликами со своим сородичами и занимавшими места по соседству предводителями людских кланов, непререкаемо заявил Рхадак Стальная Спина, получивший исчерпывающие объяснения касательно того, что такое Прямая Тропа. — Входя в крепость, мы знали — многие не вернутся. Большой Хозяин оставил путь для бегства, так пусть уходят те, кто не может сражаться. Пока мы будем драться с Исенной, они унесут Камни, — грозному йюрч пришлось по душе мысль о том, что предводитель осаждающих останется ни с чем, и он гулко фыркнул. — Ха, Безумец разобьет о стены голову и захватит пустую Вершину! Хотел бы я поглядеть на его лицо!

— Но что станет с теми, кто пройдет через

Врата и окажется в неизведанных краях, не имея крова и защиты, в окружении хищных тварей и враждебных племен? — резко осведомился Кэрникс. — А если Исенну не смутит дальность расстояния и, одолев крепость, он немедленно снарядит погоню за ускользнувшим сокровищем?

— Погоню куда? — отличавшийся быстротой мышления Талахард мгновенно сообразил, какие преимущества дарует Прямая Тропа, связавшая различные уголки огромного и малоосвоенного Материка. — Как он вообще узнает об исходе Камней? Уходящие запечатывают выход за собой... Пусть себе захватчики обыскивают руины и шарают по подвалам. Тем, кто скроется в Незнаемых Землях, поначалу придется трудно, однако нам ли сдаваться перед испытаниями? Когда-то наши отцы пришли в эту долину, пустую и мертвую, наполнив ее жизнью. Отчего бы не повторить сделанное в другом краю, благо у нас в руках останется Радуга? Главная нынешняя трудность — выиграть время. Каждый лишний колокол — шанс для еще одной тысячи спасенных. Надо немедленно известить население Цитадели о начале сборов. Гведрида, Айхалль, Миррита, этим займетесь вы. Распределите, в каком порядке будут собираться отряды и как осуществить Переход в наикратчайшее время, что из наших собраний и архивов нужно забрать с собой, а что придется уничтожить или спрятать до лучших времен. Л'Хеллуана, разбуди Тропу... Тебе нужна какая-либо помощь?

Рубин устало отмахнулась.

— Посланцы Исенны ждут ответа, — напомнил Драконий Всадник. — Если Совет Радуги принял решение, я поднимусь на стену и передам его нашим врагам. Так что отвечают воители и маги Полночной Цитадели?

— Круг отвергает предложение о сдаче крепости, — переглянувшись с собратьями по чародейскому сообществу, изрек Талахард — как припечатал. — Исенна желает владеть Семизвездной Цепью? Что ж, он победит в этой битве, но не раньше, чем каждая пядь Долины Вулканов орошится кровью его приспешников — и в награду получит мертвые, бесполезные руины.

— Торжество врага обернется пеплом на ветру, — согласно кивнула Гведрида.

Глава четвертая

Дни ничтожности и славы

29—30 дни месяца Тагорн

Рогда ответ осажденных доставили в походный шатер альбийских вождей, первым развернул свиток Эрианн Ладрейн. Пробежав глазами недлинный, но чрезвычайно язвительный текст — Айхалль старался как мог, подбирая самые цветистые эпитеты — он иронически хмыкнул и передал плотный пергамент с печатью серебристого воска Аллериксу. Ожидаемой вспышки гнева, потоков брани или иного проявления буйного темперамента Безумца, к вящему удивлению Эрианна, не последовало.

— Что ж, пожалуй, я даже рад их выбору, — сухо усмехнулся Исенна, скомкав свиток в своей железной ладони и швырнув в дальний угол шатра. — Мне прискучило сидеть под этими клятыми стенами, мой меч заржавел в ножнах. Начнем на рассвете.

...Край солнечного диска едва показался над отрогами скалистых гор, окаймлявших Долину Вулканов, когда в рассветной тишине басовито зашели сигнальные рожки, и взлетевшая над равниной искра ярко-зеленого цвета подала знак к началу штурма Полночной Цитадели. Штурма, отголоски которого сохранились во всех летописях, будь они созданы кхарийцами, пришедшими на смену альбам, повелителями Атлантиды или поднявшимися над своей дикостью людьми.

Никто еще не знал, что этим дням суждено стать вехой, разделившей эпоху на «до» и «после», что в скором времени изменится сам лик земли, придут новые народы... и, может быть, когда-нибудь все повторится сначала — под другими именами, в другое время иная Цитадель будет отстаивать свое право жить так, как полагает нужным.

Возможно, Исенна Аллерикс не отличался кротким нравом, но полководцем он был неплохим и попусту бросать в мясорубку своих воинов не желал. Вместо ожидаемой осажденными живой волны первого приступа внешнюю, наиболее мощную линию обороны накрыл для начала чудовищный ливень из стали, огня и камня. Следуя приказам своих командиров, дверги выстроили в ряд почти две сотни катапульт, включая дюжину чудовищных требюшетов, и дробили прицельными залпами стены и бастионы Цитадели. Помимо огромных камней, бревен и стрел сработанные двергами осадные машины выбрасывали в воздух заключенные в магические обо-

лочки стустки огня, способного разрушать самый твердейший гранит.

Первые снаряды, устремившиеся к неприступным равелинам Цитадели, не достигли цели, отброшенные неведомой силой, будучи сбиты еще в полете или ударившись о ставший плотным и непроницаемым воздух. Осаждавших это не удивило — оставшись без предводителя, Круг Радуги все же не лишился способностей колдовать и по мере сил противостоял вражеским атакам. Гигантские катапульты Цитадели также не молчали: то и дело на месте какого-то из требюшетов Исенны вспухал огненный шар или грубо обтесанное каменное ядро выкашивало кровавую просеку в плотных боевых порядках осаждающих. Впрочем, искусством ловли стрел обе стороны владели в равной степени хорошо, и поначалу потери обеих армий были, в общем-то, невелики.

Но обстрел продолжался, не давая защитникам Цитадели ни мгновения передышки, запас снарядов у осаждающих казался беспредельным, а владельцы Благих Алмазов были куда искушенней в разрушительной магии Стихий. Ответный огонь из крепости становился все реже, и все чаще выстрелы осаждающих попадали в цель.

Около третьего дневного колокола метко пущенный металлический шар, начиненный горячей жидкостью, поразил одну из башен в нижнем ряду укреплений, и та окуталась оранжево-рыжими дымными сполохами. Огонь вскоре потушили, но, пока работали спешно собранные пожарные команды, требюшеты врага делали свое

дело, разрушив еще несколько башен на Аквамариновом бастионе.

Казалось, не будет конца этим воплям, свисту рассекающих воздух стрел и падающим с неба смертоносным снарядам.

Ближе к вечеру с ужасающим грохотом рухнула часть стены Изумрудного равелина, и подгорные воители, подогнав к образовавшейся брешии с десятков «саламандр», создали там настоящую реку огня. Плавился камень, обращалось в пепел дерево, обрушившийся на извергающих огненные языки многоножек ливень не слишком помог делу, ибо вода, как выяснилось, лишь усиливает жадное оранжевое пламя. Поднимавшиеся клубы пара и дыма скрыли бастион от глаз защитников, а когда испарения отчасти развеялись, выяснилось, что брешь в стене загромождена причудливого вида оплавленными обломками, исходящими удушливым дымом. Никто не рисковал приблизиться к ним ближе чем на сотню шагов.

Дрогнула защита Топазового бастиона; без того изрядно пострадавшего — камни и шары с зажигательными зельями поразили участок, включавший в себя сразу четыре сторожевые башни. Несколько участков стены меж ними дали трещины, просели, начали осыпаться, и тогда, почувя слабость, маги-завоеватели пустили в ход разрушительное колдовство Четырех Стихий. Чудовищные молнии одна за другой били в вершины башен, прочнейший гранит рассыпался черным песком, горело все, что могло гореть. Мощь Бла-

гих Алмазов столкнулась с могуществом Радуги — и, казалось, Радуга начинает сдавать.

В лагере Исенны царило ликование.

Спустя весьма недолгое время выяснилось, что торжество было преждевременным.

* * *

Уяснив тактику осаждающих и зная, что Воздушный Щит не сможет долго противостоять столь яростным атакам, как обычным, так и магическим, ковен Радуги принял решение отвести за вторую линию стен большую часть гарнизона, а также все легкие баллисты и «змеиные пасти». Гигантскими катапультами, закрепленными намертво на своих гранитных постаментах, пришлось пожертвовать. Этим и объяснялось ослабление ответного огня Цитадели, столь обрадовавшее полководцев в лагере Аллерикса. До поры Хранители Семицветья не спешили показывать всего, на что способна Радужная Цепь, руководствуясь знаменитым воинским правилом: «Если ты силен, сделай вид, что ты слаб; если же ты слаб, постарайся казаться сильным».

Около шестого послеполуденного колокола незримый щит, хранивший Цитадель, исчез, и смертоносные гостинцы из лагеря осаждающих разносили многострадальную первую линию стен совершенно невозбранно. Топазовый бастион лежал в руинах, в стенах Изумрудного зияли огромные бреши, Аквамариновый и Опаловый охватили пламя. Казалось, открыт путь к сердцу

затаившейся в страхе крепости, и это впечатление на какое-то время обмануло даже Исенну. Он, Эрианн, а также полдюжины наиболее опытных альбийских магов, в числе коих были младший Ладрейн и Ирваст, сын Хетира, наблюдали за происходящим в долине с плоской вершины скалы в лиге позади неровного строя осадных машин.

— Если это все, на что они способны, — презрительно бросил Аллерикс, глядя сквозь пелену дымов на угрюмо примолкшую крепость, — то я разочарован. Ну, а если Хранители Радуги готовят ловушку, то и у меня отыщется, чем их удивить. Зокарр! Отбой катапультам. Эрианн, ты готов? Сейчас мы отправим в бой наших самых надежных союзников — тех, что не требуют оплаты... и о которых мы не будем жалеть.

Вновь заревели трубы, подавая команду катапультным расчетам. Повинуясь следующему сигналу, выстроенные в безукоризненном порядке латные сотни dwarves и альбийские мечники поспешно расступились, освобождая проход для невиданных орд. По-прежнему не торопясь рисковать своими воинами, Исенна бросал в горнило боя жутких созданий, собранных отовсюду и покорных власти Благих Алмазов. Многие из этих существ были известны строителям Полночной Цитадели уже очень давно. Еще на заре времен, осваивая древние леса и затерянные в горах долины под поля и поселки, альбы сталкивались с подобными им, и почти всегда эта встреча стоила кому-то из первопоселенцев жизни. Даже одна

или две таких твари способны были натворить немало бед — а тут, гонимые колдовской силой, на приступ шли целые стаи безжалостных хищников.

Сотни покрытых косматой серой шерстью зверей, похожих на йюрч, но куда более крупных, злобных и начисто лишенных зачатков разума, карабкались, рыча, на полуразрушенные стены. Следом явились другие, неповоротливые, похожие на живые стенобитные машины, с головы до ног закованные в чешуйчатую броню, а позади всех шествовали три многоглавые гидры с непроходимых болот Халарии. Последние, возвышаясь над прочей стаей подобно диковинным осадным башням, двигались вроде бы неторопливо, однако с неудержимостью горной лавины, и земля дрожала под их тяжелой поступью. Мощные роговые пластины служили им надежной защитой от стрел и дротиков, каменную стену толщиной менее трех локтей халарийская гидра просто не замечала, а яд, которым издалека плевались четыре уродливые плоские головы, прожигал гранитные плиты.

Первыми линию стен преодолели косматые четверорукие хищники. Они рассеялись, сколько позволял огонь и дым, по развалинам, не встречая никакого сопротивления. С того места, где стояли Исенна и Отец Обмана, звери выглядели густой россыпью беспорядочно мечущихся черточек, грязно-белых на фоне перепаханной обстрелом земли и изломов черного гранита. Приземистые живые тараны в чешуйчатой броне набира-

ли скорость, нагоняя серых полуобезьян, круша в своем неостановимом движении остатки крепостных укреплений. Один, пригнув увенчанную короной тупых отростков башку, с разгону вломился в чудом уцелевшие створки Врат Рассвета и снес их начисто. Гидры были еще далеко, когда наиболее быстрые из косматой стаи достигли второй линии бастионов. Благие Алмазы в руках альбийских вождов заискрились ярче, вынуждая звериную орду продвигаться дальше и дальше вглубь Полночной Цитадели.

Ни одной стрелы не вылетело навстречу звериной стае — черные рavelины по-прежнему казались безжизненны и пусты. Но тут Семицветье наконец явило свою мощь — и явило столь неожиданным и неприятным для захватчиков образом, что Исенна на несколько мгновений застыл столбом, прежде чем разразиться проклятиями.

— Во имя Небесного Света, что происходит?! Что они делают?!

* * *

Яростный боевой вопль хищных тварей, достигших второй линии бастионов, зазвучал с удештеренной силой. Однако вместо того, чтобы, проникая в каждую бойницу, раздирать в клочья защитников Цитадели, звери на всем поле битвы кидались друг на друга и сходились в смертельных поединках — только шерсть летела. Иначе вели себя приземистые бронированные чудовища, деловито сносившие ворота. Растерянно взре-

ывая и мотая рогатыми мордами, они носились причудливыми зигзагами, без видимой цели, будто пораженные внезапной слепотой — да так оно, скорее всего, и было. Несколько «таранов» угодили в дымящиеся ямы, оставленные снарядами осадных орудий, и не могли выбраться; два или три чешуйчатых монстра и вовсе, повернув назад, топтали боевые порядки пехоты и разносили в щепы катапульты осаждающих.

Прямо на глазах потрясенных альбийских полководцев одна из гидр изрыгнула яд всеми четырьмя пастями, с редкостной точностью накрыв сразу четыре тяжелых требюшета dwarves. Скверное настроение ядовитой твари можно было понять. Так же величественно и неумолимо, как только что гидра двигалась к Цитадели, она и обе ее товарки погружались в твердую землю, внезапно обернувшуюся вязким зыбучим песком.

К чести Исенны надо признать, что замешательство его и Эрианна длилось недолго. Однако, хоть сила Благих Алмазов и остановила магический удар Радуги, звериная орда стала и бесполезна, и опасна для самих завоевателей. Добрая половина косматых полуобезьян полегла в короткой братоубийственной схватке, оставшихся же дюжинами выкашивали в упор залпы «змеиных пастей». Живые тараны большей частью перекалечились, в ослеплении мечась взад-вперед; что же до халарийских болотных чудищ, то после того, как заклятие Зыбучих Песков исчезло, гидры оказались намертво увязшими в земле, заново обретшей прежнюю твердость. Все живое вокруг

них в ужасе разбегалось, уворачиваясь от ядовитых плевков, треть осадных орудий дымилась бесполезными кучами металла и дерева, безупречные ряды альбийских мечников пришли в полное расстройство. Проревев черное ругательство, Аллерикс вскинул жезл с пламенеющим Алмазом, и все три неуправляемых твари исчезли в крутящихся огненных смерчах.

Сотники альбов только начали восстанавливать порядок в смешавшейся армии, когда на осаждающих обрушилась новая напасть. Те из бронированных чудищ, что ухитрились уцелеть в первой атаке и которых маги Исенны, казалось, прочно держат в узде, внезапно словно взбесились. Все их стадо, около двух десятков голов, вдруг сорвалось с места, галопом несясь сквозь строй dwarfских латников и их убийственных осадных машин, круша все на своем пути и не разбирая дороги. Альбийская магия справилась и с этой бедой, и спустя десять ударов сердца «живые тараны» превратились в неподвижные груды мяса и костей... но Зокарр по прозвищу Два Топора, стянув с головы помятый бронзовый шлем, с размаху хватил им о камень:

— У нас более нет катапульт, Исенна!

Аллерикс, обеими руками сжимая стальной сверкающий жезл, медленно обернулся к Эрианну Ладрейну, и тот невольно отшатнулся, увидев лицо своего соратника — чеканное благородство черт сменилось дикой маской ярости.

— Ты говорил, что они несмышленные дети! — проревел он, буравя взглядом бледного, как мел,

Эрианна. — Якобы они не сумеют воспользоваться Силой без их проклятого наставника! Теперь погляди, что осталось от моей армии, и подумай трижды, прежде чем открыть пасть еще раз!

— Парочка удачно составленных заклятий еще ни о чем не говорит! — запротестовал Эрианн. — Просто кто-то у них хорошо владеет заклинаниями Живой Природы! Мы ошиблись, бросив в бой чудовищ, которых они смогли подчинить, но кто же мог знать!.. В магии Стихий, ручаюсь, они нам не соперники. Их Воздушный Щит куда слабее нашего...

— ...Их Воздушный Щит с успехом отражал наши удары едва не целый день! — отрезал Исенна. Потеряв интерес к бесплодному спору с Ладрейном, он повернулся спиной к нему и окликнул: — Зокарр!

— Да, Исенна, — угрюмо отозвался могучий седобородый дверг.

— Сколько у тебя «саламандр»?

— Теперь? Не знаю. Не более полусотни.

— Когда они будут готовы к бою?

— Не раньше завтрашнего утра, — хмуро ответил подгорный вождь, донельзя удрученный потерей своих драгоценных катапульт. — И то, если...

— Утра? Завтрашнего утра?! Я приказываю...

— Приказывай, но сперва послушай, что я скажу, — перебил Зокарр Два Топора. От такой неслыханной дерзости Аллерикс на мгновение опешил, а Эрианн, его сын и находившийся неподалеку Ирваст обменялись быстрыми взглядами.

Дверг тем временем продолжил на лязгающем наречии подгорного народа — по-альбийски Зокарр, как и прочие его соплеменники, изъяснялся крайне скверно. Впрочем, и на родном языке речь карлика звучала не слишком дипломатично:

— Этот приказ, Исенна, точно загонит тебя в могилу, уж извини за прямоту, а с тобой вместе и нас всех. Воля твоя, я, конечно, подчинюсь, я тебе на верность присягал. Только если мы и «саламандры» потеряем, можно смело бросаться на собственный меч. Они там, в крепости, еще полны сил, а мои воины только что видели их мощь в действии и, скажу я вам, неприятно поражены. Но вот только что я слышал, как достойный Эрианн про Магию Стихий чего-то хвалился... А покажите-ка нам, на что способна *ваша* магия — и подгорному народу, и вашим мечникам полезно будет посмотреть, чтоб смелости прибавить. Вот как в Тиллене, где вы вдвоем безо всяких катапульт стены сносили.

Все без исключения альбы, да и большая часть двергов, присутствовавших при сей отповеди, про себя решили, что едва дерзкий произнесет последнее слово, как будет немедленно испепелен Исенной — такая ярость была написана на лице альбийского вождя. Пожалуй, впервые ему осмелились перечить столь открыто, и кто — наемник, грязекоп! Однако резкие перемены настроения Безумца вошли в поговорку даже среди его собственной свиты. К концу речи Зокарра альб овладел собой и вдруг, широко улыбнув-

шись, хлопнул дверга по обтянутому кольчугой крутому плечу:

— Честные и достойные речи! Ты не побоялся спорить со мной, а это случается нечасто. Знаешь, ты был на волосок от смерти только что... — Зокарр Два Топора равнодушно пожал плечами. — Но теперь и я вижу, что погорячился, а ты был прав. Спасибо тебе, мой союзник, мой друг! Только что твоя доля в добыче увеличилась вдвое. Вот тебе иной приказ: отведи своих воинов не меньше чем на фарлонг от первой линии укрепления и не приближайся, пока я не подам сигнал. То же самое должны сделать и наши командиры — распорядись, Эрианн, пусть отправят гонцов, и приготовься. Сейчас мы вдвоем покажем, на что способна наша магия.

Отец и сын Ладрейны снова переглянулись — на сей раз в их взглядах читалось недоумение и беспокойство.

* * *

Временное затишье продлилось до темноты — а темнеет летом поздно, и Цитадель получила довольно долгую передышку. С высоких шпилей Серебряных Башен, где творили свое колдовство Хранители Радуги, видно было, как перегруппируются вражеские армии, не делая больше попыток решительного штурма. Немногие уцелевшие требюшеты двергов размеренно взмахивали рычагами, выбрасывая в воздух каменные глыбы и зажигательные шары. Но, хотя Воздушный Щит

не защищал более крепость, вялый обстрел почти не причинял урона. До второй линии обороны снаряды не долетали, когда же дверги попробовали выдвинуть осадные орудия поближе, упавшая с ясного неба молния испепелила две катапульты. Подгорные воины почли за благо убираться подальше.

Носители Алмазов хранили молчание, ничем не ответив на эту выходку Айхалля, и вообще, похоже, удалились за пределы видимости. Разве только до рези в глазах напрягая зрение либо же обострив его с помощью нехитрого колдовства, можно было разглядеть гигантскую тучу серой пыли, прошитую тонкими синими разрядами — она полностью закрывала одну из дальних гор, оттуда доносились тяжкие удары, от коих порой мелко дрожала земля. Судя по всему, там творилась могучая волшба, и эта волшба вкупе с загадочным бездействием альбов не на шутку обеспокоила защитников Цитадели. Обеспокоила настолько, что поднакопившее силы Семицветье решилось на ответную вылазку. Для ночной атаки объединили свои умения старшие Хранители — Аметист, Опол, Рубин и Акварин. Полночь, словно огнями фейерверка, вспыхнула тысячами молний, пролилась огненным дождем на расположение осаждающих. В ответ на дальней горе засияла яркая синяя звезда — и струи огня, способные прожигать любую броню, стали гаснуть в сотне локтей от земли, молнии же бессильно растекались по мерцающему голубому куполу, накрывшему лагерь Исенны и Эрианна.

Эльшар, Драконий Всадник, чьи магические таланты позволили столь блестяще обратить против самих завоевателей атаку звериных орд, скрепя сердце вновь послал обоих драконов на разведку. Черный Дийарм и бронзово-золотая Рагита стремительными тенями скользнули в ночь, но очель скоро возвратились, преследуемые по пятам сразу тремя зеленоватыми вихрями — двумя днями раньше подобный смерч расправился с младшим из драконов, Флеймом. В ночной тьме одинаково бесследно растворялись и драконьи силуэты, и их преследователи, но, когда панические мысли крылатых ящеров коснулись сознания Эльшара, владелец Топаза обратился за помощью к Хранительнице Огня.

Возможно, у Иллирет ль'Хеллуаны и не хватило сил пробить защиту, поставленную самим Исенной над воинским лагерем, зато на иные чудеса ее способностей достало с лихвой. Прямо перед хищными смерчами распахнулась стена пламени, сквозь которую невредимыми пронеслись драконы. Тогда и выяснилось, что за создания привел с собой Аллерикс — то, что с шипением и треском сгорало над вторым ярусом Цитадели, более всего напоминало три гигантских пчелиных роя. Стены и улицы оказались усыпаны хорошо прожаренными тушками крылатых и зубастых тварей, похожих на осу, но размером с голубя. Неугомонные йюрч устроили себе дармовую пирушку — подобные существа были хорошо им знакомы и даже считались деликатесом, причем именно в жареном виде. Зверюги прислали в

Башни своего представителя с благодарностью лично Рубину и одной-единственной нижайшей просьбой — нельзя ли добавить к осам пару бочонков какой-нибудь приправы, а то лакомство получилось жестковатым...

...После третьего ночного часа странный грохот в горах стих, и катапульты, как по команде, прекратили обстрел. Часть защитников Цитадели получила возможность забыться беспокойным сном, однако хлопотливая деятельность в замке Вершин и льнувшем к его подножию городе не прекращалась ни на мгновение. Мирное население кварталов, беженцы и раненные — весь этот поток, направляемый распорядителями из числа сиидха и йюрч, вливался в Полуденные Врата замка и устремлялся в обширный внутренний двор.

Посреди него горела Тропа — сотканное из призрачного лилового огня полукольцо, напоминавшее огромную дверь, ведущую в неведомое. Белый Двор оставался единственным местом в Цитадели, которое продолжал укрывать Воздушный Щит. Исход обитателей крепости, начавшийся прошлым вечером, продолжался посейчас, невзирая на полосующие небеса колдовские молнии, грохот рушащихся стен и содрогающуюся под ногами землю. Чародейская война, похоже, пробудила к жизни давно усыпленный вулкан, служивший основанием твердыни. Раньше это вызвало бы всеобщее беспокойство, но теперь мало кто обращал внимание на гулкие толчки.

Паники и толкотни, могущей погубить с та-

ким трудом налаженное отступление, пока не замечалось, однако Сапфир, назначенная заботиться об осуществлении Перехода, еле-еле сохраняла видимость спокойствия. Тропа захлебывалась, словно переполненный водой узкий канал, не в силах пропустить сквозь себя за столь краткое время без малого сорок тысяч душ. А упрямая домашняя скотина, наотрез отказывающаяся входить в переливающуюся оттенками синего и розового глубину портала! А многочисленные узлы, тюки и сундуки со скарбом переселенцев, пусть и составленным из самых необходимых вещей, и припасы на первое время, и оружие, и всякое иное снаряжение! А еще — казна Цитадели, ее собрания древностей, библиотеки и архивы, которым несть числа!

Миррита привлекла к работам всех, кто не стоял на стенах, но вскоре ей пришлось обратиться к Радуге с просьбой выделить еще помощников и известить соратников о том, что большей частью книжного собрания придется пожертвовать — чтобы вывести его полностью, необходим обоз в добрую сотню подвод. Хранительница Сапфира едва не рыдала, глядя на забитые пергаментами шкафы и понимая: фолианты обречены на гибель в огне или тление в укромных тайниках. По желанию Владыки Цитадели таковых соорудили изрядное количество, но требовалось множество рук, чтобы перенести книги в предназначенное им место, после чего Сапфир и несколько доверенных чародеев долго и с величайшей аккуратностью настораживали берегаю-

щие ловушки. Золотые монеты и драгоценности укрывали не столь тщательно — пусть достанутся врагам, отвлекая их внимание от подлинных сокровищ крепости.

Занятая неустанными хлопотами, Миррита даже не знала толком, что происходит вокруг Цитадели. Ее слуха достигали разрозненные обрывки сведений, она плохо представляла, день вокруг или ночь, и ей хотелось доподлинно выяснить только одно — как обстоят дела у тех, что проходили мимо нее, исчезая в мареве Тропы? Ведь спустя какое-то время ей самой предстояло уйти этим путем, вместе с остальной Радугой и уцелевшими защитниками Крепости. Ступивший в Портал не сможет вернуться обратно, ему останется только полагаться на мастерство проложившего Тропу чародея, надеясь, что там, на другой стороне, не будет бездонной глади Океана или зыбкой болотной хляби.

О судьбе Наставника Миррита старалась не задумываться, зная, что тогда все начнет валиться у нее из рук, голова откажется здраво соображать и больше от Хранительницы Сапфира не будет никакой пользы. Она едва не засыпала стоя, когда и ее, и всех находившихся в Белом Дворе оглушил разорвавший предрассветную хмарь опостылевший рев боевых рожков осаждающих.

* * *

Второй день штурма выдался солнечным и ясным, однако мало кто это заметил — висевшие

над Долиной свинцовые облака дыма и гари затмили небо, превращая наступающее утро в вечерние сумерки. На безопасном расстоянии от развалин первой линии укреплений Цитадели тремя широкими клиньями выстроились все уцелевшие и наскоро починенные за ночь «саламандры» двергов — шесть или семь десятков многоножек с раскаленным пламенем внутри. За ними виднелись ровные ряды пеших воинов, а перед линией металлических чудищ громоздилось нечто, смахивающее на курганы из огромных валунов, аккуратно разложенных вдоль всего переднего края готовящегося к атаке альбийского войска. Круг Радуги уверенно предположил, что россыпи обломков являются итогом ночного чародейства Исенны и его присных, однако для какой цели предназначены извлеченные из горных недр камни, оставалось загадкой. Вроде не для стрельбы по останкам Изумрудного и Топазового равелинов — иначе поблизости стояли бы катапульты и требюшеты. Вряд ли Аллерикс и Ладрейн расходовали могущество Алмазов на совершенно бесполезное деяние, но ведь зачем-то им понадобились эти каменные груды?

Ответ пришел спустя несколько ударов сердца, вместе с взметнувшимся над гребнем одной из гор изогнутым высверком ослепительно-белой зарницы. Она коснулась одного из гранитных валунов, зазмеилась к следующему и дальше по цепи, и на глазах потрясенных защитников Крепости мертвый камень обрел подобие жизни.

Слепленные из валунов, глины и щебня гро-

мады пришли в движение, сперва медленно, затем все быстрее и быстрее перекатываясь на грубо обтесанных глыбах, служивших им основанием. Несмотря на первоначальную неспешность, оживленные колдовством Исенны камни упорно карабкались вверх по склону и вскоре добрались до былых равелинов Изумрудного бастиона.

Опешившее поначалу Семицветье пустило в ход так замечательно проявившие себя вчера чары наваждения и ослепления, однако сегодня мастерство Эльшара кануло втуне. Можно лишить рассудка живое создание, но как воздействовать на то, что изначально лишено разума и не имеет глаз? Возникшая полоса зыбучих песков также не возымела действия — достигнув ее, камни не увязли, разве что погружались ненадолго и продолжали неуклонное движение вперед. Не остановили их и ударившие с бастионов Цитадели молнии, встретившие на своем пути Щит, защищавший каждое из диковинных созданий. Со второго яруса выстрелили по катящимся валунам из «змеиной пасти», но арбалетные стрелы с треском отскакивали от твердой гранитной поверхности. Заработали магические катапульты вроде той, с помощью которой Эвье Коррент некогда продырявил стену арсенала — стремительные стуски огня обратили в песок с десятков движущихся курганов, но прочие продолжали движение, прямое и неотвратимое.

Громыхающая и поскрипывающая лавина переклестнула через руины Зеленого и Топазового бастионов, прошла, набирая скорость, по остан-

кам сгоревших казарм, разнесла в щепки те немногие здания, что еще уцелели между первым и вторым поясом укреплений и со страшной силой врезалась в стены второго яруса, оберегающие Верхний город. Перекатывающиеся булыжники с тупым упорством крушили стены бастионов, прокладывая для армии завоевателей дорогу в недра Цитадели. Появились первые бреши, несколько башен там и тут зашатались, оседая грудами битого камня.

Тогда Семицветье прибегло к последнему средству. В десятке мест над полем боя закурился едкий серый дым. Брызнули огнем и лавой длинные извилистые трепины, тянувшиеся из подземных недр, преграждая путь живым валунам. Часть таранов рухнула в kloкочущие пламенем жерла, прочие закружились на месте, бессмысленно толкаясь в стены, а огненная стихия Долины Вулканов поглощала их один за другим. Начался захватывающий в своей стремительности и опасности поединок — магия Алмазов запечатывала возникающие прорехи в теле земли, Круг Радуги немедленно открывал новые, норовя прочертить их в точности под движущимися курганами. Победа в этой игре осталась все же на стороне Цитадели.

Каменные големы, однако, частично добились цели, ради которой их создавали — разрушили протяженный участок стен второй цепи, не представлявшей из себя столь мощного оборонительного пояса, как лежавшие ныне в развалинах нижние бастионы. Последняя, третья стена, вооб-

ще являлась символической преградой, отделявшей постройки Серебряных Вершин от расположенного яруса ниже города. Создавая свою крепость, Всадник не предполагал всерьез, что когда-либо она подвергнется столь ошеломляющему штурму.

Время показало, что он ошибся — его великая Цитадель в конце концов пала под вражеским напором, и пала быстрее, чем можно было предположить. Но победа, как и рассчитывало Братство Радуги, далась осаждающим слишком дорогой ценой.

...Три клина «саламандр» поползли вверх по склону, выжигая перед собой все живое и неживое, стараясь избегать внезапно рассекающих обманчиво надежную твердь огненных трещин и упоая на прикрывающий их с небес Незримый Щит. Уцелевшие катапульты защитников, переташенные на вторую стену, упрямо выбрасывали в воздух стеклянные шары, начиненные фиолетовым огнем, способным мгновенно погубить двергскую шагающую махину.

За торившими дорогу железными многоножками наконец тронулось с места так тщательно сберегаемое Исенной для решающего удара войско двергских латников и альбийские дружины. Зокарр Два Топора, не утерпев, отправился в бой вместе со своими сородичами, несмотря на явное неудовольствие Аллерикса, не желавшего, чтобы один из его наиболее верных сторонников покидал ставку. Разубедить предводителя карликов не удалось, и теперь он шагал где-то в первых

рядах пешего воинства, а над его головой скрепчивались в противоборстве клинки синих молний и огненные стрелы.

К полудню военная удача вроде бы решила улыбнуться нападающим — на Аквамариновом бастионе второго яруса поддерживаемые «саламандрами» дверги захватили четыре главных башни и стянули туда немалые силы латной пехоты, поджидая отставших альбийских союзников. Это краткое ожидание их и сгубило. Очертания закопченных и оплавленных стен бастиона задрожали, словно бы охваченные потоком горячего воздуха над костром, складывающие их гранитные блоки потекли, теряя четкую форму, и прежде чем подоспевшие альбы успели опомниться, двергские воители оказались замурованы в недрах разрушающихся строений. Истощенный вопль сотен глоток взлетел над бастионом, внезапно превратившимся в общую могилу, и смолк два удара сердца спустя, когда на месте грозного укрепления вскипело лавовое озеро. Башен более не существовало, но и добрых двух тысяч захватчиков — тоже.

Взорам драконов, упрямо продолжавшим кружить над вершинами окрестных гор в нарушение строжайшего повеления Эльшара, приказавшего им улетать, представала ужасающая и захватывающая картина: три полыхающих копыя сомкнутого строя железных многоножек, пронзивших горящее и окровавленное сердце Цитадели. Уцелевшие «саламандры» наглухо увязли в паутине узких улочек города между второй и третьей сте-

ной, где дома превратились в осажденные крепости, а переулки топорщились наскоро сооруженными засеками, за которыми укрывались снятые со стен «змеиные пасти». Боевое неистовство йюрч схлестнулось с воинственностью двергов, сиидха Черного Роты и альбы Аллерикса сошлись в смертельной пляске отточенной стали.

Шаг за шагом завоеватели и их подгорные союзники, теряя воинов, пробивались дальше, через нескончаемую круговерть схваток за каждую улицу и каждое строение, отчаянно пытаясь прорваться к вратам Вершины. Кровь заливала землю, и в небесах не было покоя. В предчувствии поражения Радуга пустила в ход самые убийственные и разрушительные из известных им заклятий, натолкнувшись на столь же яростное и могущественное противодействие Исенны и Эрианна Аадрейна. Воздух над Цитаделью трещал и звенел, пронизанный магией. Крылатые ящеры, и те не остались в стороне: не один десяток вражеских воинов нашел свою смерть в обрушившихся с неба острейших когтях. Лишь после того как Рагита едва не погибла под огненным ливнем, а Дийарму копые, пущенное из баллисты, пронзило крыло, оба великолепных змея вняли наконец приказу Эльшара и устремились к Восходу, прочь от гибнущей твердыни Темного Всадника.

Схватка за город затянулась на целый день, и наступившая ночь не принесла темноты — охваченная огнем Цитадель продолжала сопротивляться, огрызаясь вспышками магических уда-

ров. Уцелевшие отступили в последнее ненадежное прибежище за третьей стеной, в бывшее жилище своего Повелителя. Освещенные пламенем множества пожаров Серебряные Башни приобрели зловещий кроваво-алый оттенок. Из трех горделивых шпилей оставалось только два — левый снесло точным попаданием, и на его месте торчал уродливый обрубок в зубчатой короне разбитых камней.

Около второго ночного колокола ровное бледно-лиловое сияние в одном из внутренних дворов Крепости начало блекнуть и истаявать. Прежде чем окончательно исчезнуть, оно полыхнуло ослепительной синей вспышкой. На миг высветился каждый кирпич, каждая трещинка в окружающих двор строениях, почти достигшие Врат Серебряных Башен альбы и наемники-дверги зажмурились, пригнувшись в ожидании очередного колдовского удара. Однако более ничего не произошло, и, подбадривая себя воинственным кличем, завоеватели ринулись на штурм надвратного укрепления, где засели немногие оставшиеся в живых воины Цитадели.

* * *

Раннее утро 1 дня месяца Саорх

Даже здесь, на отдаленном холме, слышались наполняющие Долину грохот, отчаянные крики, треск горящего дерева и раскатистые удары таранов — дверги ломали защищенные сетью нало-

женных чар ворота Вершины. Окончательное падение замка было делом следующего полуколокола, о чем Исенну Феантари известил вернувшийся с поля боя Зокарр Два Топора. Дверг выглядел не лучшим образом — шлем и тяжелые латные доспехи покрыты вмятинами и царапинами, половина кудлатой седой бороды сторела. Доложившись, Зокарр не спешил вернуться в горнило сражения, один за другим опрокидывая в себя кувшины с охлажденным вином и зорко поглядывая маленькими глазками по сторонам.

Чем выше над битвой и обособленнее, тем лучше, утверждал Эриани — и ставку магов устроили на прежнем месте, плоской вершине скалы, откуда открывался вид на все сражение, накрыли вершину магическим защитным куполом, а у подножия выставили плотное кольцо охраны из особо доверенных воинов. Для пущей точности и удобства наблюдения на краю площадки возникла поразительная вещь — повисшее в воздухе стократно уменьшенное изображение долины и Крепости, с тремя ярусами ее бастионов, крепостными башнями, домами горожан и пиками Серебряных Башен. Сотворение маленького чуда принадлежало Бастиану Ладрейну, который ни на миг не отходил от переливающейся красками радуги уменьшенной Цитадели, непрерывно производя в картинке изменения согласно докладом с поля боя. Сведения, доставленные Зокарром Два Топора, немедля отразились в общей картине, в чем дверг пожелал убедиться лично. Под тихие смешки альбов он даже потыкал в ми-

раж толстым пальцем, с легкостью проникавшим сквозь сотканые из призрачно сияющего тумана стены и башни.

Но, если столкновение холодной стали уже близилось к печальному для защитников исходу, то поединок магов еще продолжался. Хитроумный был уверен, что Круг Радуги не сможет долго противостоять Благим Алмазам — ведь Всадник набрал в ученики сущих детишек и едва успел наставить их в основах колдовских искусств! Еще лет пять тому, когда начали ходить первые разговоры о возможной войне, Эрианн подумывал о том, чтобы склонить на свою сторону кого-нибудь из Семицветья. Однако — редчайший и небывалый случай — его тайные посланцы не добились успеха: Хранители блюди поразительную верность Повелителю Цитадели.

Теперь же выходило, что и сведения об их талантах были изрядно преуменьшены. Радуга стойко сопротивлялась, выдерживая удары, способные в мановение ока развеять в прах небольшой город. Когда молодые чародеи одно за другим одолели три «Похищения жизни», Владыка Лесного Предела даже возымел к ним определенное уважение. Справиться с таким заклятием, особенно если оно создавалось с помощью Великих Алмазов, мог только настоящий мастер. Исенна исходил злостью, но защита крепости не поддавалась, хотя он крушил ее всей своей немалой Силой.

И в конце концов Семицветье дрогнуло.

Неразличимая простым глазом схватка чаро-

дейских умений, сплетения заклятий, обращения к Стихиям и Сферам не могли продолжаться бесконечно, особенно если одна из соперничающих сторон располагала таким неиссякаемым источником могущества, как Благие Алмазы. Пусть их осталось только два из трех — их возможностей достаточно, чтобы погасить чересчур возмнившую о себе Радугу. А затем... затем подчинить ее себе. Хитроумный колебался, что будет выгоднее: уничтожить прежних носителей Семи Камней, передав самоцветы другим магам, более заслуживающим доверия? Или убедить Хранителей отказаться от столь глупой преданности? Скажем, поставить перед выбором — немедленная смерть или жизнь под рукой нового покровителя. Один из семерых наверняка окажется слабее духом, остальные потянутся за ним. Поговаривают, якобы в ковене заправляет некая решительная девица, подруга Всадника. Изловить бы ее, как справедливо заметил Бастиан. Какое замечательное равновесие установится: коли девчонка захочет сохранить жизнь своему обожаемому Наставнику, она будет покладистой и разговорчивой... и наоборот.

Однако разрешение трудностей со Звездной Радугой — дело будущего. Ныне внимание и изворотливый ум Эрианна направлялись на осуществление иного замысла, также близившегося к решающей части. Пока все шло безукоризненно: сообщники находились в пределах ставки, охрану наряду с вездесущими двергами несли две свежих сотни, всецело преданных Адрейнам и ожи-

дающих только условного сигнала, а сам Исенна всецело погрузился в магическое фехтование с защитниками Цитадели.

Отец Хитрости предусмотрительно занял место шагах в десяти за спиной воителя и, воспользовавшись краткой передышкой, изучающе глянул на столь беспечного и доверчивого соратника. Нет, тот ничего не заподозрил. Как же притягательно сверкает Алмаз, заключенный в оправу стальной драконьей лапы! Свой собственный Камень Эрианн превратил в навершие жезла, представлявшего собой золотую древесную ветвь, а Кристалл Олвина возлежал на протянутой ладони, вырезанной из куска редчайшего прозрачно-голубого кристалла. Ничего, дайте время, и станет ясно, кому самой судьбой предназначено владеть драгоценнейшим из творений этого мира! Первое препятствие, Корабел с его неуместным благородством, надолго выведено из игры. Второе, Твердыня Всадника, вот-вот падет. Остается свалить третье, последнее и самое грозное.

Исенна стоял неподвижно в вычерченном на камнях магическом круге, Жезл с кристаллом поблескивал в его опущенной вдоль бедра правой руке. Внезапно Безумец вскинулся, и Эрианна на миг охватил безотчетный ужас — вдруг Аллерикс уловил отголосок его размышлений? Он ведь отнюдь не туповатый и целеустремленный рубака, каким предстает на первый взгляд, и с могуществом Алмаза способен управляться ничуть не хуже прочих владельцев Благих Камней... Однако причина беспокойства воителя оказалась куда

проще — от дымящейся груды развалин, бывших ворот Цитадели, через заполненную рядами палаток Долину к ставке военачальников приближался небольшой конный отряд. Достигнув подножия скалы и кольца охраны, всадники торопливо спешились. Стража пропустила двоих из прибывших, непреклонно преградив дорогу остальным. Гонцы взбежали по склону, не глядя по сторонам, устремились к высившемуся ожившим памятником самому себе Феантари и слаженным, многократно отточенным движением припали на одно колено в почтительном отдалении. Впрочем, им и не удалось бы подойти ближе — творившаяся магия оставила свой след, образовав вокруг Аллерикса и его соратника кольцо выжженной травы и тронутых дыханием огня камней, пышущих сухим, обжигающим жаром.

* * *

Почувяв близкий трепет некоего чрезвычайно важного известия, начали подходить прочие обитатели лагеря. Появился Зокарр Два Топора вместе с Кельдином Грохотом и еще несколькими высокопоставленными двергами и принялся ожесточенно проталкиваться через строй охраны. Бастиан Ладрейн и помогавшие ему альварские маги оставили хлопоты над призрачной Цитаделью, переместившись ближе к Хитроумному. Среди колеблющихся теней промелькнул бледный и выглядевший чрезвычайно сосредоточенным Ирваст.

— Обитель зла повержена, — подрагивающим от волнения голосом доложил стоявший слева гонец. — Наши войска преодолели сопротивление на стенах, захватили город и овладели замком. Согласно повелению Высочайших, немедленно начаты поиски Хранителей Радуги. Те, кого удалось взять в плен, говорят, якобы владельцы Камней принимали участие в схватках на городских улицах...

Аллерикс сделал короткий жест, и вестник тотчас умолк. Ставку объяло молчание — никто, даже готовые орать по ничтожнейшему поводу дверги, не решался бросить торжествующий клич, отмечая победу. Крохотная сияющая звезда Алмаза, стиснутая железными когтями, вспыхивала и гасла, отвечая течению мыслей своего хозяина. Наконец внутренний огонь Камня Исенны померк, и гигант в золотой кольчуге выдохнул:

— Вот и все...

Именно этого ждал Хитроумный. Ждал, с такой напряженной яростью вжимая пальцы в гладкую рукоять золотой ветви, что новехонькая светлая кость подернулась мельчайшими трещинами. Теперь или никогда. Слишком долгим, извилистым и трудным стал его путь к этой вершине, чтобы позволить другому завладеть тем, что в мыслях Отец Обмана уже давно полагал своим.

Исенна вскинул голову, на лице его все еще расплывалась широченная торжествующая улыбка, когда Жезл в руке Эрианна Ладрейна плюнул в него сгустком жидкого огня. Воитель не успел

ни уклониться, ни выставить защиту — лишь закрылся рукой в латной перчатке, сжимавшей жезл, и отвернулся слегка от стремительной огненной гибели. Магическое пламя окутало его кисть, скользнуло по предплечью, вплавляя в живую плоть звенья позолоченного доспеха, слизнуло половину лица, обратив счастливую улыбку в чудовищный оскал. Роскошные золотые волосы Исенны вспыхнули, и Безумец повалился навзничь, крикнув коротко и страшно. Драконья лапа из полированной стали вырвалась из его пальцев, жалко звякнув о камень.

Одновременно с сухим треском распалась призрачная цитадель, обратившись переливчатым защитным куполом, окружившим Бастиана. Двое придворных магов Аллерикса пали под ударами верных Эрианну мечников, третий успел швырнуть синюю молнию, разбившуюся о защитную сферу Ладрейна, и рухнул со стоном — узкий клинок Ирваста, сына Хетира, дымясь, вышел у него меж ребер. Щелкнула дважды тетива, несколько раз сталь лязгнула о сталь, Зокарр и прибывшие с ним дверги выхватили свои топоры, но в них уже не было нужды — оба гонца и все воины из свиты Аллерикса отдали свои жизни, подручные Эрианна не торопясь вытирали клинки.

Исенна приподнялся с земли, опираясь на здоровый локоть. Он еще не осознал толком, что с ним произошло, не почувствовал боли в обгоревшей руке, хотя сверкающее золото кольчуги почернело, а находившееся под ним железо раска-

лилось докрасна. Впервые за долгие годы их знакомства Эрианн увидел, как на обычно бесстрашном чеканном лице Феантари появилось выражение неподдельного изумления и растерянности. Один широко распахнутый глаз сиял, как сапфир, вместо другого дымилась пустая глазница на обратившейся в обугленную маску правой половине лица. Оглушенный и обожженный, Исенна все-таки нашел в себе силы заговорить, с трудом вытолкнув из перекошенного рта:

— Ты!.. Во имя Творца, Эрианн, почему?..

— Во всем виноват Олвин, — пожал плечами Хитроумный. Его сын, озираясь, выискивал затерявшийся в камнях стальной Жезл. — Однажды он совершенно правильно подметил, что власть над миром плохо делится на троих.

— Но мы ведь союзники!.. — слова вырвались из поверженного гиганта воплем раненого зверя: — Ты клялся священной тройной клятвой воды, дерева и ветра, скотина!..

— В самом деле? — рассеянно пробормотал Ладрейн. — Возможно. Прости, обстоятельства изменились. Эй, кто-нибудь, наш вождь тяжело страдает! Окажите ему последнюю милость. Ирваст!

— Да?

— Прикончи его. Просто убей.

— Как будет угодно Высочайшему, — откуда-то сбоку выскользнул хищно оскалившийся Ирваст, вооруженный окровавленным клинком, в два шага оказался подле бывшего сюзерена и, красуясь, размашистым жестом вскинул лезвие.

Даже тяжело раненый, Исенна схватился было за рукоять своего меча, но обугленная плоть отказалась ему повиноваться — ладонь разжалась, альб испустил крик гнева и боли.

Меч Ирваста свистнул в воздухе.

Раздался громкий лязг, брызнули искры, и сын Хетира, изрыгнув проклятие, изумленно уставился на клинок, снесенный у самой рукояти. Зокарр по прозвищу Два Топора поудобнее перехватил свою секиру, только что чисто срезавшую отменный альбийский меч, а Кельдин Грохот, словно дохлую крысу за хвост, держал двумя пальцами сверкающий Жезл Дракона, в другой руке сжимая топор. Прочие дворги, коих Эрианн считал в союзниках, не пожалев для подкупа ни золота, ни обещаний, как по волшебству, ошетились смертоубийственным оружием. На вершине их набралось с десятков, вдвое меньше, чем воинов Эрианна, но все в тяжелой броне, и каждый в бою стоил пятерых.

— Как это понимать, Зокарр? — оторопел Хитроумный. — Ведь вы получили золото!

Мрачный бородач, презрительно сплюнув ему под ноги, проревел на грубом наречии подгорных карликов:

— Засунь свое золото себе в зад, Отец Обмана! Ты предал Морехода, предал Ночного Всадника, твои клятвы и пригоршни навоза не стоят! Твой ублюдок и вот этот его прихлебатель, оба твердили, будто Исенне не причинят вреда — где их обещания? Теперь я вижу — добившись своего, ты и нас предашь, как предавал всегда! Ты мне

отвратителен, клятвопреступник, змея о двух ногах, я проклинаю день, когда согласился выслушать твоего гнусного сына!

— Наемник будет учить нас благородству? — криво усмехнулся Бастиан. Кельдин Грохот окинул его тяжелым взглядом:

— Тебя, поганца, поздно уж учить. Вот за ноги над костром подвесить — в самый раз. Ох и потешусь я вскорости...

— Если ты отдашь Алмаз добром, так и быть, я забуду твои слова, — едва сдерживаясь, произнес Эрианн. — Внизу — две сотни моих мечников...

— ...И три сотни моих, — рявкнул Два Топора.

Раздался хриплый хохот. Смеялся Исенна, не смотря на боль и текущую из трещин в сожженной коже кровь.

У Бастиана не выдержали нервы.

— Убейте их! — тонко выкрикнул он. В этот самый миг его защитная сфера, исчерпав отпущенный срок, истаяла. Эрианн вскинул свой жезл, кто-то из dwarves метнул кинжал, и на плоской выжженной вершине закипел скоротечный бой.

Когда пляска стала закончилась, на пыльной земле осталось два десятка изувеченных трупов. Однако ни Эрианна, ни его сына не было среди них, и Ирвасту удалось под шумок ускользнуть. Караульщики у подножия видели, как по тропе, ведущей с вершины холма, буквально скатилось полдюжины альбов, из которых один мешком обвис на плечах двух других — dwarfский кинжал

оказался быстрее убийственного заклятия, угодив Хитроумному пониже левой ключицы. Заговорщикам повезло — оседланные кони, на которых примчались из Цитадели вестники победы, дожидались хозяев у коновязи. Взлетев в седла, беглецы пустили коней в галоп.

Вслед им летел хриплый, безумный смех вперемешку с запоздалыми воплями:

— Догнать! Взять живьем! Они покушались на жизнь вождя! Эрианн, тебе не укрыться от меня — я буду искать тебя, найду и убью, я достану тебя, проклятый ты предатель, нет тебе отныне покоя ни на земле, ни под землей!

...Эрианн этих криков не слышал. Болтаясь в седле впереди одного из своих телохранителей, недавний соратник Исенны Аллерикса думал только об одном — не потерять сознания от потери крови, не выпустить из ладони золотую ветвь. И даже провалившись в беспамятство, он продолжал мертвой хваткой сжимать костяную рукоять в сеточке мелких трещин.

Вихрем пролетели всадники через опустевший палаточный городок, снесли растерявшихся часовых в оцеплении и ушли на Восход, в Альвар и дальше, на границу с Дикими Землями.

Глава пятая

Пепел над мертвой водой

1—8 день месяца Саорх

Наполнявшая воздух мелкая пылевая взвесь обратила видневшуюся в узком оконце луну из золотой в болезненно-красную, налившуюся багрянцем. Каменную пыль не истребили даже хлеставшие два дня и две ночи подряд проливные дожди, затушившие пожары в Крепости и смывшие копоть со стен. Глубокий ров вокруг бывшего первого пояса укреплений до краев наполнился черной жуткой грязью, по горбатым улицам текли мутные ручьи. Влажный кислый запах горелой древесины проникал всюду, тошнотворным облаком накрыв полуразрушенный город и Серебряные Башни.

Со дня падения Цитадели миновала ровно седмица. Скоро начнется вторая — и все повторится заново. Скрипя, распахнутся запертые ворота бывшей конюшни, ставшей местом заключе-

ния защитников крепости. Заявятся крикливые, переполненные самоуверенности дверги. Вытащат наружу и сложат рядом тех, кому не удалось дожить до утра. Карлики начнут бесперомонно обыскивать покойников, разыскивая пропавшие Камни Радуги и заодно присваивая сохранившиеся украшения. Против этого возмутятся пленные, и, если поблизости не окажется кого-нибудь из воинов Исенны, очень быстро спор закончится еще одной смертью. Альбы, служившие Аллериксу, откровенно недолюбливали своих подгорных союзников и, как правило, запрещали им обирать мертвецов.

Когда закончится возня с умершими, привоколют котлы с похлебкой. Способных работать выгонят наружу. Потянется день, бесконечный, изматывающий, переполненный отчаянием — своим и чужим, с ослепительно четким сознанием полной беспомощности. Да, ты еще жив, ходишь, говоришь, испытываешь какие-то чувства, но наступит миг — и все это исчезнет. По любой причине: из захваченной Вершины придет приказ Безумца отобрать десяток пленных и вздернуть их на бывшей главной площади замка, и ты попадешь в их число; надзирающие дверги сочтут тебя подходящим для живой мишени или для неравного поединка... Или, как это произошло на днях, сработает неосторожно задетая ловушка, завалив камнями несчастных, отправленных простучивать стены подвалов в поисках возможных тайников... Мир вокруг перестал быть игрой, плен — настоящий, а не нравоучительное наказа-

ние, могущее в любой момент прекратиться по воле родителей.

Единственное, что остается — робкая вера в спасение, да и та скоро исчерпает себя.

За дюжину дней Хасты так и не отыскал принца Аквилонии и его спутников. Кто знает, вдруг одноглазый колдун из Рабиоров сам находится в не менее плачевном положении, заброшенный волей собственного чародейства куда-нибудь на Закатный Материк или к временам основания мира? Коннахар уже устал придумывать для себя и собратьев по несчастью ободряющие слова. Все чаще его навещало удручающее своей безнадежностью соображение: похоже, они так и сгинут здесь, вместе с тысячами безымянных воинов завоеванной Астахэнны. Скоро море, до которого отсюда не более двух десятков лиг, ворвется сюда и поглотит Долину — ведь так единодушно утверждают все летописи? Или Крепость сама провалится под землю — недаром же всякий день мелко содрогается твердь под ногами и откуда-то из недр слышится низкий урчащий гул. Местные шептались, якобы это происходит из-за утраты Радуги. Мол, от падения в бездну Цитадель удерживают только могущество Исенны да упрямство былого хозяина — побежденного, но не покоренного...

Отец и матушка учили Конни по возможности сперва обдумывать свои поступки и лишь затем действовать. Он не последовал их наставлениям, а напрасно. Наверное, не стоило отказываться от возможности оставить Цитадель, уйдя

вместе с другими беглецами через сиявший в одном из внутренних дворов Портал. Им предлагали, но Лиессин уперся, возражая и доказывая: покинув крепость, они окажутся неизвестно где, одни среди чужих племен. Его поддержал Ротан, до полусмерти опасавшийся затеряться в неизведанных краях. Наследник Аквилонии, выдернутый из горячки боя и не-слишком-то хорошо соображавший, уступил доводам приятелей. К тому же во дворе около магических врат они стояли только втроем. Четвертый из их компании, Эвье Коррент, оставался на охваченных сражением улицах, и они никак не могли бросить его на произвол судьбы. Впрочем, их благое намерение ни к чему не привело — им так и не удалось разыскать Коррента-младшего. Он растворился среди плененных или убитых, и все попытки друзей выяснить хоть что-то о его судьбе ничего не давали.

Стоило ли теперь сожалеть о сделанном? В конце концов, именно благодаря усилиям Майлдафа-младшего они не потеряли друг друга в те яростные и ужасные дни штурма. Но сейчас Конни извелся от беспокойства: ночь перевалила за середину, Лью давно пора вернуться, а его нет и нет. Конечно, многое зависит от настроения вожака карликов Зокарра и его подданных, но раньше они никогда не задерживали Лиессина так надолго. Может, у них там праздник какой случился?

Лью теперь частенько уводили в большой общинный дом по соседству с баракком, облюбован-

ный после захвата Цитадели двумя сотнями подгорных воинов. Пару раз к ним наведывались высокие дvergские военачальники и даже сам Зокарр — потешить себя пением забавного сиидха, тщетно пытавшегося оскорбить толстокожих карликов. Начало всему положила стычка темрийца с одним из стражников-двергов, неустанно подгонявшим пленных, растаскивавших обломки навратных укреплений Вершины. Беловолосый сиидха чем-то таким не понравился надсмотрщику, и тот обругал его на ломаном альбийском наречии, вдобавок вытянув копейным древком поперек спины. Разобиженный потомок Бриана Майлдафа немедленно взвился. В чрезвычайно красочных, местами даже рифмованных выражениях Лью обрисовал предков злосчастного надзирателя, его потомков, его жену и его самого — самым безобидным в его речениях было словосочетание «бородатая жаба».

Работавшие поблизости только ахнули, ожидая свиста секиры и головы хулителя, катящейся в ближайшую канаву.

Ничего подобного, однако, не последовало. Кряжистый, поперек себя шире, бородач в изрубленной броне оглушительно заржал, спугнув стаю вездесущих ворон-трупоедов, и потребовал еще.

Прежде, чем Коннахар или Ротан успели его остановить, Лиессин, зверски оскалась, выдал издевательским речитативом пару оскорбительных нидов:

...И чтоб пришла к тебе твоя кончина
В обличье престарелой потаскухи
Иль демона с ужасного похмеля,
Иль, на худой конец, в лице дракона,
Что издавна страдает несвареньем.
Чтоб ты подох, подлец, в его навозе,
Не в состоянии рот закрыть при этом,
Чтоб труп твой ели черви с отвращеньем,
Тебя недобрим словом поминая,
И чтоб в тебя Творец при встрече плюнул,
А у тебя слюны бы не сыскалось,
Достойно чтоб Кователю ответить...

Дверг сложился от хохота пополам, и в тот же вечер Лиессина увели в лагерь Зокарра. Вернулся он оттуда далеко за полночь, охрипший и совершенно опалевший, в одной руке сжимая арфу-анриз, а в другой — объемистый мешок; из которого вкусно пахло хлебом, вином и жареным мясом.

Золучив столь редкостное развлечение, певца-сиидха с острым языком, дверги теперь требовали, чтобы тот являлся каждый вечер и даже разрешили ему не работать наравне с остальными. Приходя обратно в конюшни, Лью делился с собратьями по несчастью тем, что удавалось стянуть со стола, сам же, ругаясь вполголоса последними словами, валился на лежак и вскоре засыпал. По его словам, дверги были начисто лишены чувства юмора: чем незамысловатее и грубее песня, тем больший восторг она вызывает.

— Я, конечно, знаю трижды по тридцать хулительных нидов, но это уже чересчур, — признал-

ся он минувшим утром, и злорадно добавил: — Ну ничего, ничего, сегодня они у меня попляшут до упаду! Я их заставляю сжевать собственные вшивые бородавки, и...

— Не дразнил бы ты их понапрасну, — предостерег Коннахар, но Майлдаф-младший наверняка не внял разумному предостережению...

— Хватит ерзать, все ноги оттоптал, — недовольно пробурчал разбуженный Ротан, когда юноша вновь поднялся и попытался выглянуть в маленькое окно. Разглядеть оттуда не удавалось ровным счетом ничего, кроме части бывшей рыночной площади и темных развалин складов за ней. В ночное время площадь была безлюдна, но уставшие глаза обманывали сами себя, утверждая, якобы замечают какое-то движение. — Сам знаешь, ходить по крепости после заката пленным не разрешается, да и коротышки предпочитают лишний раз ночью не высовываться за порог. Скольких дозорных уже нашли с перерезанной глоткой — десяток, дюжину? Придет он утром, никуда не денется. Слушай, Конни, не спишь, так не мешай другим!

— Я постараюсь, — кротко обещал наследник Аквилонии, возвращаясь обратно и со вздохом устраиваясь на жесткой, едко пахнущей соломе. Приятель вовремя напомнил о причинах, делавших крепость в темное время суток столь опасной: кое-кто из уцелевших защитников до сих пор скрывался в запутанных подвалах под развалинами бастioned, став настоящим проклятием для тех dwarves и альбов, коим выпадала участь

нести ночные дозоры. Карлики пригрозили, что начнут расправляться с пленными, если резня будет продолжаться и дальше, но, похоже, это не возымело действия. Мало того, недавно кто-то намалевал у входа в срединный из Серебряных Пиков белую восьмиконечную звезду в обрамлении пары крыльев, осуществив свою рискованную выходку едва ли не под самым носом у двух десятков караульных.

Нынешнее местопребывание отпрыска Трона Льва и двух его спутников казалось не таким уж скверным для военнопленных — они устроились в опустевшем конском стойле, соорудив из оставшихся тюков соломы и попон подобия лежанок. Ротан приволок слегка траченную огнем штучку зеленого сукна, ее разрезали на куски, поделившись с соседями, и пристроили на жердях вместо входной занавеси.

По подсчетам Коннахара, в бывшую конюшню загнали около трех с небольшим сотен пленников из числа сражавшихся на стороне Цитадели сиидха. Родовой принадлежностью двоих мальчишек никто не заинтересовался, а родственников им людей здесь не нашлось — по слухам, все они погибли в уличных стычках. Отсутствовали и йюрч, участь которых стала наиболее печальной и жуткой для выживших и оказавшихся в плену.

Зверообразных воителей — уцелело их совсем немного, менее четырех сотен — содержали отдельно, под бдительнейшим надзором dwarves. В награду за участие в сражении карлики потребовали выдать им в полное распоряжение — по су-

ти, на расправу — всех йюрч, кого только удастся взять живьем. Вождь победителей согласился на выдвинутые условия с легкостью. Йюрч, вряд ли посвященные в сокровенные тайны Цитадели, не представляли для него никакого интереса, а вот дверги, в особенности Зокарр Два Топора и его соратник Кельдин по прозвищу Грохот, после неудавшегося покушения Эрианна приобрели необычайную значимость, считаясь едва ли не ближайшими советниками Аллерикса. Теперь подгорные жители вовсю осуществляли дарованную привилегию, изобретательно, неторопливо и свирепо расправляясь с давними недругами.

* * *

Коннахар от души надеялся, что тем из йюрч, кого он знал лично и успел привязаться, повезло быть убитыми во время взятия крепости. Цурсога Мохнатое Копье он последний раз видел вечером первого дня штурма, когда защитники крепости покидали разрушенную цепь нижних бастioned. Йюрч тогда отправил своего юного порученца в Вершины с каким-то, как теперь осознавал Коннахар, совершенно незначашим посланием.

Сиидха, командир стрелковой сотни, которому предназначалось донесение Цурсога, лишь странно взглянул на подростка и отправил того во внутренний двор, куда все еще тянулись последние покидающие крепость беженцы. Возле Портала Коннахар наткнулся на задержанного и

измученного Лиессина Майлдафа. Лью потерял весь свой обычный лоск, его лицо было покрыто пятнами копоти, щегольской тисненный доспех сильно обгорел. Рядом с ним маялся бледный и решительный Ротан Юсдаль, избавившийся от повязок, зато раздобывший где-то кольчугу и короткий меч. По словам последнего, его пытались вывести по Прямой Тропе вместе с другими ранеными. Юсдаль-младший отказался набтрес.

— Я почти здоров и вполне могу держать оружие! — прокричал он в самое ухо принцу — грохот близкого сражения заглушал все сказанное обычным голосом. — К демонам рогатым эту Прямую Тропу! Какого рожна мы там забыли, среди бессмертных сиидха да в Диких Землях? Если уж суждено помереть, так это и здесь нетрудно! Лью тоже остается, а ты — ты с нами или как?

— Я... Я не могу! — проорал в ответ Коннахар. — Меня отправили с донесением! Мне нужно вернуться назад, на Изумрудный равелин!

— Какой, к свиньям, равелин! — рявкнул Лиессин. Над головами с треском лопнула гигантская молния, вокруг завопили, Белый Двор заполнился каменной пылью и гнусной вонью паленого гранита. Сражение шло уже почти у врат замка. — Нет больше Изумрудного равелина, принц! Там все горит, «саламандры» прорвались в Верхний Город! Если тебе охота доблестно пасть, составь нам компанию напоследок!

Так Коннахар остался в Вершинах, вместе с Лью, Ротаном и несколькими сотнями стрелков

и мечников-сидха, до последнего сохранившими верность воинскому долгу. Он видел, как захлопнулась Прямая Тропа за владельцами Семицветья; стиснув рукоять меча, наблюдал, как врата Вершин рассыпались под ударами вражеского тарана, и рубился в общей схватке на залитых кровью плитах Белого Двора. Конни приготовился умереть, но и на сей раз судьба оказалась милостива ко всем троим. Они не только не погибли, но даже не получили сколько-нибудь серьезных ран. Юсдаля-младшего вырвала из схватки петля метко пущенного аркана, Лью оглушили копейным древком. Коннахара, успевшего-таки достать одного своего врага, разоружил ловким финтом невероятно быстрый и гибкий альб в пурпурном доспехе, сбил с ног и вынудил сдаться.

После, придя в себя, Лиессин сказал, что им помогала сама Морригейн, и вознес горячую хвалу богине за избавление от неминуемой гибели. На самом же деле — хотя друзья, конечно, не могли этого знать — благодарить следовало тысячника Исенны, чьи воины штурмовали Вершину. Предполагая, что среди защитников замка кто-то наверняка должен знать о судьбе Кристаллов, сей военачальник отдал приказ захватить возможно больше пленных живыми.

За три дня штурма пала не только Цитадель, но разлетелась в прах уверенность Коннахара в том, что ему кое-что известно о войне. В конце концов, полагал отпрыск Трона Льва, на его счету имеются несколько побед на сверстниками на

турнирах и даже некоторое участие в подавлении баронского бунта. Последний, впрочем, не заслуживал столь громкого названия — едва под стенами замка показались два легиона под королевским знаменем, мятеж иссяк сам собой, а его зачинщик кинулся выпрашивать прощения у монарха. Отец тогда, помнится, изрядно повеселился, ворча, что верноподданные поторопились его хоронить, и что даже на седьмом десятке лет он отнюдь не потерял былой хватки. Весь краткий поход Конни пребывал в состоянии полнейшего восторга, по-детски наивно считая военные действия похожими на красочное празднество, с яркими флагами и непременно свершением подвигов.

Настоящая война оказалась страшным и грязным ремеслом. Детские иллюзии развеялись, как дым на ветру, золото парадов сменилось чужой кровью на руках. Порой, слушая ленивую вечернюю ругань караульных за стенами конюшни, где содержались пленные, Коннахар с горечью представлял, что сказали бы его мать и его возлюбленная, увидев его теперь. Он отдавал себе отчет, как сильно изменился, прежние трагедии казались теперь пустыми забавами, а ласковое «Конни», имя, которым его звали друзья и родители — смешным и нелепым.

«Ты повзрослел немного, впервые познав женщину, и еще чуть-чуть — впервые потеряв ее; еще капельку, заработав свое первое золото, и станешь совсем взрослым, убив своего первого врага... Не борода делает нас мужчинами, и не

меч, и не богатые одежды, но утраты, закаляющие разум и дух... От кого я это слышал? Кажется, отец рассказывал о своей молодости...» — вспоминал Коннахар. Ночами тоска по дому и родным становилась особенно невыносимой, углубляясь чувством собственной вины. Друзья — честь и хвала им за это — не попрекнули его ни единым словом, но наследник Аквилонии прекрасно понимал: кабы не его стремление любой ценой настоять на своем, ничего подобного не случилось бы. Последовавшие события — лишь рушащаяся лавина, сдвинутая его неосторожным шагом.

Он просидел так еще с колокол, борясь с дремотой и прислушиваясь к звукам, наполнявшим приземистую темную конюшню с низкими тяжелыми балками, освещенную единственным фонарем над двустворчатыми входными дверями. Звуки успокаивали, напоминая о находящихся рядом живых созданиях — невнятные шепоты, вздохи, шорохи, сонное бормотание. Они были мирными и обыденными, в отличие от тех яростных воплей, что разносились по крепости днем, дробясь о стены и отдаваясь в ушах долгим пронзительным эхо. Крики доносились из одного и того же места — загона для йюрч, но порой все обитатели Цитадели, не исключая победителей, замирали, ощущая затягивающуюся на горле невидимую петлю.

Мерзкое чувство длилось два-три удара сердца, затем пропадало, и тогда многие поневоле косились на левый шпиль Серебряных Башен, ли-

пившийся во время взятия крепости своей верхней части. Над изломанной линией зубцов теперь постоянно клубилось облако зыбко искрящегося тумана. Сквозь него отчетливо проступали контуры массивного треножника, сколоченного из длинных толстых бревен, и распластанного на нем силуэта, обьятого языками призрачно-зеленого пламени.

Зловещее сооружение, куда больше подходящее для пыточного подвала, воздвигли на башне вечером четвертого дня после падения крепости, когда состоялось торжественное вступление победителей в захваченный замок. Пленных заставили расчистить дорогу от разрушенных Врат Рассвета до барбикена Серебряных Башен, вдоль которой вперемешку вытянулись отряды dwarves и альбов Исенны. Уцелевших побежденных — коих насчитывалось около четырех с небольшим тысяч душ — сперва намеревались держать под замком. Внезапно решение переменялось. Всех пленных, способных держаться на ногах, выгнали наружу. Там их связали попарно, безжалостно скрутив руки за спиной, и выстроили вдоль проезда, ведущего к Вершинам — на коленях, под присмотром арбалетчиков и лучников, способных выпустить три стрелы за два удара сердца.

Шествие получилось мрачное. Коннахара — и не его одного — поразило, что возглавлявший колонну вождь победителей ехал в полном одиночестве. Казалось, даже свита стремится держаться от него подальше. Об уходе Олвина Морехода слышали все, но куда подевался другой верный

соратник Аллерикса, Эрианн Ладрейн? И почему величественная фигура на тяжелом белом коне, наглухо закованная в сияющие доспехи, держится так прямо, будто опасается совершить лишнее движение? Еще принц подметил меч, перевешенный на правое бедро, и то обстоятельство, что альб сжимал поводья левой рукой, держа правую несколько на отлете. Стало быть, решил он, при штурме Исенну серьезно ранили, и рана еще не зажила. Коннахару удалось мельком заглянуть в лицо покорителя Черной Твердыни — твердое, чеканное, неестественно красивое, больше напоминающее мраморную маску, оправленную в золото. А тот словно бы не замечал ни рядов пленных, ни собственных воинов, выкрикивающих приветствия — бесстрашной статуей Аллерикс Феантари проехал мимо тех и других, скрывшись в проеме наскоро сооруженной на месте бывших Полуденных Врат Вершины деревянной арки триумфаторов.

Зато ведомого в середине колонны пленника отлично разглядели все — как того и добивались победители.

Создатель и бывший сюзерен Черной Цитадели вернулся в свое владение — на цепи, сковывавшей его руки и крепившейся другим концом к ярму на загравке чудом уцелевшей после недавнего штурма бронированной твари. Зверюга, подпихиваемая со всех сторон острыми пиками в руках окруживших ее dwarфов, шла неохотно, мотая рогатой башкой и взревывая. Следовавшего за ней человека Коннахар и его друзья рассматри-

вали с болезненно-жгучим любопытством, хотя и понимали, что в точности уподобляются деревенским ребятишкам, сбежавшимся поглазеть на бродячих фигляров с прирученным медведем.

Всадник Ночи, о существовании и деяниях которого до будущих времен дошли только отголоски путаных и маловразумительных легенд, имел облик вполне обычного мужчины из рода людей, довольно высокого и хорошо сложенного. По мнению принца, хозяину Цитадели с виду было лет тридцать или немногим меньше — если бы возраст воплощенного божества мог исчисляться обычными годами. В плену у Аллерикса с ним не слишком церемонились: увлекаемый натягивающейся рывками цепью, он изрядно прихрамывал, а его одеяние больше напоминало какие-то лохмотья. Однако сломленным и угнетенным своим поражением Всадник не выглядел и голову с тяжелой гривой растрепанных иссиня-черных волос пока еще держал высоко. Вокруг него иногда вспыхивал тускло-зеленый ореол порхающих искр, похожий на осиный рой — так представало действие заклятия, лишаящего жертву возможности творить какие бы то ни было чары. Пару раз Владыка Твердыни споткнулся на камнях, едва не потеряв равновесия, и огрызнулся на карлика, ткнувшего его в спину наверху секиры.

Цепочка всадников и пеших воинов постепенно втянулась в пределы замка, пленных разогнали на работы — надсмотрщики из числа dwarфов были в тот день особенно злы, — а к закату стало ясно, для чего на Серебряном Пике установлен

деревянный треножник и какую судьбу уготовил Исенша Аллерикс побежденному сопернику. Темного Роту вздернули на бревне, его тень стала продолжением тени башни, медленно двигаясь по развалинам крепости вслед за перемещением солнца по небосводу. Юсдаль-младший как-то осторожно обмолвился, якобы казнимые таким способом люди редко протягивают дольше двух-трех дней, но плененное создание на вершине башни оставалось в живых гораздо дольше. То ли быстрая смерть врага не входила в планы Исенны, то ли истинная сущность Всадника обернулась против него, не позволяя ему покинуть этот мир.

Аллерикса после торжеств победителей видели редко. Он обосновался в покоях захваченных Серебряных Башен, не слишком пострадавших от штурма, распоряжаясь через своих подчиненных и большую часть времени проводя на открытой всем ветрам площадке, где находился его пленник.

...Назойливое дребезжащее звяканье надтреснутого гонга раздалось так неожиданно, что Коннахар едва не свалился с сеного тюка. Он все-таки заснул, привалившись к шершавой стене. Ночь тем временем сменилась полагающимся рассветом, лязгали отпираемые снаружи замки на дверях конюшни, внутри раздавались голоса, не проснувшийся толком Ротан сидел и душераздирающе зевал во весь рот — а место Лиессина по-прежнему оставалось пустым. Конни устал и на накрытую драным одеялом лежанку, угова-

ривая себя не впадать в панику. Может, нынешнее выступление темрийца так понравилось двергам, что они оставили его в своем жилище... или, упаси боги, совсем наоборот?..

— Эй, вы, твари! А ну подъем! — низкий раздраженный рев стоявшего в дверях карлика заставил подростков торопливо вскочить. Утро еще не началось толком, а дверги уже принялись доказывать, кто здесь хозяин. — Ты и ты, или кто угодно, мне без разницы, живо сюда! Забирайте свою пададь! Да пошевеливайтесь, пока его не сожрало воронье!

— А не заткнуть ли тебе пасть твоей же бородащей? — угрюмо буркнул Юсдаль-младший. Но тут к ним заглянул один из соседей по несчастью, сиидха, деливший с еще тремя соплеменниками клетушку слева.

— Кажется, там какое-то несчастье с вашим другом...

— Аьоу! — Коннахар не понял, выкрикнул он имя вслух или мысленно, обнаружив, что несетя через конюшню, расталкивая тех, кому не повезло оказаться у него на дороге. Вылетев из душного полусумрака на яркое солнце, он наткнулся на нечто вроде каменной тумбы и тут же перегнулся пополам от тычка древком секиры под вздох.

— Глаза разуй, немочь бледная! — рывкнул карлик, преградивший ему дорогу, и махнул короткопалой рукой в сторону покосившейся пристройки на задах конюшни. — Вон туда иди. Там твой певец валяется, смердит от него на целую

лигу, так что не промахнешься... — Дверг заржал, довольный собой. — Если подох — порядок знаешь, обыскать и в ров. А ну быстро, бегом, не то еще добавлю!

Из-за сбившегося дыхания Коннахар только кивнул, хотя обычно надзиравшие за пленными дверги требовали при обращении к ним непременно добавлять «почтеннейший», а за проявленное неуважение могли и кулаком проучить.

Отпрыск Бриана и Идрунн Майлдафов лежал под самой стеной, неуклюже свернувшись на боку, весь перемазанный в лишкой вонючей грязи. На серых камнях рядом с ним натекла лужица крови, успевшая загустеть — значит, он находился здесь уже два или три колокола. Только непонятно, пришел он сюда сам либо же его притащили и бросили, как сломанную и непригодную в хозяйстве вещь. Когда Коннахар осторожно дотронулся до него, Льюу дернулся и глухо застонал, и принц поспешно отдернул руку, соображая, как поступить и что сделать в первую очередь. Что ж, старший в их компании добился желаемого, выведя своим злословием dwarves из себя. Мысль о возможной расплате вряд ли посещала эту бесшабашную голову с белой шевелюрой, теперь свалявшейся в паклю и приобретшей неприятный бурый цвет.

Подбежавший следом Ротан едва не врезался в сидящего на корточках Конни. Узрев печальную картину, он только присвистнул и озабоченно спросил:

— Живой или как?

— Скорее «или как», — буркнул Коннахар. — Нам нужны носилки... и лекарь тоже не помешал бы, только где ж его взять?

— Придумаем что-нибудь, — одним из полезных качеств характера Юсдаля-младшего была способность отыскивать выход из самой безнадежной, на первый взгляд, ситуации.

Он умчался обратно, к конюшням, а Конни остался дожидаться его возвращения, прислушиваясь к неровному, хрипящему дыханию Льюу. Внезапно, как удар колдовской молнии с ясного неба, ему подумалось — если карлики не удовлетворились тем, что просто всыпали насмешнику, но позаботились, чтобы он впредь никогда не смел раздражать их?..

Косточки в человеческих пальцах так легко ломаются... никому еще не удавалось дерзить или петь, лишившись языка... Последнее соображение бросило Коннахара в холодную дрожь. Он едва справился с желанием трясти приятеля до тех пор, пока тот не очнется и не произнесет хотя бы одно внятное слово.

Пусть ругается, пусть кричит от боли, но хотя бы подаст голос! Молчание для Льюу равнозначно смерти, а он, Коннахар Канах, никак не мог позволить себе потерять еще одного из спутников. Ну, зачем, зачем этому упрямцу понадобилось высмеивать приплюснутый народец? Что они будут делать, если Лиессин так нелепо и внезапно умрет?

* * *

Пики над тремя башнями Вершины назывались «Серебряными» с полным на то основанием — их и в самом деле облицевали тонкими серебряными пластинами. Когда рухнул верхний ярус левой башни, осыпавшиеся черепицы веером разлетелись вокруг и, отражая солнечные лучи, походили на крохотные лужицы, расплескавшиеся в самых неожиданных местах. Жадные до драгоценных металлов дворги начали было собирать их, но собрав часть, плюнули, и блестящие чешуйки размером в ладонь там и сям попадались под ноги. Сам остроконечный шпиль, падая, глубоко ушел в землю острым концом и остался торчать уродливым подобием огромной раковины. Укоротившаяся в размерах башня смахивала на надломленный в верхней трети стебель камыша, выставив напоказ свое некогда потаенное содержимое.

Раньше тут располагался большой округлый зал с множеством окон, напоминанием о которых служили нижние части проемов с торчащими кое-где осколками разноцветных стекол. Сохранился мраморный пол в перекрестьях сине-алых зигзагов, и две большие витые лестницы, пронизывавшие насквозь всю башню. Часть комнат в нижних этажах оказалась вполне пригодна для жилья — после того, как оттуда вынесли груду обломков мебели и потолочных украшений, рухнувших во время сотрясения башни, вывели пыль со щебенкой и расставили вещи, ранее со-

ставлявшие обстановку походного шатра Исенны. Разлетевшиеся вдребезги стекла и витражи заменить не удалось, но, поскольку на дворе стояло лето, это пока не причиняло неудобств.

Аллерикс, как и намеревался когда-то, прошел в сопровождении своих Владеющих Силой и дворгских воевод по захваченному замку, не выказав особенного интереса к чему-либо из увиденного. Он побывал в Зале Решений, почти не пострадавшей, если не считать пустых оконных проемов, где распорядился перенести громоздкое кресло с зубчатой спинкой на вершину башни, а радужный мозаичный стол изрубить на части и сжечь. Ему показали разрозненные остатки книжного собрания, которое защитники Крепости не успели ни вывезти, ни спрятать, устроенный в покоях правой башни маленький храм со стоявшей на постаменте бронзовой фигуркой лошади, брошенные прямо на лестничной площадке сундуки, полные золотых слитков и драгоценной утвари, однако никто не брался ответить на единственный, заданный очень холодным тоном вопрос Исенны: где камни Семипетвья и их Хранители?

Едва Цитадель пала, Исенна приказал наиболее проверенным и толковым своим приближенным, а также немногим уцелевшим магам забросить все прочие дела и любыми средствами искать Кристаллы Радуги. Он занялся бы поисками самолично, но рана, нанесенная Алмазным Жезлом, на три дня погрузила его в полубессознательное состояние — Воитель валялся пластом,

из последних сил сдерживаясь, чтобы не заорать от боли, на попечении лучших лекарей обоих племен. Розыскники из кожи вон лезли, работая дено и ночно, не за страх, а за совесть — ведь от их усилий зависел итог всей войны, оправданность или бесцельность чудовищных жертв — но все их старания канули втуне.

Тому имелося множество вполне веских причин.

Хранители могли быть убиты во время штурма, а их тела и находившиеся при них Кристаллы Радуги спрятаны, либо затерялись среди руин Цитадели. Растаскивание обрушившихся зданий и бастioned силami пленных могло занять не день и не луну, а никак не меньше одного-двух полных солнечных кругов. И то — если согнать сюда жителей окрестных покоренных городов да обратиться за помощью к мастерам подгорного народа, умеющим разрушать самые крепкие скалы. Если же кто-то из ковена Радуги остался в живых, то задача становилась еще сложнее. Они могли скрываться в подземельях Крепости — по слухам, внизу тянулся целый лабиринт; неузнанными таиться среди пленников, выжидая удачного момента для побега или нападения...

Перетряхнуть руины гигантского города-крепости представлялось трудом вовсе невыполнимым. Тщательно обыскать каждое мертвое тело, всякий закоулок, разобрать и обследовать рухнувшие постройки, отыскать и обезвредить спрятанные тайники с хитроумными ловушками... Если учесть, что подневольные пленники участво-

вали в поисках крайне неохотно, а гордые воители-альбы попросту гнушались раскопками, основная работа — после бурных споров, едва не приведших к рукопашной — опять-таки досталась двергам. Поначалу те взялись за дело с большим пылом, рассчитывая вскоре добраться до потаенных сокровищ. Опыта и упорства им было не занимать. Но почти сразу выяснилось, что жадных карликов в первую голову интересуют золотые кладовые и ничего более; к тому же, случалось, в обнаруженном тайнике срабатывала скрытая ловушка, уничтожая алчных грабителей вместе с драгоценным содержимым... Словом, уже на второй день стало ясно, что поиск вслепую — не что иное, как бесполезная трата времени и сил.

Мудрые маги пошли иным путем и добились большего успеха... но результаты их изысканий оказались столь ошеломляющими, что не сразу сыскался храбрец, готовый пожертвовать собой и доложить о них Исенне.

Было допрошено более пятисот пленных — в основном те, кого взяли в самом замке, в Серебряных Пиках. На допросы забирали десятками, от зари до зари. Коннахар и Лиессин Майлдаф также попали в их число, сохранив об этом самые отвратительные воспоминания. Впрочем, Конни и Лью еще посчастливилось — к ним, как и ко всем допрашиваемым, всего лишь применили Заклятие Ключа, делающее невозможным любую ложь; некоторых к тому же пытали — но и под пыткой, и под властью заклатья ответы зву-

чали одинаково. Та часть допрошенных, которая что-либо знала, в один голос твердила: все три дня штурма, до того момента, когда армия завоевателей ворвалась в Вершину, в одном из дворов замка стояло некое чародейское творение, «врата, сотканые из огня и тумана», как их описывали. Сквозь него ушла большая часть мирного населения крепости, во множестве уносили какие-то сундуки и ящики, а порой даже протаскивали груженные подводы. Сквозь них же ушли Хранители Радуги, когда стало ясно, что Цитадель обречена. Ушли — и унесли с собой Семицветье, после чего Врата исчезли начисто.

Услышав такое в первый раз, альбы не поверили. Когда рассказы стали повторяться, приближенные Исенны наотрез отказались идти к своему повелителю с подобным известием, здраво утверждая: их жизнь в этом случае можно смело считать завершенной.

Аллерикс незамедлительно впадает в ярость — что с ним в последние дни случается все чаще — и в таком настроении он вполне способен прикончить явившихся к нему с дурными вестями. Возможно, потом он пожалеет о содеянном. Только какой с этого прок жертве его гнева, пребывающей за Гранью?

Лестью, общими уговорами и посулами в должности гонца убедили выступить Кельдина Грохота. Угрюмый дверг не боялся ни смерти, ни злости Безумца. По сути, он вообще не умел бояться, также, впрочем, как лстить или угрожать. Возможно, именно за это Исенна испытывал

к подгорному воителю нечто вроде уважения и выделял его среди остальных.

* * *

Пока коротконогий и массивный дверг преодолевал несколько сотен ступеней, ведущих к самой верхней площадке изящной башни, он изрядно запыхался, несколько раз останавливался перевести дух и напрочь забыл ценные советы и мудреные слова, коими напичкали его в качестве напутствия незадачливые дознатчики. Наверху было хорошо — куда прохладнее, чем у подножия. Кельдин с наслаждением подставил разгоряченный лоб прохладному ветерку, искренне сожалея о невозможности стянуть тяжелую кольчугу вместе со стеганой войлочной поддевкой. День выдался по-настоящему летний, жаркий, солнце палило вовсю, в ярком небе белели редкие облачка. Внизу тысячу дымов курилась разоренная Цитадель. Долина Вулканов лежала перед Кельдином как на ладони, безжалостно перепаханная недавним противоборством титанических сил.

Здесь, на Вершине, двергу прежде бывать не доводилось. Высота вызывала у обитателя подземелий не то чтоб страх, но противную тошноту и слабость в коленях, потому он поспешно отвернулся от изуродованного пейзажа внизу и заозирался в поисках Исенны. Альб обнаружился на самом краю круглой площадки — стоял, заложив

за спину руки и склонив голову не то в задумчивости, не то высматривая что-то у подножия башни. Привычную золотую кольчугу сменила просторная белоснежная хламида, развеваемая ветром, но на неизменном золотом поясе с рубинами по-прежнему висел длинный меч. Довольно шумного появления Кельдина Исенна не заметил, погруженный в свои невеселые размышления.

Еще на площадке, ранее бывшей красивым круглым залом с мозаичным мраморным полом, стояло тяжелое кресло красного дерева, напоминающее трон. Над ним растянули холщовый навес и установили рядом маленький одноногий столик. В дальнем конце бывшего зала деловито возились с грудой лязгающего и вспыхивающего на солнце железа трое или четверо dwarves из незнакомого Кельдину рода. Один, кряхтя от усердия, раздувал тлеющие угли в большой бронзовой жаровне. В самом начале похода отряд в двадцать подозрительных чужаков явился откуда-то с Полуночи, с Синего Кряжа, предложив свои услуги. Прочие карлики их презирали — пришлецы не участвовали ни в одном из сражений, за щедрую плату занимаясь исключительно выполнением личных поручений Аллерикса и не особенно разбираясь в средствах.

Сбоку, на противоположном краю от замершего в неподвижности Исенны, возвышалось массивное сооружение, отвратительное даже для незамысловатой натуры Кельдина. Dwarf прекрасно знал, для чего оно, и изо всех сил старал-

ся туда не смотреть — но взгляд его помимо воли нет-нет да и возвращался к зловещему треножнику из толстых острогнутых бревен. Прикованного к бревнам пленника Грохот разглядеть не сумел — вокруг того стремительно кружилось переплетение черных, желтых и бурых невесомых лент, похожих на огромных толстых змей. Для полного сходства они еще и негромко шипели. Внутри созданного ими кокоша угадывалось судорожное подергивание, и иногда сквозь шелест доносился едва слышный протяжный стон.

Подгорные жители никогда не отличались большим терпением, а молчание затягивалось. Выждав для приличия с десятков ударов сердца, Кельдин громко прокашлялся и решительно шагнул к одетой в белое фигуре на краю пропасти:

— Здесь Кельдин, сын Хотфарра. Я пришел говорить с тобой, Исенна.

— О чем же ты хочешь говорить со мной, Кельдин, сын Хотфарра? — спросил Исенна, не оборачиваясь и не переменив позы. — Может быть, ты наконец принес хорошие вести? Вы нашли Радугу? Или хотя бы часть ее?

— Боюсь, мне нечем тебя обрадовать, — напускать дипломатического тумана Кельдин не умел и решил сразу перейти к сути. — Магических кристаллов, которые вы зовете Семицветьем или Радужным Кругом, похоже, в Цитадели нет.

Сгорбленная фигура в развеваемом белом одеянии явственно вздрогнула, будто от удара.

Медленно, очень медленно Исенна повернулся и откинул глубокий капюшон, скрывавший его лицо. Кельдин Грохот смотрел как завороженный.

На первый взгляд гигант-воитель ничуть не изменился. Те же чеканные, неподвижные черты, пышная грива золотых волос, прихваченных на затылке в подобие конского хвоста. Лишь вглядевшись более пристально и задержав взгляд подольше, да стоя на расстоянии не более пяти шагов, можно было заметить некую странность в этом почти совершенном лице. Когда Исенна говорил, двигалась только левая половина четко очерченных губ. Правое веко не закрывалось, отчего временами создавалось впечатление, будто альбийский вождь заговорщицки подмигивает, а правый глаз своей неподвижностью походил на стеклянный шарик. Что же до роскошных волос цвета червонного золота, то даже самый сильный ветер не смог бы всколыхнуть ни единого волоска — ибо они, как и вся правая сторона лица Безумца, являли собой не более чем искусную колдовскую иллюзию.

Когда на второй день после покушения Эрианна Ладрейна стало ясно, что все искусство альбийских лекарей бессильно перед ранами, нанесенными магией Благого Алмаза, Аллерикс пришел в страшное бешенство. Он готов был изрубить в куски всякого, кто подвернется под руку, а в особенности бесполезных целителей, но не смог удержать меч в сожженной ладони и с трудом стоял на ногах. Тогда он сорвал злость иным способом. Конная сотня, посланная за стреми-

тельно уходившим на Восход изменником Ладрейном, вернулась ни с чем — горстка предателей как в воду канула. Исенна в ярости распорядился казнить каждого десятого из злосчастных охотников. Потрепанное войско Альвара, от начальной численности которого после штурма осталась едва ли четверть, перешло под начало Исенны — но всех уцелевших командиров в чине старше сотника по приказу Безумца обезглавили и заменили новыми, предположительно верными Аллериксу.

В течение длившейся трое суток кровавой кутерьмы никто, кроме лекарей и особо доверенных лиц, не входил в шатер, где за шелковым пологом исходил бессильной злобой раненый Воитель. От имени Исенны в лагере распоряжался Зокарр Два Топора, что едва не послужило поводом для новой распри: альбийские офицеры сочли оскорбительным подчиняться выскочке-наемнику из «сплющенного народца», как за глаза именовали dwarves, пусть даже этому выскочке вождь обязан жизнью.

Среди простых мечников поползли невнятные слухи. Говорили, будто Эрианн в решающий момент трусил и переметнулся на сторону Темного Всадника; что Хранители Радуги напоследок проклинали обоих вождей; болтали даже, якобы от непосильного напряжения Эрианн тронулся умом, и напал на собственного союзника... Поскольку немногочисленные живые свидетели происшествий в ставке, дверги Зокарра и Кельдина, хранили глухое молчание, слухи множи-

лись, обрастая самыми невероятными подробностями.

На четвертое утро Исенна откинул узорчатый патровый полог и вышел к войску. Он приветствовал заранее выстроенное войско краткой воодушевляющей речью, и каждый мог видеть, что вождь по-прежнему крепок, поступь его легка и упруга, как раньше, и в седло могучего боевого коня он взлетел так же легко, как всегда. Немногие обратили внимание на перевешенные на правое бедро ножны, и уж совсем никто не углядел перемепы, произошедшие в облике Воителя. Лишь лекари, пользовавшие раненого, знали подлинные обстоятельства возвращения Исенны к жизни. Но они, все трое, увы, вдруг куда-то запропали, и сколь ни искали их — впрочем, довольно вяло — так никого и не нашли...

Там, где оказалось бессильно искусство врачей, помогло волшебство. Исенна вновь, как к последнему средству, прибегнул к мощи Алмаза. Однако магией Целительства он владел не столь виртуозно, как разрушающей Силой Стихий, а может быть, *эти* раны вообще не подлежали исцелению — хотя рука действовала, обугленная кисть так и осталась стянута уродливыми рубцами, тянувшимися вверх по руке до самой ключицы. Правый глаз выгорел начисто, левый порой затягивался мутно-алой пеленой. Оставалась еще слабая надежда, что со временем природа Сотворенного возьмет верх, и раны заживут сами собой. Сейчас же Феантари следовало постоянно сдерживать свой бешеный нрав, иначе со-

тканное наваждение начинало таять, открывая неприглядную истину.

Вот и теперь — на глазах у Кельдина фальшиво-благородные черты дрогнули, подернулись рябью, поплыли, и на дверга глянула жуткая половинчатая рожа демона.

Безумного демона. И очень, очень опасного.

— Что ты сказал, карлик? — прорычал демон, прожигая Грохота пылающим взглядом и угрожая придвигаясь. — Что значит «нет»?! Ты... ты смеешься надо мной, ничтожество?! Объяснись, или я велю разрезать тебя на куски, клянусь Предвечным!..

— Смерти я не боюсь, Исенна, и смеяться над тобой не собираюсь, — ответил дверг со спокойствием, которого вовсе не ощущал. Близкое соседство Исенны Безумного даже самых стойких заставляло нервничать. — Выслушай сперва, а уж потом можешь казнить, если угодно.

— Говори, но если...

— Твои маги допросили уйму пленных — почитай, каждого десятого. Так вот, они, пленные то есть, талдычат одно: Ссмицветье, а вместе с ним горожан, и все, что было самого ценного в Цитадели, вывезли через колдовские врата. Я в этих штуках, сам понимаешь, не силен. Слова «прямая дорога» или «прямая тропа» говорят тебе что-нибудь?

Исенна качнулся назад, будто Кельдин крепко толкнул его в грудь. Демонская личина на одно мгновение из гневной превратилась в растерянную... нет, скорее это было выражение незаслу-

женной, несправедливой обиды — словно у ребенка отобрали игрушку. При иных обстоятельствах Грохот рассмеялся бы, но сейчас подобная несдержанность могла стоить ему жизни. В голосе альба, когда он снова заговорил, слышалось горькое недоумение:

— Прямая... Нет, невозможно! Они не могли так поступить... У них не хватило бы сил... Никто из нас не владеет искусством создания Врат, даже Эрианн, искуснейший из носителей Жезлов, только начал...

— Никто из вас. Он, — рука дверга отмахнула в сторону висящей на бревнах фигуры, — вам не ровня. Мне не раз доводилось слышать, якобы твой пленник — один из творцов этого грешного мира. Если так, то кто знает предел его сил?

— Темный Всадник могуч, но не всесилен! — взвился Аллерикс, словно продолжая какой-то давний спор, ведущийся не с собеседником, а скорее с самим собой. — Мы захватили его в плен и забили в колодки, как раба! Он не смог отбросить наши армии от стен Цитадели, даже имея под рукой Радужную Цепь!..

— Не смог, — согласился Грохот. — Или не захотел. Что до рабских колодок, Исенна, так чародейские умения тут ни при чем. Трудновато колдовать, ежели тебя обласкают обухом по затылку, а потом еще десяток ражих мужиков, всем скопом навалившись, выкручивают руки. Ведь так оно было в той палатке, когда вы с Хитроумным затеяли свои якобы мирные переговоры?

— Даже если так! — огрызнулся альб, явно из-

бегая любых напоминаний о ложном перемирии. — Он проиграл битву и теперь беспомощен. Я сделаю из него приманку. Может, Радуга и позволила бежать отсюда тем, кто не мог сражаться, но я никогда не поверю, чтобы Семицветье решилось оставить своего вожака в плену! Нет, они прячутся среди руин, боясь показаться на свет. Я знаю, под крепостью целый лабиринт ходов. Рано или поздно мы выманим их наружу, выкурим, как крыс... Ищите в подземельях! Найдите их, и я не поскуплюсь на награды! За каждого Хранителя, приведенного в кандалах, я отсыплю золотом втрое по его весу...

— Вот как? Хорошо бы они все были толстяками... А вдруг ты ошибаешься, и они не настолько дорожат его жизнью? — пожал плечами дверг. — Он дал им Кристаллы и научил колдовать. Радуга способна управляться с чарами и сталью самостоятельно, без его помощи — мы видели это при штурме. Они бросили его, Исенна. Или он сам повелел им уходить. Мол, ты все равно ничего ему не сделаешь. Даже если оттяпать ему голову или вздернуть на стене, пройдет лет сто, двести, пятьсот — и он вернется снова. Он же Рота, Ночной Всадник. Он, как говорят, бог во плоти, живущий на земле... Но разговор-то не о нем, а об этой, язвы ее, Прямой Тропе. Я ж ее не выдумал, верно? Пленные твердят...

— Вас обманывают! — зарычал Исенна. — Они сговорились! Темный Всадник приказал им так отвечать... они могли видеть морок, колдовское наваждение, что угодно... Проклятье, невозмож-

но создать такие Врата, чтоб вывести тридцать тысяч душ за три дня!

— Тогда где они, эти тридцать тысяч?! — терпя терпение, вскипел в ответ Кельдин. — Под землю закопались, что ли?! Пленных мы сотен сорок содержим, но где остальные? Как ты велел, мы всякого ихнего мертвяка мало не догола раздеваем, ищем незнамо что, а твои-то мечники руки марасть не желают, только надсмехаться горазды! Так вот, мертвецы все доспешные воины, мирных горожан — один-два на сотню. Громадная крепость, одних кузней два десятка, лавки на каждом шагу, склады, дома, замок — ну, куда жители подевались? Голые камни нам сдали, улизили через Врата и оставили нас в дураках!

Исенна молчал, глядя в сторону. Ошибочно истолковав его безмолвие как согласие, Кельдин разошелся еще пуще:

— Мне ваши игры, вообще-то, без интереса. Радуги в крепости нет, это наверняка. Если хочешь, мы продолжим поиски, только воины уже сейчас крепко недовольны. Чем дальше обернется, я и думать не хочу. Оно конечно, альбы будут верны присяге, да и мы стараемся держать слово, но сколько же можно? Какого демона мы торчим на развалинах, как бельмо на глазу? А развалины-то трясутся день ото дня все сильнее, огонь внизу ревет, вот-вот проснется... Усмиришь ли ты своей магией лаву, когда она попрет наружу? Условия договора исполнены, пора уносить ноги. Отыскиали горстку золота да склады с припасами, твои чародеи разжились уймой горелого перга-

мента и парой десятков книжек — за это воевали, что ли? Или за возможность подвесить Темного Всадника над жаровней? Так он лично мне ничего плохого не сде...

Из груди Исенны исторгся звериный рев. Утративший осторожность Кельдин и глазом не успел моргнуть — пальцы альба впились в его плечи подобно стальным клещам, и в следующий миг зарвавшийся дверг с ужасом и изумлением почувствовал, как все двадцать стоунов его веса отрываются от мозаичного пола. Некстати ему вспомнилось вдруг, насколько высоки башни Серебряных Пиков.

— Не смей так говорить со мной, червь! — рывкнул альб прямо в физиономию Кельдину, встряхивая тяжеленного дверга, как провинившегося котенка. Исенна был невероятно силен, а сейчас его сила приумножалась гневом. — Не смей учить меня, что и как делать, если не хочешь поучиться летать! И никогда не говори мне, что я проиграл! Я всегда добиваюсь своего, всегда, запомни это накрепко, если жизнь тебе дорога! Добьюсь и теперь! Мне плевать, что болтают пленные! Мне нет дела до вашего недовольства! Я знаю — Радуга где-то в крепости, и я отыщу ее, пусть мне придется искать до скончания времен!

Возившиеся с пыточным железом дверги побросали свои дела и с любопытством уставились на ссору, не делая, однако, никаких попыток прийти на помощь соплеменнику. У Кельдина, чьи подошвы жалко болтались в локте от пола

площадки, в глазах начало темнеть, дыхание пресеклось — скрученный кольчужный ворот сдавил горло. Забыв, что сдал все оружие мечникам, охранявшим вход, он судорожно шарил на поясе кинжал.

— Пусти, удавишь... — прохрипел наемник, чувствуя, что теряет сознание.

Еще пару раз тряхнув злосчастного гонца, Исенна с отвращением отшвырнул его прочь, и Кельдин покатылся по мраморным плитам, кашля и растирая шею.

— Убирайся, — бросил Аллерикс, поворачиваясь спиной к двергу. — Ступай к тем, кто тебя подослал. Скажи им, что они рассудили верно, отправив именно тебя — если б те же слова сказал мне кто-то другой, его мертвое тело уже клевали бы вороны!.. Впрочем, постой. Магов, занимавшихся допросами, пришли ко мне, и немедленно. И еще: извести всех — пусть глашатаи донесут мое слово до каждого — никто не двинется отсюда, пока я не получу Самоцветы, — сделав над собой изрядное усилие, вождь альбов заговорил прежним ровным и уверенным голосом. — Я ощущаю: они спрятаны здесь. Рассказы о Прямой Тропе еще ничего не означают. В конце концов, я могу потребовать ответа у того, кому в точности известно все о тайнах Цитадели.

— Сдается мне, не слишком-то он разговорчив, — вполголоса пробормотал Кельдин Грохот — но так, чтобы не услышал Безумец. Хватит с него эдаких задушевных бесед. Покосившись на могучую фигуру в белом и пробурчав нечто, мо-

гущее сойти за просьбу удалиться, дверг поспешно нырнул в люк, ведущий прочь с башни Серебряного Пика.

Утешало его во всей этой истории единственное ехидное соображение. Упомянув «горстку золота» и недовольство воинов, Кельдин изрядно согрешил против истины. Исенна мало интересовался всяческим драгоценным добром — а между тем количество захваченных трофеев уже сейчас с лихвой окупало участие наемного войска двергов в этой странной войне. Оружие, золото, самоцветные камни, украшения, несколько подвод удивительной синей стали, секретом изготовления которой владели только кузнецы Черной Цитадели... За такую корысть подгорные жители могли рискнуть задержаться на содрогающихся руинах еще луну-другую, благо всякий день приносил новые удивительные находки. Да и к грязной работе им не привыкать — а вот какие гримасы состроят альбийские чистоплюи, узнав о безумном решении их вождя?..

Глава шестая

За поверженной ратью встанет новая рать...

9 — 13 дни месяца Саорх

История злоключений Майлдафамладшего выяснилась ближе к ночи, когда он вновь обрел способность здраво рассуждать и внятно говорить. Утром же Коннахар и Ротан, приволочив слабо вздрагивающее тело в барак, первым делом избавили бедолагу от зловонной и изодранной одежды. Затем Коннахар притащил пару ведер студеной воды из огромной бочки, вросшей в землю у входа в конюшню, и они вдвоем, как могли, отмыли Лью от грязи.

Проделывать все это пришлось в большой спешке, покуда зверовидные надзиратели не погнались пленных на дневные работы. Соседи по несчастью, айенн сиидха, населявшие бывшую конюшню, помогли чем могли — для пострадавшего каким-то чудом сыскали чистую рубаху и

штаны, а один из сиидха, сказавшийся лекарем, наскоро осмотрел раненого.

Вынесенный им вердикт прозвучал неожиданно. Лью явно был жестоко избит, вся правая половина его лица скрывалась под огромным кровоподтеком, губы напоминали недожаренные олады. Даже самое легкое прикосновение к лицу и ребрам исторгало у него болезненный стон... но если злосчастному скальду и грозила смерть, то разве что от чудовищного перепоя.

— А я-то гадаю, чем таким знакомым от него несет, — с отвращением приняухавшись, заявил Ротан. — Вот теперь вспомнил! Отцу по старой памяти на Йоль знакомцы из Граскаала присылают бочку-другую сгущенного вина. Того, которое дверги гонят у себя под горами. Я как-то пробовал — мерзость редкостная, хотя некоторым из папиных друзей пришлось по душе...

— Ты хочешь сказать, что он всего-навсего мертвецки пьян? — мрачно уточнил Коннахар. Он только что переворошил подвернувшейся щепкой кучку грязного тряпья, выудив пришедший в полную негодность длинный шерстяной шарф в мелкую красно-зеленую клетку. Украшавшая его вычурная серебряная фибула с каплями аметистов уцелела. Принц отцепил ее и спрятал, зная, как Лью дорожит этой вещицей, перешедшей к нему от отца.

— Ну, его к тому же сильно измолотили... но разит от него в точности, как от тех памятных бочонков, — Юсдаль поднял очередное ведро, готовясь выплеснуть его содержимое... и тут вытя-

нувшееся на каменном, слегка присыпанном соломой полу тело выгнулось и открыло уцелевший глаз.

— Не лейте больше... утону... или замерзну... — шепеляво, но вполне связно пробормотал Лиессин, после чего вновь провалился в тяжелый полусон — полуобморок. Расталкивать и расспрашивать его у Коннахара не было ни желания, ни времени — хриплые окрики надсмотрщиков уже приказывали всем пленным выстроиться снаружи. Потомок Бриана Майлдафа остался в конюшне, под присмотром раненых сиидха, коим дозволялось не участвовать в тяжком деле растаскивания каменных глыб и обгоревших до черноты бревен.

С наступлением сумерек работы завершились. Коннахару в этот день выпало наравне с двумя десятками собратьев по плену разбивать кирпичную кладку в указанном месте стены какого-то здания в Вершинах: дворги сочли этот участок подходящим для возможного устройства тайника. Никакого секрета не сыскалось, да и врученной увесистой киркой наследник Аквилонии помахивал более для виду — впрочем, так поступало большинство пленников. Бурная деятельность начиналась только при появлении надсмотрщиков, немедленно затихая, стоило им удалиться. Неудивительно, что работы шли из рук вон медленно. Разозленные карлики уже не раз наказывали отлынивающих пленных, но толку не добились. Другое дело, что такая работа, тупая и бессмысленная, под непрерывными пинками и оскорбле-

ниями надзирателей, выматывала до полного изнеможения.

На обратном пути в конюшню наследнику Аквилонского трона, как и все, еле волочащему ноги от усталости, довелось пройти мимо расчищенной круглой площади. Коннахар несколько раз бывал здесь и прежде, всякий раз задаваясь вопросом — чего ради дворги так старательно убирают отсюда обломки камней? Теперь он смекнул, зачем: карликам понадобилось большое открытое пространство, дабы превратить его в подобие гладиаторской арены. По окружности площадь обнесли решеткой с зубцами по гребню, в середине установили тяжеленный каменный жернов с вделанным в него железным кольцом. Имелись даже зрительские трибуны, сколоченные из первых попавшихся под руку досок и бревен. Сейчас, под вечер, эти грубые скамьи заполняли дворги, явившиеся поглазеть на захватывающее развлечение. Что это было за действо, Коннахар понял с первого взгляда — и похолодел.

Рыча и сквернословя, в круге метался йюрч, прикованный длинной цепью за одну ногу к валуну в центре площадки. Шкура зверообразного воителя отливала соловом-желтым цветом, подчеркнутым расплывающимися буро-красными полосами. Принцу показалось, что он узнал Норзо Трехпалого, хотя он вполне мог ошибиться — среди йюрч наверняка имелось немало особей подобного окраса. Всей защиты у йюрч было — маленький круглый щиток не более локтя в по-

перечнике, а в двадцати шагах от него выстроилось трое или четверо dwarves с арбалетами. Щелкали спускаемые тетивы, стрелы с металлическими наконечниками звонко ударяли о вывоченные гранитные плиты... Зрители одобрительно вопили, подбадривая стрелков, арбалетчики обменивались ленивыми замечаниями, не спеша выцеливая живую мишень... Коннахар еще успел заметить, как очередной арбалетный болт вспорол обреченному воину бедро, но тут ближайший надсмотрщик его самого огрел копейным древком так, что помутилось в глазах — а в следующий миг колонна, в которой шел Коннахар, свернула вниз по разгромленной улице.

...Близкое присутствие смерти, своей или чужой, стало настолько привычным, что чувства притупились и выцвели, точно присыпанные пеплом. Отчаяние, надежда, беспомощность, дружеская поддержка, горе, сострадание — в течение дня они настолько быстро сменяли друг друга, что вряд ли у кого достало бы сил уделять внимание каждому из них. День прошел, ты еще жив, и замечательно. А если еще один из твоих спутников вернулся к жизни, то лучшего и пожелать нельзя. К жизни в этот вечер вернулся вдохновенный певец Лиессин Майлдаф. Когда уже в сумерках пленных работников загнали обратно в бывшую конюшню, Коннахар с облегчением увидел, что Льюу пришел в себя и прячется в дальнем темном закутке.

Несколько мгновений принц всерьез размышлял, что будет лучше — обнять вернувшегося в

мир живых приятеля или влить этому приятелю хорошую затрещину по здоровой щеке. Ведь предупреждали же его — не буди лихо, покауда тихо!

— Ожил, герой-сказитель? — буркнул Ротан, без сил валясь на волглую солому. — Поведай, чем ты так прогневал незлобивый сплюснутый народец, что они тебя мало не прикончили? Предложил Зокарру остричь бороду? Сложил скелу о том, как гном сватался к каменной идолице? Ты теперь смахиваешь на Одноглазого Хаста, только помоложе лет эдак на сотню. И разит от тебя к тому же — плескался ты, что ли, в их пойле?

Льюу скорчился в углу стойла, завернувшись в поноу, и на вопросы не отвечал. Его колотил крупный озноб, одна половина лица была зеленоватого, другая — черно-синего цвета, левый глаз совершенно заплыл. От предложенной похлебки, в должное время подтащенной к воротам конюшни, как обычно, в огромном медном котле, он с отвращением отказался. Проходившие мимо сиидха бросали на него сочувственные взгляды. В конце концов тот, что представился целителем, едва не силком заставил Майлдафа проглотить крохотную голубую облатку, затем положил ладони на лоб и на грудь Льюу и пошептал что-то, прикрыв глаза. Целебное действие сказалось немедленно — Льюу вскоре перестал трястись, порозовел и даже смог влить в себя пару ложек сомнительного варева.

— Говорят, якобы у dwarves напрочь отсутст-

вует чувство прекрасного, — многозначительно рассуждал Ротан Юсдаль, созерцая, как Лиессин неуклюже управляется с ложкой распухшими пальцами. — Врут, должно быть. Все-таки ты им пришелся по душе, иначе они б тебя живым не отпустили. Да и вообще, тебе несказанно повезло.

— Так что случилось? — Коннахар присел напротив, старательно отводя взгляд от стянувшейся на сторону и полиловевшей физиономии приятеля. Кроме синяка и опухоли, щеку Лью от глаза до подбородка пересекали глубокие запекшиеся садины — видимо, ему с размаху заехали по губам латной рукавицей или чем-то похожим. — Не хочешь говорить?

— Скорее не могу, — с усилием произнес Майлдаф-младший и закашлялся. — Ладно, признаю, я сам виноват. Уж очень хотелось допечь коротышек.

— Поздравляю, ты своего добился, — одобрил Ротан, тщательно вытирая свою миску огрызком хлеба. — Чем же ты их так, а?..

— «Легендой о Предвечном Кователе», — пожал плечами Лиессин, изъясняясь по возможности более короткими фразами.

— Легенда о Кователе? — недоуменно переспросили за толстой деревянной стенкой. В соседней клетушке завопили, и над верхним брусом показалась голова и плечи одного из сиидха. — Но отчего подгорные жители так оскорбились? Это длинная баллада, красивая на свой манер, хотя и несколько тяжеловесная, как мне кажется... но ничего обидного в ней нет...

— Я... э-э... слегка изменил содержание, — прошепелявил Лью. — В «Легенде» говорится о сотворении подгорного народа... Я добавил туда кое-что. Мол, Предвечный Кователь сперва сотворил dwarves высокими, красивыми и статными, как и Старший Народ. А потом на радостях упилился хмельного меда... Спьяну праотцы dwarves представились ему жуткими уродами... Схватил Кователь свой тяжелый молот, размахнулся и ударил, причем попал... С той поры дверги как раз и сделались уродами, как в кошмаре Кователя — кривоногими злобными карликами, а вместо вылетевших мозгов Творец напихал им в черепушки чего попало под руку — соломы там, глины...

Вокруг захихикали, сначала тихо, потом громче, по мере того, как история передавалась сидевшим дальше. В конце концов по узилищу покатила волна здорового хохота, поутихшего только тогда, когда обеспокоенные караульщики замолотили дубинками в ставни. Лиессин сделал паузу, дотянувшись до стоявшего рядом с ним кувшина с водой, отхлебнул и продолжил уже бодрее:

— Клянусь Луггом и Морригейн, это их проняло. До самых печенок! Они даже галдеть перестали и дружно вытаращились на меня. Вдруг Зокарр, их король или старейшина — не знаю, как они его именуют, — отрывает свой зад от скамьи и провозглашает: никогда доселе не доводилось им слышать ничего подобного и, пожалуй, не доведется услышать впредь. Он, дескать,

считает своим долгом вознаградить столь остроумного скальда и желает сделать это немедленно, собственной рукой... Мне бы сразу заподозрить неладное да шмыгнуть за дверь, а я сижу, довольный как дурак, и жду — вдруг и в самом деле чего преподнесут?

— Дождался, оно и видно, — хмыкнул Ротан. Лиессин одарил его хмурым взглядом уцелевшего зрачка.

— И вот в зал, где мы сидим, парочка двергов втаскивает здоровенную кадку из чистого серебра и водружает на стол. Над бадьей витает узнаваемый за сто шагов аромат двергского сгущенного вина. Того самого, что разъедает металл и прожигает дырки в граните. Тогда-то я уразумел, как здорово влип, но уж поздно было. Двое громил сгребли меня за шиворот и потащили вручать награду — этот их Зокарр рявкнул, что раз уж сам Предвечный Кователь, по моим словам, не гнушался хмельного, то и мне положено. Схватил лапищей за загривок, окунул в лохань и держит, а сам говорит: «Выпьешь — останешься жить, утонешь — так тому и быть». Ну и я выпил... уж очень жить хотелось... А лицо — это когда бадья опустела, Зокарр мне отвесил железной перчаткой. Чтоб, говорит, не поганил своим дрянным сиидхским языком святое... Потом я плохо помню. Кажется, били меня долго, анриз растоптали, скоты... Какая-то тварь на пальцы наступила, хорошо хоть, кости целы. Под конец вынесли куда-то на задний двор, раскачали и швырнули в яму. Воняло там — как у демона в

заднице. Как выбрался — ума не приложу. А может, это я и вовсе не сам — помогли, вытащили... Знать бы еще, кто?..

* * *

Позже Коннахар вспоминал этот вечер как последний сравнительно спокойный перед последовавшей затем катастрофой."

Утром нового дня в барак доставили, как обычно, скудный завтрак, но на работы никого не погнали. Вместо этого около полудня в забитую до отказа конюшню ворвались надзиратели. На сей раз с ними были альбийские воины. Коннахар уже научился различать захватчиков-альбов по внешности, цветам доспехов и еще десятку признаков и теперь без труда определил, что мечники в синих с серебром кольчугах принадлежали к отборной гвардии самого Аллерикса. Каждого из трех сотен пленных грубо, но тщательно и быстро обыскали. У многих нашли спрятанное оружие — среди руин его валялось в избытке, и кое-кто не удержался от соблазна тайком сунуть за голенище кинжал. Сыскалась даже пара мечей, укрытых в соломе. Всех, пойманных «на горячем», альбы увели с собой.

Назад они больше не вернулись. Узилище опустело на треть.

Понятно, что надзиратели не делились новостями со своими поднадзорными и старались не допускать никакого общения между заключенными разных барачков, но странным образом

пленные сиидха почти мгновенно узнавали обо всем, происходящем в Цитадели, и особенно в Вершинах. Коннахар крепко подозревал, что Старший Народ обладает некой загадочной способностью общаться на расстоянии, не прибегая к устной речи. Уже к вечеру стало известно, что такие обыски проведены повсеместно. Уличенных в малейшем неповиновении доставляли прямо в Серебряные Пики, точнее — в тот из них, где безвылазно угнездился Исенна. Что с ними сделали, не ведали наверняка даже всезнающие сиидха... но единственный взгляд в сторону некогда прекрасных и стройных шпилей наводил на мысль о самой незавидной участи.

Спустя еще пару дней обстановка на руинах поверженной Цитадели стала в буквальном смысле огнеопасной. Последствия ужасной раны или же предательство ближайших соратников, а может, предчувствие полной неудачи лишили Исенну Феантари последних остатков разума. Оставив попытки разыскать Семицветье обычными способами, он вновь прибегнул к магии Жезла. Однако теперь огромную колдовскую силу направлял воспаленный рассудок безумца, и результат не заставил себя ждать.

Синее небо над Долиной Вулканов сплошь затянули тяжелые, свинцового оттенка грозовые тучи. Над Серебряными Пиками эти облака, то и дело прорезаемые блеском молний, образовали подобие бешено крутящейся воронки, в сердце которой таилась непроглядная тьма, подобная окну в вечную ночь. Солнце померкло, и все во-

круг окрасилось в мертвенный багрово-сиреневый цвет, какой бывает от зарева далекого пожара. Ни единый порыв ветра не касался поникшей листвы уцелевших в долине деревьев. Земля дрожала почти непрерывно, и сполохи зеленого колдовского огня денно и ночно металась над вершиной поверженной башни, озаряя зловещий силуэт треножника с распятой на нем человеческой фигурой.

Словно всех этих мрачных знамений Безумцу показалось мало, отголоски творимой в Вершинах волшбы стали уносить жизни, разя внезапно и без разбору, подобно слепой и беспумной молнии. Дверги и альбы из воинства Исенны без видимых причин падали мертвыми, напоминая в посмертии удушенных. То же самое порой случалось с пленными. Если до сих пор воинство Аллерикса хранило по крайней мере видимость спокойствия, то теперь холодная длань ужаса коснулась даже самых бесстрашных. Одно дело — биться в честном бою с противником из плоти и крови, и совсем иное — покорно и беспомощно ожидать, пока лопнет сердце в тисках неведомой темной силы!

Альбийские командиры, сохранившие остатки былой верности, отправили в Серебряные Пики своих представителей на переговоры с вождем. Исенна принял их, но на увещевания ответил презрительным смехом, а на угрозу мятежа безразлично пожал плечами. Попробуйте убить меня, сказал он, и взойдете на погребальный костер вместе со мной — ведь только сила Алмаза удер-

живает теперь подземный огонь Долины Вулканов... Военачальники ушли ни с чем, однако, едва спустившись по длинной витой лестнице, рассудили по-своему — сотникам велели спешно сворачивать лагерь. Пусть спятивший вождь ищет Радугу сам. Приказ не затронул лишь несколько сотен мечников, тех, что носили синие с серебром доспехи. Личная гвардия Исенны присягала Аллериксу на Жезле. Душа и тело этих великолепных воинов полностью принадлежали вождю, власть данной ими клятвы превышала и угрозу огненной гибели, и даже страх Живущих Вечно перед самой смертью.

Что касается dwarves, то наемники, как всегда, проявили свойственную подгорному народу предусмотрительность. Часть их войска, и немалая, покинула Долину тремя днями раньше — после достопамятной беседы Кельдина с Аллериксом — под предлогом охраны богатого обоза. К ним присоединился и Кельдин Грохот вместе с двумя другими вождями подгорного народа, Терганом и Ярреном Краснобородым. Те, что еще остались, готовы были выступить в любой момент. Эти мешкали лишь по двум причинам: из-за непонятной медлительности Зокарра, повадившегося в последнее время все чаще навещать Серебряные Пики, — и трех тысяч пленных, нескольких сотен йюрч в том числе, вверенных «заботам» подгорных воинов. В последние дни надобность в пленных отпала — Исенне больше не требовались ни заложники, ни рабочая сила, ни материал для допросов. Даже еду в бараки доставляли

теперь не каждый день и кормили сущими объедками. Поэтому, когда Зокарр Два Топора в конце концов задал Аллериксу вопрос, Безумец отмахнулся с полнейшим равнодушием.

— Они в твоей власти, — бросил он dwarves. — Делай что хочешь.

Зокарр откровенно почесал в затылке. Выпустить на все четыре стороны? Ну уж нет! Во всяком случае, не йюрч, давних и непримиримых врагов. Истребить? Сиидха, безвылазно содержавшиеся в бараках, конюшнях и складах, не могли этого знать, но после ухода Кельдина с большей частью войска тюремщиков на земле Цитадели осталось меньше, чем самих пленных. Устраивать резню при таком раскладе Зокарру было не с руки. Да Тьма Подгорная с ними, решил dwarf, заprem покрепче, и дело с концом. Если Исенна своим колдовством все-таки пробудит к жизни дремлющий до поры вулкан, то сложности с заключенными разрешатся сами собой. А вот йюрч... Если подогнуть к загону, где их содержат, парочку «саламандр»... Представляя столь приятную картину и посмеиваясь в бороду, dwarf двинулся к люку, ведущему вниз с верхней площадки Серебряного Пика.

* * *

Коннахар и его друзья не догадывались о расколе среди вражеской верхушки и о решении Зокарра по прозвищу Два Топора. Они не обладали сверхъестественным чутьем сиидха и получали

лишь обрывочные известия о происходящем за стенами пропахшей страхом и смертью конюшни, однако они, также, как и все, чувствовали приближение драматической развязки. В ночь, последовавшую за обыском, четверо сиидха, обитавших в самом дальнем конце барака, бежали через отдушину под потолком — немногочисленные окна к тому времени были прочно заколочены толстенными досками. До этого уже совершалось несколько попыток побега, но все они заканчивались печально. Головы бежавших, облитые черной смолой, выставлялись на шестах возле барака, из которого произошел побег. Однако на сей раз свирепые надсмотрщики вроде бы и не заметили отсутствия четверых поднадзорных, а вечером следующего дня тем же путем в конюшню незаметной тенью скользнула молодая лучница из бывшего отряда госпожи Гельвики. Обитатели барака немедленно окружили ее плотной толпой.

Заметив фигуру в темно-фиолетовой короткой хламиде, Коннахар в числе прочих бросился с расспросами. В первую очередь его интересовала судьба тех, с кем ему довелось свести близкое, хотя и краткое знакомство: Цурсога, самой Гельвики, Мизроя, и, разумеется, Эвье Коррента. Лучница отвечала кратко: Гельвика погибла в уличном бою, ее соратница видела это собственными глазами; Мизрой сгорел в арсенале, когда «саламандры» шли через Верхний Город. Юноша из рода людей, старательно описанный Коннахаром и Ротаном, в других бараках ей не попадал-

ся. Хотя кто теперь обращает внимание на происхождение соседа по заточению... Принц Аквилонии мысленно согласился: это в первые дни жизни в Цитадели у него вызывала несказанное удивление внешность воителей из рода сиидха, особенно их необычно длинные пальцы и уши с отчетливо заостренными кончиками. Потом он привык и воспринимал эти отличия как должное. А вот с Цурсогом Коннахара ждал приятный сюрприз.

— Мохнатое Копье будет рад услышать, что ты беспокоишься о нем, — улыбнулась альбийка. — Возможно, вы еще встретитесь, и весьма скоро. И не в плену, это уж точно.

Пришелица поведала узникам еще кое-что, воспламенившее их сердца надеждой, постаралась подбодрить каждого — а под утро вновь исчезла, растаяла, словно дым.

Вот так, сперва прислав знамение своего грядущего пришествия, настала та самая памятная ночь, круто изменившая участь наследника Трона Льва и его спутников. Ворота конюшни целый день оставались наглухо закрытыми, и вместо окриков караульных снаружи доносился непонятный шум, суета, лязг железа и топот бегущих ног.

Временами глухо рокотал гром. Несколько раз далеко, на самом пределе слышимости, возникал и мгновенно обрывался исполненный отчаяния вопль. Пленники, помня о словах ночной гостьи, почти не разговаривали, внутренние собираясь, точно перед боем. Кое-кто, достав из укромного

тайничка незамеченный при обыске кинжал, пробовал на ногте остроту лезвия.

У Коннахара кинжала не было. Он вынул из крохотной захоронки между досками серебряный значок с крылатой восьмиконечной звездой и приколот слева на рубаху. Поглядев на него, Лиссин сделал то же самое со своей аметистовой фибулой. Потомок Бриана Майлдафа почти оправился от недавних побоев, хотя пока напоминал лишь тень прежнего умелого воина и покорителя женских сердец. Ротан отыскал завалявшуюся пряжку от конской сбруи, выковырял с ее помощью сучок из досок на окне и почти не отлипал от щели. Все, что ему удалось разглядеть — воронку в тучах над Серебряными Пиками и зловещее багряное сияние под ней, пронизанное сетью алмазно блистающих нитей. Юсдаль-младший и сам толком не знал, что надеется высмотреть, однако бездельное ожидание под замком в темном, душном помещении с нависающим над головой потолком изнуряло душу не хуже любой пытки. Приземистое здание конюшни мелко подрагивало, скрипя деревянными сочленениями, будто в стены бился сильнейший порывистый ветер.

Несмотря на все старания, Коннахар упустил тот краткий миг, когда за накрепко запертыми створками вспыхнула короткая, занявшая не более десятка ударов сердца и почти беззвучная потасовка. Раньше него это почуяли соседи справа, находившиеся ближе к дверям, и резко вскинувший голову Лью — хотя последний даже и не понял толком, что его встревожило. Лязгнула,

ударив по железной оковке ворот, связка ключей, толстенная створка медленно, без скрипа, отвалила в сторону. В проем скользнул гибкий силуэт, освещенный тусклым пятном фонаря в руке.

— Выходите все, — ясный голос отчетливо слышался во всех уголках конюшни. — Да поживее, пока недомерки не подняли тревоги.

Повторять приглашение дважды не требовалось, и ненужной суеты не возникло — все были заранее предупреждены. Выжившие вопреки всему полторы с небольшим сотни пленников устремились по проходу между стойлами. Наследник Аквилонии и его спутники оказались где-то в числе первой полусотни, и, миновав дверной проем, Коннахар с небывалым наслаждением втянул ночной воздух. Тот отдавал едкой гарью, пеплом и застоявшейся водой, но все-таки это был воздух свободы, а не опостылевшей тюрьмы!

На мощеной площадке перед конюшней, где совсем недавно дверги строили пленников, пересчитывали и частенько устраивали примерные экзекуции, шла быстрая, хлопотливая и явно направляемая опытной рукой деятельность. Из освобожденных составляли маленькие отряды в два-три десятка душ, тут же растворявшиеся в темноте окружающих развалин. Кое-где мелькали притушенные лампы со слюдяными окошками, слышались тихие команды и оклики. Сиидха свет, в общем-то не требовался — они сами не раз говорили, что неплохо видят в темноте, но люди замешкались, не зная, куда бежать. Ротан

споткнулся о что-то тяжелое и, глянув вниз, скорее угадал, нежели разглядел закованный в кольчугу труп карлика — одного из караульных при конюшне.

— Вот они! — приглашенный, но явно обрадованный возглас прозвучал почти над ухом Коннахара. Звук шагов принц, разумеется, не услышал — сиидха передвигались тише кошки. Из сумрака вынырнула давешняя девица, на сей раз вооруженная длинным луком, а следом за ней некто, немедленно заворчавший странно знакомым голосом на аквилонском наречии, услышав которое, Юсдаль-младший едва не прослезился:

— Митра Светоносный, сыскалась пронажа! Ну и извелся я, месьоры, разыскивая вас по всяческому гноилищам! Ага, и горское отродье здесь, благодарение уж не знаю кому, и даже ковыляет собственными ногами. С тебя причитается, Лиесин — за избавление от позорной смерти в выгребной яме. Файоли, там всех вывели?

Последняя фраза прозвучала на альбийском. Девица-сиидха на миг склонила черноволосую голову к плечу, словно прислушиваясь к беззвучным репликам, и утвердительно кивнула.

— Эвье, — выдохнул Коннахар. — Это ты?

— Нет, мой неупокоенный призрак, — огрызнулся молодой воитель в темно-алом кожаном доспехе, не имевший, кроме внешности, почти ничего общего с сохранившимся в памяти принца Эвье дие Коррентом, легкомысленным и излишне болтливым придворным шалопаем, обитавшем в Тарантийском замке. — Держитесь за

нами и ради всех богов, древних и новых, не отставайте, а то опять пропадете среди эти треклятых руин. Я тогда вас больше искать не буду, надоело.

Довольно долго они плутали меж наводящих страх развалин с риском споткнуться в темноте, переломав ноги. Когда конюшня, последних две седмицы служившая местом заточения, скрылась во мраке, Эвье зажег захваченный с собой фонарь, но толку от него было чуть — пятно света размером в ладонь выхватывало лишь отдельные участки кирпичных стен, нагромождения каменных глыб и торчащих деревянных балок. Коннахар уже совершенно отчаялся понять, в какую часть Цитадели их занесло — тускло мерцающие шпили Вершин остались далеко позади — когда лучница по имени Файоли остановила колонну повелительным взмахом руки. Фонарь в руке Эвье мигнул трижды с неравными промежутками, в ответ послышался негромкий переливчатый свист, исходящий, казалось, прямо из огромной кучи битого камня. Файоли снова двинулась вперед и вдруг, как почудилось изумленному Коннахару, уткнула прямо в ровную гранитную плиту под ногами. Следом за ней так же сгнулись двое сиидха и Эвье, несший фонарь, — а там уже и сам принц разглядел черный квадрат открытого люка и крутую каменную лестницу, уводящую далеко вниз, где еле заметно мерцал теплый оранжевый свет.

* * *

Слухи о тянущихся под Цитаделью катакомбах оказались правдивыми от первого до последнего слова, и даже слегка преуменьшенными. Коннахару показалось, что в этих запутанных, прихотливо соединяющихся друг с другом подземельях вполне может разместиться армия численностью в пять или шесть тысяч мечей, но, наверное, он погорячился в оценках. Их вели длинными коридорами, то выложенными глазурованным желтым кирпичом, то прорубленными прямо в диком камне, освещенными через равные промежутки укрепленными на стенах бронзовыми чашами с трепетавшими язычками огня, мимо ответвлений, за которыми, судя по гулкости эха, тянулись большие помещения. Однажды они пересекли самый настоящий мост, под которым с плеском и журчанием текла забранная в парাপет речка. Вокруг, что странно, ощущался не промозглый холод, как обычно бывает в устроенных глубоко под землей потаенных укрытиях, но идущий откуда-то из глубин ровный поток теплого, даже жаркого воздуха.

«Крепость же стоит на усыпленном с помощью магии вулкане, — вспомнил наследник Аквилоний. — Надо же, мы ходили и не подозревали, что у нас под ногами прячется еще один город. Интересно, а завоеватели об этом знают? Дверги-то должны были догадаться, им же только дай куда-нибудь закопаться поглубже и глянуть, не отыщется ли там чего».

Жизнь в подземной части Цитадели была ключом. Коридоры отзывались на переключку голосов, причем чем ниже спускался отряд, тем чаще навстречу попадались здешние обитатели. Многие, подобно Коннахару, сохранили свои значки, где посредине серебряной звезды горели зеленые, синие или оранжевые камешки, символы погибших бастионов. Часто и раскатисто звякал по наковальне молот, из какого-то прохода долетел ни с чем не сравнимый аромат готовящейся пищи, едва не заставивший Ротана свернуть на притягательный запах.

— Сюда, — выполнявший роль проводника Эвье наконец остановился перед вытесанной в камне полукруглой аркой. За ней открывался небольшой сводчатый зал с устроенным в стене очагом, у которого как раз хлопотали две женщины из айенн сиидха. Посредине стоял длинный и даже накрытый скатертью стол со скамьями, а вдоль стен темнело с десятков дверных проемов, где завешенных тканью, а где закрытых дверцами в половину человеческого роста. Из-за одной такой дверцы тут же высунулась чья-то голова, с истинно альбийской учтивостью осведомившаяся: сыскал Эвье свою пропажу или и впредь придется выслушивать его ежевечерние жалобы на жестокую судьбу, разлучившую молодого человека со старинными друзьями?

— Сыскал, Фадин, отстань, — отмахнулся Коррент и повернулся к спутникам, примолкшим частично от удивления, частично — от невозможности до конца поверить в увиденное. Ведь еще

утром они могли в любой миг распрощаться с жизнью, а вечером не только оказались на свободе, но и встретили того, кого в глубине души считали погибшим. Эвье тем временем невозмутимо объяснял, сопровождая слова быстрой жестикуляцией: — Значит так: сперва помыться и переодеться. То рубище, которое на вас — немедленно в огонь. Через дверь с красной занавесью — горячий источник и бассейн. Воды — хоть залейся, и кипятить не надо. Новую одежду вам сейчас принесут. Эх, ваше высочество, видели бы вы, на что стали похожи... А уж запах...

Коннахар смотрел во все глаза, не переставая удивляться и с трудом узнавая прежнего беззаботного мальчишку в стоявшем перед ним деловитом молодом воине. Эвье за минувшие три седмицы раздался в плечах и вроде бы даже стал повыше ростом, альбийский доспех из тисненой кожи сидел на нем как влитой, а из-за правого плеча виднелась истертая рукоять узкого длинного меча. Холеные ладони загрубели и покрылись твердыми мозолями мечника, лицо украшала короткая курчавая бородка, над правой бровью тянулся заживающий шрам. Но самое поразительное впечатление производила не внешность, а то уверенное и несуетливое достоинство, с которым держался Коррент.

— Эвье, — спросил Коннахар, улучив маленькую паузу, — у вас тут зеркало есть?

— Что? А... Где-то завалилось. Далее: оружие, доспехи и прочее нужное добро подберете сами, это в арсенале — от нашего зала налево, второй

поворот, бронзовая дверь. Тамошним хозяйством заправляет Рэйлив, обращайтесь прямо к нему. Но это потом. А сейчас, как умоетесь — милости прошу к столу. Еда, что там готовят — специально для вас. Подадут, когда скажете. Мы с Файоли пока вас покидаем, — он состроил извиняющуюся гримасу, — нужно устроить остальных прибывших. Мы с ней вроде подручных старшины нашего отряда — сделай то, подай это. Вернусь и потолкуем. Да, еще: вот эта и эта кельи свободны. Располагайтесь как угодно.

Он выскочил за дверь прежде, чем кто-либо успел задать хоть один вопрос. Лучница Файоли, кажется, обладала способностью просто растворяться в воздухе — только что стояла у входной колонны, и вот ее уже и след простыл.

— На самом деле нам все это снится, — предположил слегка пришедший в себя Юсдаль-младший, озираясь по сторонам, и заключил: — Но такой сон мне нравится куда больше, чем застенки у dwarves.

Дие Коррент объявился где-то спустя колокол. Время было потрачено с пользой и на приятные хлопоты — беглецы наконец получили возможность не спеша помыться, переодеться в чистое и истребить хорошо приготовленный обед — или все-таки ужин? — разительно отличавшийся от холодных помоев, которыми потчевали в недоброй памяти конюшне. К приходу Эвье трое недавних узников успели даже занять пустую келью, вытесанную прямо в скале, но просторную и чистую, освещенную масляными све-

тильниками. Из предметов обстановки здесь имелись четыре узких каменных лежа вдоль стен, выставленные сухим упругим тростником, и каменный же стол, кругом которого стояло несколько табуретов.

Объевшийся Ротан уступил незаметно подкрадывавшейся сонливости и задремал прямо за столом, пристроив голову на скрещенных руках. Лиессин тоже вовсю клевал носом, но Коннахар был полон решимости устроить приятелю форменный допрос с пристрастием. Скажем, почему госпожа Файоли, навестив барак, ни словом не обмолвилась о том, что прекрасно осведомлена о месте пребывания Эвье?

— Так ведь ты что спросил? Не видела ли она меня среди других заключенных, правильно? Она честно ответила — среди заключенных не видела, среди мертвецов тоже. Разумному достаточно, по моему, — хмыкнув, разъяснил Коррент, придвигая ближе высокий стеклянный кувшин, до краев заполненный густой золотистой жидкостью, и тяжелый оловянный кубок. — Я с этой их привычкой поначалу тоже намучился. Между прямым ответом и уклончивым айенн сиидха всегда выбирают тот, над которым приходится ломать голову. Кроме того, мы все равно рассчитывали следующей ночью навестить вашу тюрьму, так что мы бы встретились. Меня только две вещи изводили: вдруг вы ушли через Врата или убиты где-то на улицах?

— Ты что, в самом деле считал, будто мы уйдем и бросим тебя здесь? — искренне возмутился

Коннахар. — И вообще, это не мы потерялись, а ты! Где тебя носило?

— О-о, это длинная и занимательная история из тех, которые, как сказал бы наш вдохновенный друг, — Эвье комично закатил глаза и задвигал руками, словно бы перебирая струны анриза, — нужно рассказывать долгим зимним вечером у камина... Поначалу-то я состоял при катапульте на Топазовом бастионе. Служба гордая, но скучная — взвел-выпалил, попал-промахнулся, разве что, пожалуй, попадали мы чуть точнее прочих. Единственное удовольствие — рядом держала оборону стрелковая сотня, я там свел кое с кем знакомство... хе-хе... ну, про то особый сказ... Так вот, когда самое главное началось и бастион запылал, мы подхватили то, что можно перетащить на руках, и подались к соседям, на Аквамариновый. Вскоре там тоже стало жарко — с неба посыпались железные шары с пламенем внутри. Мы отступили, засели на втором ярусе и держались до утра второго дня штурма, когда эти ожившие скалы поперли на нас, как бык на тряпицу. С Аквамаринового нас к середине дня вышибли, и ничего не оставалось, как перебираться в Верхний город. Катапульту пришлось бросить, зато «Змеиные пасти» мы забрали, болтов к ним — сколько смогли поднять, да еще к нам прибилась госпожа Гельвика с остатками своих стрелков и десятка два юрч с Топазового бастиона. Отыскивали мы замечательный переулочек, навалили засеку из всего, что под руку подвернулось, укрыли за ней три «Змеиных пасти» и пригото-

лись захватить с собой на Серые Равнины как можно больше врагов.

Рассказчик зажмурился и потряс головой, не в силах подобрать верные слова для пережитого и испытанного.

— Прямо на нас вынесло «саламандру», под хвостом у которой болталось сотни три dwarves вперемешку с альбийскими мечниками. Я решил — все, конец. Но обошлось! «Саламандры» в узких переулках, считай, все и сгинули — их с крыш закидывали горячими снарядами — мы тоже так поступили, правда, дорого нам далась та сороконожка громящая... Латников сперва проредили из «пастей», а потом йюрч махнули через засеку и сцепились с коротышками в рукопашную. Ничего, отбились. Долго мы там держались, почти до середины ночи. Перекрыли площадь засеками на четыре стороны, стрелков отправили на крыши, к вечеру еще йюрч подошли, с синими и лиловыми значками...

Тут Эвье замолчал. Лицо его омрачилось каким-то неприятным воспоминанием, и он долго, жадно глотал из кубка разведенное вино.

— В Гельвику попали арбалетным болтом, она почти сразу умерла, как свеча погасла... С каждой атакой нас становилось все меньше и меньше. Ближе к утру стало ясно, что нас вот-вот раздавят всмятку, и тут пришла Госпожа.

— Какая Госпожа? — дружным хором пожелали узнать наследник Аквилонии и восторженный Лиессин, безошибочно уловив, что незамысловатый титул надо произносить с заглавной

буквы. Даже дремавший Ротан приоткрыл один глаз, прислушиваясь к беседе.

— Та самая, что управляет всей этой круговертью, — Эвье сделал всеобъемлющий жест, включавший в себя подземелья Цитадели с доброй частью Материка, и старательно выговорил непривычное для человеческого языка имя: — Иллирет ль'Хеллуана. Королева Огня. Хранительница Рубина.

— Так ведь Радуга покинула Цитадель, — медленно произнес Лью, подавшись вперед — весь сон с него как рукой сняло. — Оттого, говорят, Безумный Исенна и исходит желчью. Или... или все таки...

Коннахар же ничего не сказал, вспоминая пролетевший мимо него по стене бастиона опаленный багряный вихрь. В плеске и кружении алых тканей он тогда не различил облика. Цурсог назвал мелькнувшее видение хозяйкой Твердыни и подругой Владыки Цитадели. Каково сейчас приходится несчастной женщине — всякое утро, день и ночь видеть своего господина и наставника прикованным на верхушке Серебряного Пика? Похоже, эта госпожа Иллирет весьма незаурядная особа с решительным характером, раз не потеряла присутствия духа и умудрилась создать малую армию уцелевших защитников крепости прямо под носом у Аллерикса и его воевод.

— Радуга — да, покинула. А Иллирет осталась в самый последний миг. Она «собирала осколки», как Файоли выразилась, — продолжил Коррент-младший. — Уводила бойцов, кто еще уце-

лел, в подземелья, чтобы продолжить борьбу. Когда пыль немного улеглась и наверху стало потише, мы стали наведываться в крепость — искали, где содержат пленников, считали, много ли воинов осталось у Исенны и dwarves, да высматривали, где они разбили лагерь. Вдобавок я еще разыскивал, куда вас угораздило запропасться. Уже совсем отчаялся, когда прослышал о каком-то языкатом сиидхе, поющем для Зокарра Два Топора и его карликов. Мы рассчитывали перехватить тебя где-нибудь по дороге из лагеря Зокарра в ваш загон, — Эвье повернулся к темрийцу, — но ты, как всегда, по резвости нрава сам все испортил. Волочь тебя мимо альбийских ночных дозоров почти через всю крепость, да еще при том, что ты в любой момент мог завопить спьяну, мы не рискнули. Но теперь я уже сообразил, в каком из барakov вас искать. Файоли вскоре наведалась туда и подтвердила, что вы именно там.

— Допустим, пленных, нас в том числе, вы освободили, — подвел итог наследник Трона Альва. — Как с ними поступают дальше? И вообще, сколько здесь народу? Тысячи три? Больше?

— Меньше. Подземелья Цитадели не так велики, как может показаться на первый взгляд. Вместе с теми, кто освобожден сегодня вечером — а мы ведь не только вас вытащили — около тысячи, — развел руками Коррент. — Но сражаться могут не все, многие ранены. Раненых подлечивают, кое-кого уводят в горы, там есть какие-то тайные тропки, по которым маленькая группа может незаметно просочиться на Пол-

день. Но большинство остается здесь, портить жизнь завоевателям и выручать тех, кого продолжают держать в плену. Кроме того... — он замаялся, скосив на друзей испытующий взгляд. — Кроме того, Госпожа набирает воинов в отряд для вылазки в Вершины. Она хочет освободить... ну, вы поняли.

— Что? — Конни показалось, он ослышался. — Ты это всерьез, или вы тут перегрелись и дружно спятили? Меньше тысячи клинков против всего исенновского войска! Да там, в замке, шагу небось ступить нельзя, чтобы не натолкнуться на стражника! И вдобавок там безвылазно торчит Безумец! Не хочу сказать ничего дурного о здешней Госпоже, но ее войско превратится в пепел даже раньше, чем они хотя бы достигнут ворот Башни!

— Ничего-то вы не знаете, — сочувственно присвистнул Эвье. — Пока вы маялись в своем загончике, здесь многое переменилось. Мы тут болтаем, а тем временем армия Аллерикса бодрым маршем покидает Долину. Не то чтобы они взбунтовались, просто малость поразмыслили и решили больше не рисковать своими бесценными альбийскими головами, выполняя его приказания. Почти все двери тоже улизнули, прихватив награбленное в здешних кладовых. В Вершинах остались только сотни три Бессмертных Клинков, личной гвардии Исенны. Вы их наверняка видели — мечники в бело-синих доспехах, они шли первыми при взятии замка. Эти никуда не двинутся, даже если небо начнет падать на

землю, и с ними точно придется сражаться. Еще есть около тысячи dwarves во главе с лично Зоккарром Два Топора. Что касается Исенны...

— Погоди, погоди! — перебил Майлдаф. — Ну-ка скажи, прав я или нет — тыходишь в этот отряд, что полезет отвоевывать Серебряные Пики? И когда они намерены это сделать?

— Я надеюсь, что меня возьмут, — протестующая реплика принца канула втуне, поскольку Лью с силой пнул его ногой под столом. — Вылазка же состоится завтрашней ночью. И знаете, что я вам еще скажу? — Вновь Коннахару показалось, что он видит перед собой другого Эвье — такого, каким юноша, вероятно, станет лет через пять. — Иногда я думаю: если чудо все-таки произойдет и нам дадут возможность вернуться обратно — я не уверен, что захочу его воспользоваться. Странно прозвучит, но здесь, в Крепости, я впервые в жизни почувствовал себя на своем месте. Там, где мне и должно быть. И Файоли здесь ни при чем, — угадал он невысказанную мысль сотоварищей. — То есть при чем, но не настолько, чтобы совсем потерять голову. Она просто мой друг и соратница.

— Знаем мы такую боевую дружбу, — невнятно пробормотал Ротан, доказывая, что дремота отнюдь не мешает ему слушать разговоры по соседству.

— Ничегошеньки вы не знаете, — задумчиво повторил Эвье. — Впрочем, ладно. Нет, Лиессин, довольно расспросов на сегодня. Вы и так еще не наснули, похоже, исключительно из вежливости.

Отдыхайте, а завтра вас ждут — обещаю! — еще более интересные дела.

Уже в дверях дие Коррент остановился и с досадой хлопнул себя по лбу:

— Да! Чуть не забыл! Один наш общий знакомец, большой любитель стричь бороды dwarves, передает вам горячий привет. Сегодня он прийти не смог — у них с Госпожой какой-то жутко важный военный совет — но завтра с утра навестит обязательно. У него касательно вас какие-то планы. Точно-точно, он сам мне сказал.

Эвье церемонно откланялся — сперва на аквилонский манер, а затем по альбийски, прижав ладонь ко лбу и к сердцу — и исчез за толстой войлочной занавеской.

...Юсдаль-младший провалился в сон, кажется, еще до того, как коснулся тростникового ложа. Коннахар, задув светильники, тоже лег, но сон почему-то не шел. Принц ворочался на своей постели, безуспешно пытаясь понять, что за мелочь мешает ему уснуть, когда из дальнего угла донесся негромкий голос Лиессина Майлдафа:

— Послушай, Конни... Ты ведь не спишь?

— Не сплю, — откликнулся Коннахар. — И что с того?

— Помнишь легенды о падении Полуночной Твердыни? И о проклятии Безумца?

— Еще бы не помнить. Сколько манускриптов мы перетаскали из Обители Мудрости...

Коннахар с трудом удержался от истерического смеха. Всего лишь — сколько? ну да, всего лишь луну тому это было: группа изрядно пере-

пуганных подростков, ночь, корявый магический круг белой краской на паркете и он сам, приносящий "кровавую жертву" — отрубаящий голову курице... Делле, гнусавым голосом зачитывающий самодельное заклинание... Совсем недавно — нет, целую вечность тому назад — или восемь тысячелетий спустя... Голова кругом идет. А завтра он и его друзья из Братства Охотничьей Залы, может быть, своими глазами увидят смерть Исенны Безумца и возвращение Темного Роты, увидят, как меняется история мира... Тут Коннахар понял наконец, что хочет сказать ему Лью и что не дает уснуть ему самому. Он похолодел и рывком сел на постели, откинув тонкое шерстяное одеяло.

— Ага, дошло, — сказал невидимый в темноте Лиессин. — Понимаешь, очень может быть, что госпожа ль'Хеллуана завтра и впрямь добьется своего. Ты представляешь, что тогда начнется?!

В голове аквилонского наследника с калейдоскопической быстротой замелькали картины, одна другой жутче.

Вот Ночной Всадник спасен, а Безумец повержен во прах... Кровавая Жажда не довлеет над племенами Старшего Народа... Полуночная Твердыня отстраивается заново во всем своем величии, альбы Темного Роты, сохранив могучую силу Семицветья и присовокупив к ней Благие Алмазы, вырванные из неправых рук, становятся безраздельными хозяевами мира... Кхарийцы и атланты не выстроят своих империй, люди не расселятся по бескрайним просторам Хайбории, а

если и расселятся, то лишь на правах младших полудиких братьев айенн сиидха... да и называться все это будет не Хайбория, а как-нибудь совершенно иначе, и уж конечно, не будет ни Аквилонии, ни Киммерии, а будет — Альвар, Сембердал, Халарийская Марка... И наверное, никогда не родится в маленьком горном клане Канах мальчик с именем Конан, который станет потом великим королем Трона Льва, не появится на свет его сын Копнахар...

— погоди, — пробормотал принц. — погоди-погоди... это что же выходит?

— Вот и я думаю, — мрачно сказал Лиессин. — Что же это такое выйдет?

Разум Коннахара отчаянно пытался найти разрешение вопроса. Спустя двадцать ударов сердца, прошедших в молчании и в беспорядочном кружении мыслей, принцу показалось, что он нащупал-таки правильный ответ.

— Нет, — твердо сказал он, пытаясь унять бешено бьющееся сердце. — Смотри: мы же сами видели, что будет спустя восемь тысяч лет. Мы знаем, что Ночной Всадник изгнан за Грань Мира, Полуночная Цитадель погибла при великом землетрясении, а Проклятие Рабириков произнесено. Если бы история пошла по другому пути, нас бы сейчас здесь не было, так? Но вот мы здесь, следовательно...

— Так ведь она еще и не пошла по другому пути, — резонно возразил Лью. — Помнишь, нам кто-то рассказывал — то ли почтенный Озимандия, то ли отец твоей дамы, Райан Монброн: ино-

гда выпадают такие дни, когда на прямой дороге времени возникает перекресток. Развилка. Без указателей, налево идти или направо. И тогда все целиком и полностью зависит не от воли богов, не от игры случая, а от решения людей, которые будут стоять на этом самом перекрестке. Куда они задумают свернуть — туда и побежит дорога. Я только одного боюсь, — поколебавшись, добавил он, — как бы мы и не оказались этими самыми людьми. Мы ведь не принадлежим этой жизни, этому миру, мы тут вообще чужие. Посторонние свидетели, мало заинтересованные в исходе дела. Зато со стороны мы видим все не так, как представляется тем, кто плоть от плоти этого времени. Может, нас потому сюда и закинуло, что мы способны справедливо рассудить, кто прав, а кто виноват. Или как-нибудь исправить сделанные ошибки. Или, наоборот, помешать чему-то совершиться...

— Да ну тебя с твоими выдумками! — нарочито резко огрызнулся Коннахар, в глубине души опасаясь, что приятель прав от первого до последнего слова. — Такие деяния подходят для настоящих героев из легенд, а мы кто? Что мы можем сделать?

Глава седьмая

Проклятие Безумца

Ночь с 14 на 15 день месяца Саорх

Довольно. Уберите жаровню. Я хочу поговорить с ним. Подобострастно кланяясь на каждом шагу, заплечных дел мастера бросились выполнять приказание. Унося раскаленную докрасна жаровню с рдеющими на ней углями, один из палачей напоследок приложил обжигающий металл к обнаженному животу своей жертвы. Раздалось явственное шипение горячей плоти, но человек, подвешенный на пыточном станке, не издал ни звука — лишь выгнулся в короткой судороге боли, тряхнув свалявшейся гривой густых черных волос.

— Довольно, я сказал! Проваливай! — рявкнул гигант в белоснежной тунике, приподнимаясь с кресла. Ретивого палача как ветром сдуло. Сгрудившись на дальнем краю круглой площадки во-

круг грубого стола с наводящими ужас и отвращение орудиями своего ремесла, мучители боязливо посматривали на того, в чьей руке была их жизнь и смерть — ибо, вздумай Исенна прогневаться на любого из них, полет вниз головой с башни станет для провинившегося самым легким наказанием. Когда-то Исенна нанял маленький двергский клан, презираемый даже соплеменниками за крайнюю жестокость по отношению к пленным чужакам, для выполнения скверной работы, за которую не брались настоящие воины. Он соблазнил их, как и прочих, самой сладкой для подгорного жителя приманкой — золотом. Теперь они жалели, что связались с безумным альбийским вождем, и разрывались между жадностью и страхом. Исенна платил более чем щедро — но при одном взгляде на изуродованное ожогом и яростью лицо альба самым алчным палачам хотелось оказаться как можно дальше от этой треклятой крепости с ее мрачными тайнами и ужасающим колдовством.

Аллерикс, похоже, не замечал их страха — как не замечал и всего остального, происходящего вокруг себя. Зловещие приметы близкой катастрофы не волновали его, повальное дезертирство собственного войска оставило безучастным. Он вообще потерял интерес ко всему, кроме своего противостояния с Темным Всадником.

Поначалу, в первые дни после того, как треножник из бревен появился на вершине Серебряного Пика, Исенна избегал пыток, стараясь разговаривать пленника, вызвать его на беседу. Но че-

ловек, подвешенный на цепях, как туша в мясной лавке, не желал поддерживать разговор с клятвопреступником. Правда, он и не молчал. Бывший Хозяин Цитадели не опускался до грубых оскорблений или крика — на крик срывался Аллерикс, не выдерживая ядовитого потока насмешек, произносимых спокойным и ровным, даже немного скупающим голосом. Тогда Исенна распорядился кормить подвешенного на солнце-пеке пленника соломиной и не давать воды, — сам же при этом, удобно устроившись напротив под полотняным навесом, потягивал охлажденное вино. Довольно быстро просто сидеть ему прискучило, и он приказал палачам пустить в ход батоги.

Смертного человека или сотворенного альба, даже самого выносливого, подобное обращение доконало бы через два дня на третий. Но Темный Всадник не был ни смертным, ни Сотворенным — он был Творцом, воплощенным богом в человеческом обличье, он умел справляться с болью измученной телесной оболочки. Исенна упрямо требовал одного — выдать Радужную Цепь. Ответы плененного, закованного в кандалы Хозяина Полночной Цитадели были, напротив, очень разными. Эти ответы, едкие, как яд халарийской гидры, доводили Аллерикса до белого каления, и тогда бессловесные палачи наблюдали странную картину: грозный, почти всемогущий альбийский вождь в золоте и белоснежных шелках стискивает мощные кулаки в постыдном бессилии, а изможденный пленник в изодранных черных лох-

мотьях отчитывает его, как несмышленного мальчишку, даже не меняясь в лице, когда тяжелая плеть рассекает израненную спину.

Противостояние победителя и побежденного грозило затянуться. Но как раз в эти дни Кельдин принес Исенне известие о Прямой Тропе, равносильное признанию поражения непобедимого воителя. Вот тогда-то здравый рассудок, и без того не всегда свойственный Аллериксу, покинул его окончательно, уступив место черной нерассуждающей злобе. Дверги прибегли к каленому железу и шипцам, пробуя все известные им пытки и изобретая неизвестные. Сам Исенна, как последнее средство, использовал магию Жезла, и это послужило началом конца. Благой Алмаз, отвечая велениям больного разума, выпускал в мир то, что, строго говоря, даже не являлось магией — на прикованного пленника обрушилась воплощенная ненависть, причинявшая неизмеримые муки не телу, но бессмертной сущности Темного Всадника.

Это действовало. Темный Владыка начал кричать — хрипло, отчаянно, но этот вопль для Безумца звучал сладчайшей музыкой. Именно тогда в Цитадели начались беспричинные смерти, все чаще мелко тряслась земля, кое-где уже прорывался на поверхность подземный огонь, и все шире расходился над Серебряными Пиками страшный мертвый зрачок иномировой тьмы.

В последние дни смысл задаваемых Исенной вопросов несколько изменился. Под давлением непреложных фактов альбийский вождь все-таки

поверил в то, о чем ему толковали собственные маги, военачальники и предводители наемников — в существование Прямой Тропы и исчезновение Радуги. Безумный, выворачивающийся наизнанку рассудок Аллерикса немедленно подсказал новый замысел: ежели Всадник и впрямь способен творить столь протяженные и большие Тропы, почему бы ему не повторить содеянное? Не протянуть Тропу туда, где скрылись беглецы из Цитадели? Или — пусть хотя бы укажет направление, в котором совершался Исход. Где беглецы пытаются укрыться от гнева Феантари — может быть, на Полудне, в благословенном краю вечно-го лета? На Восходе, куда уже давно обращали свои взоры альбийские полководцы, или на стылой Полночи, владении кочевых племен йюрч и отдаленно похожих на них людей?

О том, что он будет делать — без войска, без союзников — если даже Всадник совершит требуемое и откроет Тропу, Аллерикс не думал.

— ...Я хочу поговорить с ним, — далеким голосом повторил Исенна, не отрывая взгляда от бес- сильно обвисшего в цепях тела, и легко поднялся из глубокого кресла, еще недавно принадлежавшего самому хозяину Полночной Твердыни.

Исенна зачастую оставался на Вершине до- поздна, порой даже после наступления темноты, и тогда — как теперь — пытка длилась не под серым светом дня, а в багровом колдовском сиянии. Но на сей раз даже привычные ко всему палачи умаялись и поглядывали на своего нанимателя с тревогой. Давно минула полночь, руины

Цитадели окутались тьмой, лишь кое-где расцветенной редкими и робкими огоньками, да еще возле двергских казарм двигалось множество факелов. Бесперывно ворчал гром в низких плотных тучах, вторя частому блеску молний, но за последние два дня этот звук в Черной Цитадели сделался привычным. Альб сделал шаг и как-то сразу оказался рядом с человеком в цепях — несмотря на тяжеловесную фигуру, двигался он с плавной грацией опасного хищника. Жезл Дракона, поблескивая голубыми бликами, свисал с его левой ладони.

— Ты слышишь меня, Всадник? — спросил он негромко, едва ли не вкрадчиво. Когда гигант-альб встал рядом с подвешенным за запястья пленником, их лица оказались почти на одном уровне. — Знаю, что слышишь. И знаю, как тебе больно. Ты, наверное, рад бы потерять сознание, но тут уж твоя божественная сущность обращается против тебя. Не молчи, поговори со мной! Я соскучился по твоему остроумию. Ну же!..

Тот, кого называли Рота-Всадник, медленно поднял голову и взглянул на своего мучителя. Только глаза, серые, как булатная сталь или речная галька, все еще жили на этом лице с резкими, точеными чертами, помертвелом от боли, но сохранившем чеканную мужественную красоту. Запекшиеся губы шевельнулись, породив невнятный хрип:

— Пить...

— Воды, живо! — бросил Исенна, не оборачи-

ваясь. Один из палачей торопливо сунул ему в руку металлический ковшик. Пленник пил долго, бесконечно длинными глотками, и благодарно кивнул, выпив все до последней капли:

— Хорошо... Вот не думал, что когда-нибудь буду тебе благодарен. Что, дела идут неважно, а?

— Ты знаешь, чего я хочу, Всадник, — по-прежнему вполголоса произнес альб. — И я не отступаю, пока не получу искомое... или не погибну. Мне нужна Радуга, и я не намерен более ждать.

Видимо, Темный Всадник собирался ответить привычной колкостью, но в последний миг передумал и довольно долго молчал, свесив голову на грудь. Когда Исенна уже решил, что ответа не будет, из-под спутанной массы черных, как смоль, волос вдруг донесся глухой голос:

— Выслушай меня, Сотворенный, и не перебивай ради собственного же блага. Выслушай в первый и последний раз, пока не поздно. Оглянись вокруг. Ты лишился соратников — одного предал ты, другой предал тебя. Ты потерял войско. Твои собственные воины бегут прочь в страхе перед тобой. Все, что у тебя осталось — Благой Алмаз, который ты держишь в руке, но ведь и он не всемогущ. Половина его силы сдерживает подземный огонь, другая половина сдерживает меня. А теперь подними голову и скажи мне, что ты там видишь. Знаешь, что это?

— Я не знаю, что это, но оно мне не по душе, — буркнул альб. Ему не потребовалось лишний раз поднимать взгляд — и без того было ясно,

что бешено крутящаяся воронка в облаках никуда не делась. Отсюда, с вершины башни, гигантский — не меньше лиги в поперечнике — магический смерч был виден во всех неприглядных подробностях. Казалось даже, только протяни к небу руку, и коснешься несущихся по кругу туч, ощутимо упругих, подсвеченных изнутри алым болезненным светом.

Наверное, там, вверху, ветер просто чудовищный, внезапно подумал Исенна. И очень холодный. Ледяной.

Он зябко поежился, будто ветер иного мира уже дохнул ему в спину.

— Ты призвал силы, которых нельзя было касаться, и нарушил ткань бытия, — продолжал Всадник. — Пока еще не поздно закрыть эту дверь. Я могу это сделать, ты — нет. И огонь Долины Вулканов тебе не удержать. Освободи меня, оставь свой Кристалл и уходи — тогда, может быть, мы сможем что-то исправить. Таково мое последнее слово.

...На краткий миг Владыке Цитадели показалось, что Исенна колеблется, что здравый смысл одержал верх над безумной гордыней. Но надежда умерла, не успев родиться. В уцелевшем глазу альба зажегся знакомый фанатичный огонек, и он медленно покачал головой.

— Мое последнее слово — нет, — ответил Безумец. — Игра зашла слишком далеко, Всадник. Если я отступлю, значит, все было напрасно — и война, и обман, и дорогая цена, уплаченная мной, — он поднял руку и коснулся сожженного

лица, — и тогда мне нет места под луной и солнцем.

— А если ты не отступишь, то сгинеешь сам и утянешь за собой еще тысячи безвинных жертв. Пойми ты наконец, есть законы, которые не дано превозмочь никому!

— Отдай мне то, что я хочу! Каждая пядь этой проклятой земли полита кровью моих воинов. Пусть Семицветье станет виной за убитых!

— Глупец! Не я развязал эту войну, и не тебе получать с меня виру. Вся эта кровь — на твоих руках! А что до Семицветья, то теперь оно, хвала Предвечному, не в моей власти. Я не смог бы отдать его тебе, даже если б захотел. Ты можешь разрезать меня на куски или лизать мне ноги, но не получишь ничего, слышишь — ничего! А теперь — пошел прочь!

Исенна отшатнулся, будто пленник плюнул ему в глаза, его лицо перекосилось от ненависти. Он поднял Жезл, который сжимал в руке, угрожающе нацелил на Всадника, и неярко мерцающий алмаз в навершии вдруг налился пронзительным синим светом.

— Хорошо! — закричал он. — Будь по-твоему! Я проиграл, и я ухожу — но прежде ты умрешь! Интересно, каково это — убить бога, а?

Темный Всадник вдруг засмеялся. Он хохотал, громко и искренне, вглядываясь во мрак за спиной своего мучителя. Смех оборвался, когда стальные пальцы Исенны стиснули горло пленника.

— Почему ты смеешься?! — взревел Аллерикс. — Что ты нашел смешного?

— Ты дважды дурак, я смеюсь над тобой, — прохрипел Черный Рота. — Я-то, может, и умру. Но пройдет совсем немного времени, и я возрожусь снова в том же обличье. А вот ты, дурачок, возжелавший власти над миром, так и останешься уродом.

Грозовой разряд полыхнул над самой башней, заглушив яростный вопль Исенны и крики двергов, указывавших на что-то в долине. Там, где находились казармы Зокарра и загон для пленных йюрч, ширилось огненное озеро. Поднявшийся ветер доносил лязг стали и отчаянные вопли сражающихся.

Тяжелая бронзовая крышка люка, ведущего на площадку, вдруг откинулась, пропуская наверх темные фигуры, в руках которых блестела боевая сталь.

* * *

После ухода основных сил захватчиков те, что еще оставались на руинах Полуденной Твердыни, почти сравнялись по численности с силами Иллирет ль Хеллуаны. Если бы не магия Жезла в руках Исенны — пожалуй, Госпожа без колебаний повела бы своих воинов в бой. Но колдовская сила Аллерикса могла испепелить армию вдсятеро большую, так что честная битва грозила обернуться самоубийством. Вместе с тем и тянуть с вылазкой более было нельзя. Не сегодня — завтра магические выходки Безумца могли закончиться катастрофой, и жизнь Темного Всад-

ника висела на волоске, истончавшемся с каждым днем.

После долгих препирательств на импровизированном совете, предшествовавшем ночному штурму, был выработан рискованный, но единственно возможный план.

Охрану Серебряных Пиков, обиталища альбийского полководца и по совместительству — пыточной башни, несли исключительно мечники-сиидха из числа Бессмертных Клинков. Воины в синих с серебром кольчугах и крылатых шлемах дозорами по трое дено и ночью обходили сверкающие шпильки. У каждой двери, на каждом лестничном марше спиральных лестниц стояли караульщики с мечами наголо, неподвижные, как изваяния. Ночная тьма не была помехой для бессонных стражей Вершины — сиидха прекрасно видели в темноте, и мало кто мог незамеченным подобраться к такому патрулю ближе, чем на полет стрелы.

Ну разве что другой воин альбийской крови.

...Трое в крылатых шлемах насторожились одновременно, уловив среди грозных раскатов и треска осыпающихся камней подозрительный посторонний звук. Один из них сделал шаг, всматриваясь в завалы битого кирпича и горелого дерева, а другой положил ладонь на сигнальный рог, висевший у него на поясе. Ничего более они сделать не успели. Три длинных стрелы разом вылетели из мрака и с ювелирной точностью вошли в глазницы трех шлемов.

Невидимые стрелки не спешили покидать

свое убежище. Лишь выждав положенное время и удостоверившись, что шумное падение трех тел в тяжелых кольчугах не привлекло внимания другого дозора, вереница быстрых теней переместилась на сотню шагов ближе к подножию Серебряных Пиков. Здесь, вблизи Вершины, темнота уже не могла служить им надежным укрытием — алое свечение в облаках превращало ночь в мутные багровые сумерки, а караул непосредственно у входа в башню удваивался. Но Иллирет недаром отбирала для вылазки лучших из лучших. Шестеро Бессмертных Клинков, замерших у двустворчатой бронзовой двери по три с каждой стороны, даже не успели понять, откуда пришла к ним смерть. Четверо пали под стрелами, двое — от метко пущенных ножей.

Там и тут вокруг Серебряных Пиков свистели стрелы, унося жизни ничего не подозревающих стражей. Когда последний дозорный в сине-серебряном доспехе повалился со стрелой в глазнице, на границе ночи и красных сумерек по прежнему беззвучно заскользили черно-зеленые силуэты. Оставалось лишь удивляться, каким образом такое количество воинов могло остаться незамеченным. Коннахар невольно вспомнил слова одного из йюрч — мол, сиидха пройдет по шелковой нити и спрячется на голом камне. Сам он, как и его друзья, таким умением, конечно, не обладал и оттого сидел в резерве вместе с мечниками, стараясь лишний раз не дышать и дожидаясь, покуда стрелки выполнят свою часть работы. Да и в резерв их вчетвером взяли исключи-

тельно благодаря личному поручительству Цурсога, а того пришлось долго и сообща умолять. Сам Цурсог, хотя поначалу его тоже записали в особый отряд, попросился на иное задание — основные силы Госпожи, что-то около четырех сотен клинков, сейчас вырезали часовых вокруг дворговых казарм, подбираясь к охраняемому пуше глаза загону для пленных йюрч.

Одна из теней, четко видимая на белом фоне башни, выпрямилась и скрестила руки над головой — в этой вылазке, где неосторожный шум мог стоить жизни всему отряду, общение осуществлялось только посредством жестов и условных знаков. Скрещенные над головой руки означали, что снаружи все в порядке. Теперь наступала очередь мастеров рукопашной, но прежде должна была сказать свое веское слово магия — врата Вершины закрывались на ночь изнутри. Еще одна гибкая фигура, неотличимая на первый взгляд от остальных, приблизилась к высоким бронзовым створкам. Коннахар, стиснув рукоять меча, гадал, как Иллирет ль Хеллуана справится без своего Кристалла. Он уже довольно насмотрелся на проявления высокой магии при штурме Цитадели и подсознательно ждал чего-то подобного — вспышки, грохота, с треском вылетающих дверей.

Однако на сей раз все произошло на редкость обыденно. Госпожа встала перед вратами, прижав пальцы к вискам, и спустя двадцать ударов сердца изнутри залязгали снимаемые засовы. Едва створки приоткрылись на длину меча, десяток

лучников, стоявших наизготовку со стрелами на тетиве, дал залп в раскрывшийся проем. Следом за стрелами внутрь ворвались бойцы, но не с мечами, а с длинными кинжалами, какими одинаково удобно и колоть, и рубить в тесном помещении. Все закончилось очень быстро и без единого звука, и та же самая фигура в облегающей темной одежде трижды взмахнула разведенными в стороны руками — все чисто, всем внутрь.

Стрелки, сделавшие свое дело, растворялись в сумерках, охватывая Вершину широким кольцом. Теперь их задачей было в случае внезапной тревоги не подпускать на перестрел ни одно живое существо, могущее прийти на помощь запертому в башне Аллериксу. Из развалин, подчиняясь безмолвной команде, потекла резервная сотня, лучшие мастера меча уже были внутри. Настало время решающего боя.

Уже нырнув следом за Эвье в распахнутые настежь бронзовые створки, Коннахар успел заметить разливающееся над двергскими казармами зарево. И тут же сверху раздался тревожный крик.

* * *

Место, называемое в просторечии «казармы Зокарра», на самом деле не являлось казармами в полном смысле этого слова. Дверги облюбовали для постоя четыре больших и богатых каменных дома, выстроенных квадратом вокруг площади в Верхнем Городе, в той его части, которая менее

прочих пострадала при штурме. Обожающие всюду, где бы ни появлялись, устраиваться основательно и надолго, подгорные карлики соорудили из этого квадрата подобие миниатюрного форта. Улицы, ведущие на площадь, они перекрыли валами из каменных глыб и за каждым таким завалом установили по рукотворной огнедышащей твари, готовой затопить улицу огнем при первой же опасности. Неподалеку держали и пленных йюрч, охраняя их куда серьезней, чем всех прочих узников — два племени враждовали давно и прочно, и неукротимый нрав своих давних недругов дверги изучили весьма хорошо. Зокарр не переставал восторгаться остроумием, с каким было определено место для содержания йюрч. Косматых воинов загнали в узкие, скверно пахнущие лабиринты бывших боен, предварительно перегнав оттуда предназначенный к забою скот.

Продуманный, безошибочный план ночного штурма рассыпался в прах по нелепому совпадению из тех, которые невозможно ни вычислить, ни предусмотреть заранее. Кто мог знать, что Зокарр Два Топора, старательно заглушавший в себе растущий страх непомерным употреблением сгущенного вина, выберет именно этот вечер, чтобы развлечь себя и своих воинов невиданным зрелищем? Развращения наемников, состоявших при лагере Аллерикса, как правило, заключались в изобретении новых способов казни для йюрч, имевших несчастье уцелеть в битве, да еще в ежевечерних буйных застольях с распеванием боевых песен. То ли сгущенного вина этим вече-

ром было выпито слишком много, то ли безумие Аллерикса оказалось заразным, но мысль об огненной казни разом всех узников бывших боен крепко засела в голове Зокарра. В разгар очередного пира он кликнул к себе сотника и приказал готовить «саламандру».

...Еще на подходе к «казармам» Цурсог Мохнатое Копье, возглавлявший сотню мечников — айенн сиидха и йорч поровну — с острым беспокойством ощутил: что-то идет не так. Полночь давно миновала, однако лагерь наемников, вместо того чтобы мирно спать, шумел и сиял подозрительно большим количеством факельных огней. Прислушавшись, можно было различить здравицы в честь мудрого вождя Зокарра и пьяные песни, исполняемые нестройным хором.

На мгновение у Цурсога отлегло от сердца — а, коротышки насосались своего пойла? Лучше и быть не может! Хмельной воин — плохой воин, это всякий знает. Но потом шум голосов перекрыл знакомый оглушительный лязг стальной многоножки, и Цурсог снова насторожился. Для чего грязелюбам среди ночи в собственном лагере потребовалась огненная тварь? Йорч жестом приказал своим воинам двигаться быстрее, так же поступили и остальные сотники. Четыре сотни воинов, наплевав на осторожность, почти бегом продвигались меж развалин к тому месту, где гремело железо и орали наперебой грубые голоса.

Звуки выводили к старым скотобойням, где содержались захваченные в плен сородичи Цур-

сога. Внезапно йорч понял — и серая шерсть у него на загривке встала дыбом. Еще десять раз стукнуло в груди сердце от бешеного бега, и с плоской крыши сарая, чудом устоявшего при штурме, он увидел все своими глазами.

«Саламандра», растопырив три пары голенастых стальных лап, покачивалась напротив ворот загона. Ворота, за которыми ждали своей участи несколько сотен соплеменников Цурсога, были пока закрыты, но замок уже сбит, и десятка два двергов, засучив рукава, готовились потянуть створки. Прочие же, толпа числом сотни полторы, сжимая в руках ополовиненные кубки, одобритительно и нечленораздельно ревели в ответ на выкрики своего вождя. Взгромоздившись на широкую, как корабельная палуба, спину проклятой многоножки, Два Топора вопил:

— Я принял решение, и вот какое! Слушайте: завтра же, едва взойдет солнце, мы уйдем отсюда обратно под Синий Кряж, и пусть только кто-нибудь попробует нам помешать! Разве не так, братья-воители?

— Так! Хвала Зокарру! Слава вождю! — отвечала толпа.

— Ну, а теперь мы доделаем последнее дельце здесь, в Долине, чтобы никто не мог сказать — мол, подгорный народ ушел, не выполнив работы! Открывай!..

Цурсог понимал, что, начини он атаку до условленного сигнала из Вершин, весь план окажется под угрозой. Бессмертные Клинки почуют неладное, поднимут тревогу, и Иллирет с ее бой-

цами встретят три сотни не ведающих пощады мечников, исенновская отборная гвардия, готовые за своего повелителя хоть в огонь. Огонь!.. Еще бы терцию подождать! Но створки ворот уже подались в стороны, и в темной глубине виднелись лица пленных. В брюхе «саламандры» родился и стал набирать силу тонкий свист, предвестник пламенной гибели. Цурсог в отчаянии оглянулся — не на соплеменников, готовых к бою, а на айенн сиидха: поймут ли, не станут ли удерживать?

Альбы молча и деловито натянули луки и обнажили мечи.

— ...Может быть, теперь меня следует называть Зокарр Жестокий? Или Зокарр, Повелитель Огня? — разглагольствовал Два Топора. Дверг, управлявший «саламандрой», бросил на него возпросительный взгляд, и Зокарр взмахнул рукой: — Давай!

Стрела, проникнув сквозь проволочную сетку подобно скорпионьему жалу, вошла сидевшему за рычагами двергу в толстую шею, и тот молча повалился лицом вниз. А перед онемевшим от неожиданности Зокарром вырос могучий воитель-йюрч в вороненой кольчуге, с двулезвийным копьем, на котором топорщились пряди жестких волос. Он ухватил дверга за кудлатую бороду:

— Тебя будут называть Зокарр Вороний Корм. Умри, червяк! — и одним взмахом снес ему бабку с плеч.

Стрелы и мечи выкосили полупьяных и ото-

ропевших наемников за двадцать ударов сердца. Обретшие свободу йюрч, едва покинув узилище, тут же вступали в бой чужим оружием или даже просто голыми руками. Но в «казармах» уже ударили в набат, поднимая остальных наемников — эти, трезвые и доспешные, злые до драки, сражались с яростью обреченных.

Цурсог Мохнатое Копье рубился в самой гуще битвы, когда чья-то тяжелая секира перебила ему позвоночник. Последним, что он увидел, была удивительно красивая огненная река, затопившая узкий переулочек.

* * *

— Повелитель, на нас напали! — крикнул первый же из Бессмертных Клинков, едва появившись на площадке Вершины. Следом поднялись еще с полдюжины воинов в крылатых шлемах, и последний поспешно захлопнул за собой крышку люка. — Они появились словно из-под земли и атаковали нас! Слишком неожиданно, мы не успели отразить... Но помощь уже на подходе, Высочайший!

— Сколько их? — прорычал Исенна.

— Мало, но они сражаются как демоны. Их ведет женщина, и она владеет Силой, против которой мечи бесполезны. Они рвутся сюда, несмотря на потери. Может быть, нам удастся их остановить, но скорее всего...

— Пусть идут, — перебил Безумец. — Открой-те люк.

— Но...

— Ты не слышал?! Я жду их... с нетерпением. Когда они появятся, не смейте встречать — они мои.

Воин бросился исполнять приказание, а в напряженной тишине, нарушаемой далеким звоном клинков, вновь послышался смех Темного Всадника.

— А ты говорил — они бросили меня, — почти ласково сказал властелин Полуночной Твердыни. — Эх ты, глупец. Глупый и жадный мальчишка. Я ужасно ошибся, приобшив тебя к Силе. Но я еще исправлю свою ошибку, а вот твой кошмар останется с тобой навсегда... Пока мы ждем, может, расскажешь наконец, как ты заполучил такую смазливую рожу? Жаровню, что ли, вместо подушки подложил?..

— ЗАМОЛЧИ!

Вся ненависть, все безумие и гнев Исенны прорвалось в этом вопле, и одновременно альб развернулся и наотмашь, как плетью, хлестнул пылающим Жезлом по лицу Всадника.

Два крика слились в один. Рота страшно рванулся в цепях, но оковы выдержали — не выдержал крюк, крепивший цепь к бревнам, и пленник повалился на каменный пол. Три когтя драконьей лапы из полированной стали разодрали лицо Всадника жуткими рубцами, и вокруг этих рубцов кожа стремительно чернела, обугливалась, словно от огня, исходя струйками зловонного дыма, чернота подбиралась к глазу, глодала высокий лоб. Всадник снова закричал, сотрясае-

мый жестокими судорогами, и забился на мраморных плитах.

Алмаз в навершии Жезла сиял, как голубая звезда. Холодное голубое свечение охватило корчащееся тело хозяина Цитадели.

— Ты сам виноват, — торжествующе закричал Исенна, — не надо было смеяться надо мной! Теперь ты такой же, как я — как тебе это нравится? Ты никогда не вернешься в мир, ибо казнь твоя будет страшнее смерти! Я скормлю тебя той самой Бездне, которой ты пугал меня, скормлю живьем, прямо сейчас! Оставайся при своем уродстве, проклятый бог, оставайся при своем одиночестве, и знай, все грядущие тысячелетия помни — я все равно найду твой народ, разыщу Хранителей Радуги и не успокоюсь, пока хоть один из них дышит этим воздухом! Я изгоняю тебя навеки, Рота-Всадник! Изгоняю тебя! Отправляйся за Грань!

Крики Всадника сделались беззвучными, а его тело мало-помалу таяло, теряло плоть, расплывалось голубым туманом и наконец исчезло совсем. Тонкий синий луч ударил в зенит, в непроглядную черноту на дне гигантской воронки в тучах. Око Тьмы, казалось, впитало его с жадностью. Тяжкий громовой раскат прокатился над башней, сверкнула ослепительная молния. Колдовской вихрь над Вершинами стал стремительно оплывать, покуда не исчез совсем, затянувшись рыхлыми серыми тучами, из которых вдруг заморосил мелкий холодный дождь.

...Иллирет ль Хеллуана поднялась на Вершину

первой. За ней, шатаясь и сжимая окровавленные, изрубленные клинки, появились остальные — всего около дюжины из сотни бойцов, вошедших в башню. Опустив руку с Жезлом, тяжело и часто дыша, словно после тяжелой работы, Исенна смотрел на них исподлобья, и на лице его змеилась недобрая усмешка.

* * *

Действуя быстро, бесшумно и скрытно, мечникам Иллирет удалось без помех пробраться на высоту третьей лестничной площадки. Но стоило кому-то из стражей Вершины поднять тревогу, как внутренние помещения башни наводнились воинами в сине-серебряных кольчугах. Ночная атака была задумана в том числе и с тем нехитрым расчетом, что по ночам все живое, кроме разве сов и летучих мышей, крепко спит — а значит, если даже Бессмертные Клинки и заметят неладное, большая часть из них, будучи спящими и без доспеха, не сможет толком организовать отпор. Однако затея эта себя не оправдала. Может быть, гвардейцы Исенны спали в полном вооружении, а может быть, не спали вообще, по крайней мере в эту ночь. Так или иначе, они были полностью готовы к драке, и на каждого воина Цитадели приходилось по двое Бессмертных. Так и вышло, что проникший в Вершину отряд Госпожи оказался со всех сторон окружен врагами, и оставался один путь — наверх.

Коннахару и трем его спутникам, затесавшимся

ся в первую тридцатку, по всем законам полагалось пасть в самом начале рубки на узких лестницах. Первые мгновения после того, как прозвучал сигнал тревоги и стражи в крылатых шлемах набросились на них со всей яростью, все к тому и шло — двое сиидха, прикрывавшие принца своими спинами, один за другим пали под ударами противников. Но внезапно словно боевое безумие вселилось в юношу, и клинок в его руке зажил самостоятельной жизнью, страх исчез, а тело исполнилось жестокой радостью битвы. Меч Коннахара, сына Канаха, той ночью плел смертоносную паутину не хуже самых прославленных клинков Полуночной Твердыни. Краем глаза наследник аквилонского престола замечал, что и друзья его сражаются подобно львам — даже Лиессин, еще не до конца оправившийся от увечий. А уж по настоящему умелые воины рубились так, что глаз просто не различал их мечей, сливающихся в туманное пятно, и казалось порой, что один и тот же боец находится одновременно в трех местах — таково было действие заклатья Иллирет ль Хеллуаны.

Численное превосходство противника все же давало себя знать, действие заклатья рано или поздно должно было иссякнуть, и силы телесной оболочки имеют свой предел. Отряд Госпожи неуклонно, ярус за ярусом, продвигался к вершине башни, но чем выше, тем чаще то один, то другой воин Цитадели падал под ударами вражеских мечей. Коннахар даже не заметил, как и когда исчез Эвье Коррент. Он сам получил несколько

ран, по счастью легких, пот и кровь, сочащаяся из пореза на лбу, заливали глаза, меч намертво прикипел к ладони. Стражи в крылатых шлемах, не выдержав натиска, отступали перед ними, лестницы сделались такой ширины, что двоим уже было бы не разойтись. Тонкая фигурка Иллирет маячила в десяти ступеньках впереди, неся перед собой щит оранжевого огня, заставлявший лезвия мечей рассыпаться бурой ржавчиной, а живую плоть — серой золой.

Внезапно последний противник выронил меч и рухнул со стоном, а в лицо дохнул мокрый ветер.

Мраморный круг тридцати шагов в поперечнике, смутные фигуры с мечами на дальнем краю, и совсем рядом — гигант в развевающейся белоснежной накидке, с мечом на золотом поясе, сверкающим жезлом в левой руке и черным лицом демона из страшных преданий. Все поплыло у принца перед глазами, словно издалека, он услышал протяжный крик Иллирет, полный неизбывного горя, и увидел, как она бросается на гиганта в белом, заноса кинжал. Небрежным жестом Исенна перехватил ее кисть, выкрутил кинжал из ее пальцев и заставил рухнуть перед ним на колени. Иллирет повалилась ничком и осталась лежать неподвижно, очевидно, лишившись чувств.

Только тогда Коннахар заметил, что массивный треножник из толстых, грубо отесанных бревен пуст, и понял с удивившим его самого равнодушием, что их отчаянный прорыв был напра-

сен. Ротан и с ним еще несколько воинов кинулись к Исенне, поднимая мечи, но Драконий Жезл замерцал навстречу им холодным светом, и они замерли, будто замороженные в лед.

Коннахар почувствовал, как колдовское оцепенение охватывает и его, не давая шевельнуть ни рукой, ни хотя бы пальцем.

Исенна рассматривала их, поигрывая Жезлом. Издевательская ухмылка не сходила с его лица, страшного в своем уродстве и блестящего от влаги, сыплющейся из низко нависших туч.

— Так значит, вот они какие, герои, сражавшиеся как демоны, прошедшие сквозь моих непобедимых Бессмертных Клинков, как раскаленный нож проходит сквозь масло, готовые отдать свои жизни за жизнь своего Темного бога, — наконец насмешливо бросил он. — Невероятно. Никогда не видел таких заморышей. Одна женщина, наделенная жалким подобием Силы, двое юнцов, кажется, даже не старшей крови, один полукровка и прочие, едва стоящие на ногах. Ты, поднявший на меня меч! Давай, покажи, на что способен!

Ближайший к Аллериксу мечник вновь обрел способность двигаться. Молниеносно, без предупреждения, лишь крутанув клинком так, что воздух взвизгнул под лезвием, сиидха бросился на Безумца. Он был одним из лучших бойцов Цитадели, но его удар ушел в пустоту, острое высекло искры из мраморного пола — Исенна увернулся столь быстро, что глаз не уловил движения, пригнулся, спрятав за спину Жезл, и выхва-

тил из ножен собственный меч. Все кончилось за несколько ударов сердца. После короткого каскада выпадов, финтов и размашистых ударов, рассыпающих снопы искр, клинок Исенны вспорол противнику бедро и взлетел к горлу.

Сиидха покачнулся, глаза его помутнели. Он выронил свой меч и без звука перевалился за край площадки.

— Это все, на что вы способны! — загремел Исенна, выпрямившись в полный рост. Единственный глаз его сверкал, на белых, мокрых от дождя одеждах расплылся веер кровавых брызг. — Я мог бы убить каждого из вас поодиночке и всех вместе, а вы даже не коснетесь меня! Нет, я не стану марать свой меч вашей кровью, я сделаю так!..

Синяя вспышка Жезла — и воина рядом с Коннахаром охватило жадное пламя.

— И вот так!

Ледяная комета, сорвавшись с наверху жезла, ударила в одного из сиидха Госпожи. Мгновение тот простоял статуей синего льда, взорвавшись затем на тысячу прозрачных осколков.

— И еще вот так!

Коннахар напрягся изо всех сил, пытаясь разорвать путы обездвиживающего заклятия, но усилия его пропали даром — а тем временем невидимая колдовская сила вздернула в воздух Лиессина Майлдафа и принялась медленно, с натугой, скручивать его, как человек выжимает мокрую тряпку.

— Вы все умрете здесь! Ничтожества! Есть ли

хоть один, кто бросит мне вызов? — проревел Безумец, запрокидывая к небу изуродованное лицо.

— Есть, — ответил спокойный и суровый голос, от звука которого у Конни на миг остановилось сердце.

Посередине площадки, в центре восьмиконечной звезды из золотых полос, вделанных в мраморные плиты, распанулась трескучая фиолетовая арка магических Врат, а перед ней стоял демон — огромный, ростом под стать Исенне, в тусклой черной броне с серебряной насечкой, покрывающей его могучее тело с головы до пят, и черном шлеме с решетчатым забралом. В одной руке припелец держал круглый щит, блестящий, как зеркало, и усаженный по краям шипами. В другой у него была массивная двулезвийная секира драгоценной синей стали, и руны на изящно выгнутых лезвиях горели собственным огнем.

Исенна отшатнулся, вскидывая Жезл. Благой Алмаз метнул в незваного гостя острый синий луч, способный прожигать сталь, как пергамент. Но демон лишь пошевелил своим зеркальным щитом, и убийственный луч безвредно отразился в ночное небо — зато с Лиессина, уже начинавшего синеть, спали чары, и он, кашляя и задыхаясь, упал ничком. В тот же миг и сам принц ощутил, что парализующее заклятье больше не властно над ним.

— Вижу, я успел вовремя, — спокойно и насмешливо произнес человек в демонской броне голосом Конана, короля Аквилонии. — Коннахар,

сын мой, подойди ко мне. А ты, здоровяк, не вздумай ему помешать.

Исенна вскрикнул, яростно и зло, и метнул в пришельца ледяную молнию. Она покрыла корочкой льда мраморный пол под ногами гостя, не причинив ему видимого вреда.

— Кто ты, во имя Света?! — взревел Безумец.
— Откуда ты взялся?

— Это долго объяснять, — издевательски донеслось из-под решетчатого забрала. — Один мой друг, которого здесь у вас называют Темным Всадником, передает тебе привет.

В следующий миг сверкающий обоюдоострый клинок Аллерикса скрестился с оружием Конана, а сиидха Госпожи схватились со стражами Вершины. Снова запела острая сталь. Коннахар кинулся к отцу, но внезапно подпрыгнувший мраморный пол сбил его с ног — на Серебряные Пики обрушился первый подземный удар.

Лиессин, шатаясь, поднялся и побрел к сияющим неподалеку Вратам — с него было довольно. На Юсдаля-младшего накнулись сразу трое палачей, явно сочтя его легкой добычей. Они размахивали тесаками, а один намотал на кулак обрывок цепи, но Ротана еще не отпустило недавнее боевое безумие — не успело сердце стукнуть трижды, как двое нападающих валялись безжизненными тушами, а третий пятился, отмахиваясь тесаком от наседавшего юноши, пока не оступился с края башни и с диким воплем покатился вниз. Потомок Халька Юсдаля огляделся — никто более не отваживался напасть на него, меч-

ники Полуночной Твердыни добивали Стражей — подхватил на руки бессильно обвисшее тело Госпожи Иллирет и потащил к Вратам.

Во тьме Долины Вулканов разгорались многочисленные яркие огни, но то было не рукотворное пламя. Подземный огонь искал себе выход на поверхность. Новый толчок сотряс Вершину, и по мраморным плитам пробежали первые трещины.

— Коннахар! Сын мой! — кричал Конан, король Аквилонии, с трудом удерживаясь на ногах на качающейся, готовой обрушиться площадке. Он сбросил помятый шлем и отшвырнул щит. — Скорее! Башня вот-вот обрушится!

— Отец, я здесь!

Наследник аквилонского трона бросился к мерцающему portalу, но слова, произносимые еле слышным шепотом, заставили его задержаться.

...Исенна Феантари стоял на коленях, его меч валялся в двух шагах, и на выщербленном клинке переливался свет магических Врат, дробясь в каплях воды и крови. Секира киммерийца хлестнула его поперек груди, и кровь текла из-под судорожно стиснутых на рукояти Жезла пальцев Безумца, омывая сияющий кристалл. Губы его беззвучно шевелились, перечисляя какие-то имена. Внезапно альб возвысил голос, и Коннахар услышал:

— ...ценой крови и жизни, властью четырех стихий и моим истинным именем я, Экельбет Суммано Нуул, заклинаю: да будете вы гонимы и

ненавидимы, и возжелаете крови друг друга и иных живых существ, и уничтожите себя в жажде своей и закоснеете в убийствах. Проклятие мое на вас, отныне и навеки! Да сбудется по слову моему!

Киммериец сгреб сына за шиворот, швырнул в портал и сам прыгнул следом, а за ним с грохотом рухнули башни Серебряных Пиков, и расплавленная лава вырвалась на волю, смывая останки Полуденной Цитадели, уничтожая память о правых и виноватых, обмане и предательстве, великой силе и великой доблести.

Призрак

Конан в прекрасном настроении ехал по лесной дороге. Осталось позади напряжение последних дней, когда ему пришлось смириться с тем, что он стал жертвой сверхъестественных сил и должен был ждать помощи от мага. Маг смог изгнать и уничтожить демонов, что Конана вполне устроило, а то, что у мага не получилось взять демонов под свой контроль, так это даже к лучшему. Обойдется!

Каждый раз, когда Конан вспоминал расстроенное лицо мага, его прошибало на ухмылку. Неудавшийся властелин демонов, ха! Как и все маги, Косталис вел себя по-человечески лишь до тех пор, пока перед ним не замаячил призрак могущества. Как только у мага появляется только надежда, не возможность даже, а только надежда на возможность приобрести могущество, недоступное другим магам, так они готовы сломя го-

лову нестись в эту пропасть, попутно увлекая туда огромные деньги и окружающих людей, налаженную жизнь и равновесие Мироздания. Безумие какое-то!

Размышляя об этом, Конан не переставал следить за окружающим, отмечать, что дорога сильно заросла травой, то есть по дороге этой ездят довольно редко. Вот Конан проехал мимо старой вырубки, где уже поднималась молодая поросль деревьев, потом возле дороги открылось небольшое озеро, за ним открывался простор равнины. Конан остановился, спешился, привязывать лошадь не стал, только надел путы, чтобы она могла отдохнуть, а сам, оглядевшись, разделся и пошел в воду. Он с удовольствием смывал с себя пот и пыль нескольких дней, дым магических порошков и остатки обгоревшей бороды, вьевшийся запах крови и смерти.

Когда Конан вышел из озера, возле его лошади стояли четверо. С тяжелым чувством ожидания неприятностей Конан подошел к ним. У одного в руках был обнаженный меч Конана, у двоих — топоры. Молодые мужики, бородатые, неухоженные, одеты по-коринфийски, но вразнобой, новая одежда соседствует с суншим рваньем. На мордах — неприятные ухмылки. Сброд. Но держатся правильно — если напасть на одного, другие тут же ударят в ответ. Четвертый — мужик уже пожилой, тертый и битый, сильно хромая, обошел троицу вооруженных бродяг и, заходя сбоку, спросил:

— Проездом в наших краях или как?

— Гостил я тут, — ответил Конан, — у моего большого друга. Маг Косталис его зовут. Познакомиться не желаете?

— Ни к чему нам занимать внимание великого мага своими ничтожными личностями, — ответил хромой, делая еще один шаг вперед.

Оружия у него в руках Конан не видел, но руки тот держал так, что вполне мог прятать за предплечьями ножи. Как-то он очень уж не понравился Конану, чувствовалось, что из всей четверки он — боец самый опасный.

— А вас никто не учил, что брать чужие вещи вредно для здоровья? — спросил Конан, делая шаг в сторону от хромого.

— Нас учили, что прав тот, у кого в руках оружие! — сказал тот, который держал меч. Клинок лежал у него на плече, и сейчас он повернул корпус так, чтобы с плеча и ударить, без замаха.

— Вот чему я всегда в этой жизни удивляюсь, — сказал Конан, — так это почему каждый засранец, взявший в руки оружие, полагает, что он от этого уже перестал быть засранцем?

Он рванулся вперед, шнул крайнего топорника в колено так, что тот повалился, нелепо взмахнув своим оружием, второй топорник оказался перекрыт мужиком с мечом, а тот должен был наносить удар из неудобной позиции — с правого плеча, отведенного назад, да на правую же сторону.

Миг промедления оказался для него критичен. Конан перехватил руку с мечом, левой рукой как кувалдой ударил противника по ребрам

и, выворачивая свой меч из чужой руки, толкнул разбойника на второго. Конан уже перехватывал свой вновь обретенный меч для удара, как хромой разбойник в броске достал ноги Конана, оплел их руками и рванул в сторону.

Долю секунды Конан пытался устоять на ногах, но хромой не дал ему сделать хотя бы маленький шаг и восстановить равновесие. Падая, Конан извернулся и упал так, чтобы тяжестью падающего тела ударить хромого. Ему это вполне удалось, хромой заскрипел зубами от боли, но рванулся, как распрямляющаяся пружина, и рядом с горлом Конана прошел узкий клинок кинжала.

Хромой вцепился в киммерийца как пиявка, пытался бросить в глаза Конану песок, связывал движения и норовил пырнуть кинжалом. Вокруг топталась троица остальных разбойников, беспомощно пытаясь внести свой вклад в одоление киммерийца.

Конан подсек одному из них ноги мечом, ухватил, наконец, хромого за кисть руки с кинжалом и, закрываясь им от остальных разбойников, ударил его рукоятью меча в голову. Хромой потерял сознание, а Конан отшвырнул обмякшее тело, крутанул мечом, отгоняя нападающих, и вскочил на ноги.

Уцелевшие разбойники обрушились на него с ударами такой силы, что никакой доспех не выдержал бы их, попади они в цель. Но один удар Конан отбил в сторону, от второго уклонился. Сделав ложный выпад, Конан развернулся, рубая

нул топорника по руке, тут же атаковал второго и молниеносным ударом зарубил его.

Посмотрев на поверженных противников, Конан подошел к своим пожиткам, надел штаны и вернулся к разбойникам. Один из них был убит наповал, другой тихо истекал кровью, третий жалостно скулил, глядя на свою рану с невыразимым ужасом.

Хромой очнулся, сел и смотрел на приближающегося киммерийца. Рядом с ним лежал второй кинжал, но он не пытался взять его в руки. Облизнув губы, он сказал:

— Опередил ты меня, варвар, чуть-чуть опередил. Стар я, видимо, стал. Что же, празднуй победу, только когда-нибудь и на тебя найдется молодой и быстрый противник.

— Так какого рожна ты полез искать себе добычу не по зубам, старый волчара?

— А куда мне было деваться? В наемники калеку не берут, старых друзей жизнь повыбила. Собрал вот молодых, видим — путник нездешний, искать его никто не будет. С деньгами, наверное, едет. Да еще и без оружия застали... Ну так как? С собой ты нас всяко не потащишь. Так отпустишь или убивать будешь?

— Надо бы, конечно, вас прикончить. В бою бы я вас положил, глазом не моргнул. А сейчас — я не палач. Да и возиться с погребением неохота. Оставляю я вас, чтобы убитых похоронили. Кошелек-то мой успел прибраться?

— А как же.

Хромой бросил Конану его кошелек. Киммери-

еще проверил содержимое и подвесил кошелек к поясу.

— Кинжал тоже кинь.

Он забрал с собой кинжалы, чтобы у старого разбойника не было соблазна метнуть ему клинок в спину, сходил еще раз к озеру и отмыл меч. Хромой тем временем перевязывал раненого. Конан собрал вещи, сел на лошадь и поехал дальше по дороге. Настроение было мерзкое.

Дальнейший путь пролегал без приключений, дорога стала более торной и оживленной. Леса перемежались полями, стали попадаться деревни, стоянки углежогов, обозы, везущие бревна для строительства и соль на продажу, медь и руду для кузниц, продукты для горожан.

Переночевав в одном из селений, Конан отдал в стирку и починку одежду, узнал, что главный торговый город Коринфии — Монстардинос — уже недалеко.

Конан купил, как и собирался, новый меч, отдав в счет части оплаты старый выщербленный клинок, побрился и подстригся, так что в город он приехал не как бродяга, битый жизнью, а как уважаемый гость с тугим кошельком и серьезными намерениями. Кошелек, правда, уже изрядно опустел, но на некоторое время должно было хватить, если не пускаться в разгул и не швырять деньги на разные излишества.

В Монстардиносе Конан остановился на довольно приличном постоялом дворе. Здесь не было такого раздолья для воров, как в Заморе, но купцы Офира и Немедии были частыми гостями

в Коринфии. Купцы из Аквилонии тоже бывали, но реже. Соляные копи Коринфии снабжали солью Офир и Немедию, Бритунию и Замору. Медь, добываемая в Карпашских горах, пользовалась спросом во всех окружающих странах, товары с востока шли через Коринфию в Аквилонию и Немедию, в Офир и Бритунию.

Высматривая среди купцов такого, кто успел распродать товар, но не успел вложить полученные деньги в покупку другого товара, Конан помногу не пил, в драки не вступал, знакомился с городом и ждал. Хозяйка постоялого двора, молодая вдова по имени Оливиния, быстро прониклась симпатией к киммерийцу, и Конан не стал разочаровывать ее, да и с чего бы молодому здоровому мужчине было отвергать знаки благосклонного внимания к своей персоне? Так что через пару дней Конан перебрался из своей комнаты в хозяйские покои. Оливиния строила радужные планы на совместную жизнь, Конан же не спорил с ней, зная, что бессмысленно загадывать наперед. Кто знает, что готовит ему будущее?

Через несколько дней после того, как Конан появился в Монстардиносе, он увидел в сопровождении одного из купцов своего знакомого. Вечером они встретились в таверне, и Конан спросил:

— Скоро ли вы собираетесь обратно в Шадзар? У меня там остались кое-какие должники, я бы хотел, чтобы ты получил у них мои деньги и привез их мне. Я хорошо заплачу тебе. Кривой Максут выплатил мне лишь часть денег за те драгоценности, которые я отдал ему...

— Забудь, — отрезал Али. — Стражники выпотрошили лавку кривого Максута, а пока его водили к судье, лавка сгорела. И ты сам в этом виноват, Конан! Все знали, что кривой Максут скупает краденое, но пока это было в привычных пределах, это никого особо не волновало. Стража получала свой бакшиш, не давала чересчур распоясаться разной шусере, иногда ловила кого-нибудь из новичков и возвращала украденное, и всех это устраивало. Но ты, Конан, перегнул палку! Ну, обокрал ты половину шадизарских дворцов, но зачем тебе понадобилось красть королевские подарки у племянника короля?! Ладно, все знают, что король не больно жалуется своих родственников, но грабить их он позволить все равно не может. Это было чрезмерно, Конан. Стражников настропалили так, что они носом землю рыли. Никакие взятки уже не помогали. Пострадал не только Максут, еще несколько скупщиков краденного вычистили. Похватали много воровского народа, кого сразу убили, кого на каторгу закатали, один из воровских кварталов просто выгорел дотла. И вот опять же, Конан, ловит тебя стражник — это же не значит, что он враг тебе. Ну, дал ты ему в рыло, убежал, потом встретились, ты его угостил, выручкой поделился — и оба довольны. А ты что творил? После тебя троих стражников похоронили, это еще ладно, а двое калекami остались. Как ты думаешь, другие стражники сильно радовались, на это глядя? Они, конечно, начали вымещать зло на всех прочих. Так что в Шадизаре ты устроил

такую заварушку, что лучше тебе там не появляться. И денег не взыскать.

— Да я туда и не собирался. Ладно, Али, забудь. Не очень-то я и рассчитывал на эти деньги. Как сюда добирались, что слышно нового?

— Добирались обычно, старый тракт через перевалы. Я вот нанялся идти с соляным обозом. А на границе Офира и Коринфии, говорят, появился ночной призрак. Кого застанет ночью, того находят мертвым. Сначала, говорят, он бродил по Коринфии, потом объявился в Офире. Король Офира, говорят, согнал в приграничье лучших магов королевства и баронские дружины из окрестных округов. Впрочем, это же Офир! Там вечно какая-нибудь дрянь вызревает.

— О, я знаю, что с призраком делать! Тут один маг неподалеку живет. Он страсть это дело любит. Надо будет при случае ему подсказать, пусть скачет на границу Офира и ловит призраков, и ночных, и дневных, ха!

* * *

Тысячник Бертиозис сидел в своей парадной зале, перебирая пергаменты. Владелец серебряного рудника, один из богатейших людей Коринфии, он третий срок подряд избирался тысячником Монстардиноса. Войны не очень часто грозили Коринфии, но если не реагировать на мелкие стычки, то сосед может счесть такое государство легкой добычей. Такого допускать никак нельзя, поэтому тысячник внимательно следил за всеми

сообщениями о событиях в стране и в соседних государствах. Власть его держалась на авторитете, и он не мог злоупотреблять ею без того, чтобы подорвать свой авторитет. Неразумные приказы и самодурство, обычные для венценосных владык других стран, были для него непозволительной роскошью.

И вот сейчас он был в затруднении. Замора пользуется торговым путем через Коринфию и не заинтересована в нарушении существующего порядка. К тому же в последнее время в Шадизаре происходили серьезные стычки стражи с горожанами, город пострадал и сейчас отстраивается. Так что со стороны Заморы неприятностей ждать не следует.

Немедия давно точит зубы на Коринфию и с радостью присоединила бы ее к своим владениям, но этому воспротивится Аквилония, которой усиление Немедии совершенно ни к чему. Офир, богатый золотом и сильный своей тяжелой конницей, может сделать попытку захватить южные районы Коринфии.

В связи с этим непонятно — есть ли появление ночного призрака провокация офирских магов, или это в самом деле новая проблема Коринфии, которую придется решать силами своих или нанятых магов.

И еще одно сообщение о появлении в пограничном городке у Карпашских гор какого-то ужасного оборотня. Бертиозис отметил себе послать гонца к магу Косталису — выяснить судьбу оборотня, и может ли появление оборотня быть

связано с ночным призраком, и готов ли маг отправиться к границе Офира для борьбы с призраком.

— А ведь этот оборотень, Конан из Киммерии, — сказал помощник тысячника, оторвавшись от записей, — он ведь сейчас в городе. Более того, он живет на постоялом дворе твоей племянницы Оливинии.

— Вот как? Интересно, надо будет зайти к племяннице, поговорить. Значит, у Косталиса он не задержался... А Косталис в городе не появлялся на этих днях?

— Насколько мне известно, нет.

— Нет, значит, нет. Косталис скрывается не любит, если бы приехал, то объявился бы... Зайди к начальнику стражи, пусть десяток стражников подежурят у постоялого двора Оливинии. Если киммериец вздумает бежать, пусть хватают. Ну а если мы с ним нормально побеседуем, то пусть над душой не стоят.

— Насколько я информирован, десяток стражников может не хватить. Это тот самый Конан, из-за которого в Шадизаре неделю стража билась с ворами и выжгла целый квартал города.

— Да? Ну, тогда пусть стражники готовят засады в переулках вокруг. И усилят охрану городских ворот. Но больше десятка все равно не надо. Пусть справляются.

Предосторожности оказались излишними. Конан побеседовал с тысячником, и тот остался вполне удовлетворен рассказом киммерийца. Более того, Бертиозис решил предложить Конану

работу. После ужина за кувшином офирского вина они продолжили беседу.

— Знаешь, Конан, какая у меня основная проблема в исполнении должности тысячника? — спросил Бертиозис. — Те люди, которые блистательно проявили себя на поле боя и заслужили, честно заслужили звание сотников, часто не соответствуют моим требованиям в мирной жизни. Они отличные воины и замечательные командиры в бою. Но что от них требуется в дни мира? С одной стороны, учить новобранцев, не распускать ветеранов, бдительно нести охрану и быть готовым встретить врага. С этим, как правило, они справляются. Как правило, потому что некоторые распускаются сами, и приходится принимать меры. Но с другой стороны, они должны быть политиками и разведчиками. Постоянно собирать информацию обо всем, происходящем вокруг. Желательно не просто посылать воинов преследовать банду разбойников или выбивать людей какого-нибудь оголтелого барона с нашей земли. Желательно предвидеть такие события и не идти вслед за событиями, а предвосхищать их. Особенно когда эти события оказываются не набором сиюминутных проблем, а складываются в события государственного значения. К сожалению, мы не можем позволить себе содержать постоянных разведчиков, и вынуждены просто собирать все слухи, которые привозят купцы из сопредельных стран. И вот сейчас меня более всего беспокоит обстановка на границе с Офиром. Месяц назад ко мне стали поступать первые сооб-

щения о каком-то ночном призраке. Встречи с ним однозначно оканчивались смертью человека, имевшего пагубную привычку ходить по ночам в одиночку. Кстати, ты не находишь, что этот призрак — на самом деле идеальное средство против воров? Ха-ха-ха! Не обижайся, Конан, слава о твоих подвигах достигла даже наших мест, но у нас тебе вряд ли удастся преумножить свою воровскую славу. У нас не Шадизар! У нас заключаются крупные сделки между купцами разных стран, но при этом редко торгуют драгоценностями. Слоновая кость и пряности, рабы и шелка — это не наш товар. Наши товары более весомы и обыденны. Нашу соль покупают четыре державы, но согласись, что украсть повозку с солью — это не то же самое, что ларец с драгоценными камнями! Если ты собираешься быть вором и дальше, тебе придется искать другой город и другую страну. Но зачем тебе это надо? Оливиния крепко держит свое хозяйство, и все же мужская поддержка ей не помешает. Обживешься у нас, будет у тебя дом и семья, дети и уважение соседей. Я не думаю, чтобы ты хотел обокрасть Оливинию и сбежать с ее деньгами?

— Я никогда не обижал женщин, Бертиозис! Но к чему ты толковал про офирскую границу и ночного призрака?

— А вот к чему. Если ты всерьез намерен остаться жить в Коринфии, я помогу тебе всем своим влиянием. Оливиния — моя племянница, и я чувствую некоторую ответственность за ее судьбу. Но пока я хотел бы послать тебя на офир-

скую границу. Туда же я посылаю мага Косталиса. Если призрак — порождение сверхъестественных сил, то уничтожить его — это прямая обязанность Косталиса. В этом случае ты окажешь ему любую посильную помощь, а потом вернешься и доложишь мне обстановку на границе. А если эта возня с призраком служит прикрытием для подготовки к войне, то ты постарайся предупредить меня об этом.

— А если я не успею предупредить?

— Тогда надеюсь, что ты примешь участие в этой войне. Я уже сейчас перевел на офирскую границу половину наших постоянных сил. Если начнется война, они будут сдерживать армию Офира, пока не подойдет ополчение. Ты, я думаю, будешь там полезен. Ты представляешь тактику сдерживания? Стички с передовыми дозорами, засады и внезапные нападения... Ты сможешь проявить себя и стать потом сотником. Это немалая честь. Я мог бы послать с поручением кого-нибудь из своих проверенных людей, но это либо солдаты, которые могут сражаться и выполнять четкие приказы, но плохо ориентируются в политике, либо торговцы, которые оценят ситуацию, но не смогут решительно вмешаться в ход событий.

— Насколько сильна армия Офира?

— Насколько велик будет риск? Я принимаю меры, как военные, так и политические. Для Коринфии война может кончиться в самом худшем случае потерей южных районов. Ну а для каждого воина, который погибнет в этой войне, будет

важна не столько сила армии, сколько его собственная удача.

— Бертиозис, риск меня не пугает, но я не привык строить далеко идущие планы. Тем более делать ставку на победу или поражение в войне. Сколько ты мне заплатишь за эту работу?

— Так ты все же не намерен оставаться в Коринфии?

— Не знаю. Я принимаю твоё предложение и постараюсь сделать все возможное, чтобы выполнить твоё поручение. Но мало ли что может произойти? Ты тоже смертен. Давай лучше договоримся об оплате.

— Хорошо. Я заплачу тебе двадцать золотых сейчас. И окончательный расчет — в зависимости от того, что будет происходить и как ты себя покажешь. Я заплачу тебе за каждый день двойную ставку коринфийского солдата, если войны не будет, и пятикратную, если тебе придется принимать участие в боевых действиях. Оплата выдающихся подвигов не оговаривается заранее, такие вещи оцениваются отдельно. Ну а военная добыча — естественно, это зависит только от тебя.

— Годится, — ответил Конан.

Плата была действительно неплоха для наемника, более того, Бертиозис шел на некоторый риск, отдавая деньги вперед известному вору. Конан предполагал, что Бертиозис провоцирует его. Если Конан захочет сбежать с доверенными ему деньгами, то для Бертиозиса лучше, если это случится раньше. Но Конан не стал выяснять это открыто: они оба понимают ситуацию, к чему

произносить пустые слова? Чтобы склонить собеседника ко лжи?

— Да, а что ты говорил о призраке? — спросил Конан. — Он убивает ходящих по ночам в одиночку? Только в одиночку?

— Именно так. Никогда не нападает на нескольких человек, только на одиночек. При этом на человеке не остается никаких ран, следов яда или удушения.

— Но если призрак нападает только на одиночек, то откуда стало известно, что это призрак? Кто-то же его должен был видеть? Или у вас там, на южной границе такие следопыты, что распознают следы призраков?

— В том-то и дело, что следов он никаких не оставляет. И видели его только издали, шагов с пятидесяти, не ближе. Ну, собственно, что видели? Неясный образ в лунном свете. Нашлись там один маг и двое воинов, достаточно смелые и глупые, чтобы в одиночку попытаться выследить призрака. И наши силы уменьшились на одного мага и двух смелых воинов. Так что я тебе не советую повторять сей доблестный поступок. В общем, призраком должен заняться Косталис. Но если этого призрака вызвали офирские маги, то тебе придется охранять Косталиса, пока он будет занят магическим поединком.

— Не люблю я магов, — проворчал Конан, наливая себе в кружку вина.

— Ну и не люби! Но, как я понял, твои встречи с другими магами заканчивались исключительно смертельно для этих магов... а с Костали-

сом ты разъехался все-таки без обоюдного ущерба. Так что не настраивай себя против него заранее. Он человек благоразумный и не спесивый. Я думаю, вы сработаетесь.

— Может, и сработаемся. Только чувствую я, что Косталис не очень-то обрадуется моей помощи! Он, вполне вероятно, пожелает не просто уничтожить призрака, а подчинить его своей воле и использовать по собственному усмотрению! А я ему в таком деле не помощник!

— Тут я с тобой согласен. Но видишь ли, в чем дело — мне надо, чтобы призрака не стало. По крайней мере, не стало в моей стране. А что с ним сделает маг, меня интересует меньше всего — пусть он его уничтожит, прогонит, на цепь посадит или в рассоле замаринует!

* * *

Когда Конан подъезжал к границе с Офиром, навстречу ему уже шла волна войны. Не жалея коней, скакали от границы гонцы, разнося по стране весть о том, что офирские войска вступили на землю Коринфии. Пастухи угоняли стада скота, собирались отряды ополчения, остающиеся готовили тайники и укрытия. Сбор ополчения шел довольно организованно — отряды вооруженных мужчин постепенно собирались в армию. Пешие отряды шли к рубежу, расположенному в двух дневных переходах от границы, а конные устремлялись к границе, чтобы совместно с постоянным войском прикрывать сбор ополчения.

Под вечер Конан смог разыскать сотника Пардика и передать ему пергамент от Бертиозиса.

— Ну, это все отменяется, — сказал Пардик, бегло просмотрев послание. — Сейчас мы отступаем на рубеж сбора ополчения и ничего, кроме как прикрывать отступление, я тебе предложить не могу. Боец ты, должно быть, неплохой, но если будешь сражаться с нами, запомни — никакой самодеятельности! Завтра утром мы встанем заслоном перед офирцами. Удержаться не удержимся, но передовые отряды нас с этой позиции не собьют, им придется собирать армию в кулак, тогда мы отступим, но полдня их заставим потратить. Сейчас можешь устроиться, где найдешь свободное место в лагере, а завтра я тебя пристрою к кому-нибудь.

— А ночную вылазку делать не собираетесь? Я бы сходил тоже.

— Ты? Хм... Ладно, будь пока у ближайшего костра. Соберемся, я тебя позову.

Конан подсел к костру, возле которого как раз один из воинов рассказывал ополченцам:

— Вошли они, именем короля прочитали намерение искоренить злобного призрака, порождение зла. Для того идет на наши земли могущественный маг. А войска так — для охраны законных интересов короля Офира... И скорым маршем направляются вдоль по тракту. Выехали мы им навстречу — четыре сотни конных против четырех тысяч офирцев. Но мы встали у брода, так что мимо нас не пройти, сотник наш выехал и по всем правилам предложил им валить на хрен.

Они на это отвечают не хотите по-хорошему, давайте воевать, вот наш поединщик». И выходит вперед воин в сверкающих доспехах, высокий, с алебардой в руках. На другом конце алебарды — железный шар. У нас нашелся охотник сразиться, вышел в поле — офирцы обхотались. Сущий мальчишка против их бойца. А паренек тем временем раскрутил пращу и залепил свинцовый шар прямо в голову офирцу. Такого удара хватит кому хочешь, хоть в шлеме, хоть без шлема. Но офирец только покачулся и побежал на нашего. Тот влепил ему еще один снаряд, отбежал, начал в третий раз крутить пращу, но тут ему самому стрела в грудь пришла. И понеслась на нас вся эта масса офирской конницы...

— И что было? — не выдержал один из слушателей.

— А ничего, — равнодушно ответил рассказчик, — развернулись мы и поскакали в отрыв.

— И офирцы вас не догнали?

— Нет. Потому что брод мы густо засыпали железным чесноком.

Вокруг костра раздался дружный хохот. Конан тоже усмехнулся. Железный чеснок — четыре штырька, сваренных так, что как его ни брось, он встанет на три штырька, а четвертый торчит вверх. Наступить на него болезненно как человеку, так и лошади. Так что на переправе должна была получиться такая каша, что коринфийские воины не только могли оторваться от преследования, но и расстрелять на переправе половину офирской конницы.

— Мы запасы железного чеснока пять лет готовили, — добавил рассказчик, — вот и пригодились.

— Но вообще-то офирцы на Монстардинос идут?

— Конечно. Тут ведь как — мы стремимся их задержать, собрать ополчение и разбить их в поле. А они хотят разбить нас до того, как ополчение будет готово к битве, войти в Монстардинос победителями и подписать мир такой, какой им надо.

— Ну и как, сдержим мы их?

— Конечно. Мы небось думали, как будем встречать их баронскую конницу.

К костру подошел сотник Пардик и позвал Конана с собой. Отряд для ночной вылазки насчитывал два десятка воинов, командир отряда придирчиво осмотрел Конан, велел ему надеть темную рубаху и зачернить смолой клинки кинжала и меча, чтобы не блеснули в темноте. Тут же Конану подали все необходимое. Вокруг приглушенно лязгало железо, притиралось снаряжение, проверялись луки. Наконец, по сигналу сели на коней и выехали из лагеря. Ехали лесом и в сгущающихся сумерках оказались на опушке. Впереди, в поле, шагах в пятистах был виден лагерь офирской армии.

— Правильно расположились, — сказал вполголоса командир отряда, — стрелами не достанешь, большим отрядом сквозь лес не подойдешь. И охрана ходит правильно — по двое и в виду друг друга.

Разведчики тем временем проверили окрестность леса и убедились, что офирских патрулей здесь нет.

— А чего же они в лес патруль не послали? — спросил Конан.

— А для того мы им весь день покоя и не давали. Войско идет в окружении конной разведки, и впереди, и по флангам, чтобы противник не попал неожиданно. А мы весь день нападали на них. Так что разведка их жмет к основным силам. Выждем пару часов и сходим к их лагерю. Надо бы пленного достать.

— Четыре тысячи конницы, я слышал?

— Да. И до трех тысяч пехоты. У нас должно собраться с ополчением до восьми тысяч пехоты и до полутора тысяч конницы. Но силы трудно сравнивать. У них пехота — вспомогательные силы, основная ударная сила — конница. А у нас пехота должна будет принять удар конницы и выстоять.

— Понятно. Как пойдем к лагерю?

— Выдвинемся на расстояние полета стрелы, пять человек пойдет и постарается взять часовых, на отходе прикроемся железным чесноком, и лучники нас поддержат стрелами.

Как всегда бывает в жизни, дело пошло не так, как задумывалось. Только собрались выдвигаться из леса, как к командиру бесшумно приблизился один из его разведчиков.

— Офирский патруль, — шепнул он, — с полсотни человек идут вдоль опушки леса. Выйдут прямо на нас.

— Ну что, киммериец? — спросил командир.
— Покажем им, как сражаются настоящие воины?

— Конечно, — ответил Конан, беззвучно вынимая свой меч из ножен.

— Тогда делаем так: наши выстрелят, и мы с тобой атакуем. Наше дело будет — порубить как можно больше офирцев, а мои люди нас будут прикрывать и возьмут пленников.

— В спину по нечаянности не залезят?

— Боги посылают нам удачу, киммериец. Месяц светит нам в спину. Все, затаились.

Патруль офирцев подошел к отряду разведчиков почти вплотную, когда раздался свист и воздух пронзили стрелы. В группе офирцев раздались крики боли и проклятия, но там тоже были люди опытные, определили плотность залпа, что стрелков не очень много, что расстояние до стрелков мало, и почти сразу раздалась команда офицера:

— Вперед, руби их!

Офирцы набежали плотной кучкой, и на встречу им бросились Конан и командир. Молниеносными ударами они сразили первых противников, а второй залп стрелков поразил тех офирцев, которые оказались справа и слева от основной группы. И началась мясорубка. Офирцы были уже так близко, что стрелки оставили луки и схватывались врукопашную. А в центре битвы властвовал киммериец. Он вырвался вперед и рубил врагов как ангел смерти. Ни о каком фехтовании думать было невозможно, набегаю-

щие солдаты видели перед собой только темный силуэт и получали удары меча Конана, не успев понять, откуда на них рушится этот удар. Командир чуть отстал от киммерийца и, сообразив, что в такой ситуации главное — не мешать Конану, стал прикрывать ему спину, встречая точными ударами тех офирцев, которые пытались обойти свирепого бойца. Конан полностью отдался ритму боя. Стремительно нанося удары, он совсем не думал о защите, он доставал противников раньше, чем они могли дотянуться до него или защититься от его ударов. А сила его ударов была такова, что одного удара хватало с избытком, чтобы выбить из боя любого противника.

И оказалось, что численное превосходство офирцев вдруг исчезло, как туман. И самые смелые с отчаянием кинулись на Конана с последней надеждой достать таки этого грозного воина, самые трусливые побежали к лагерю, призывая подмогу громкими криками, а самые умные затаились во тьме, надеясь отсидеться и уцелеть. И не повезло ни первым, ни вторым, ни третьим. Конан срубил последних офирцев, атаковавших его, и напряженно замер, ожидая, не появится ли еще какая опасность. Стрелки расстреляли из луков бегущих к лагерю и теперь быстро проверяли окрестности в поисках притаившихся умников.

Конан порылся в куче порубленных им воинов, срывая с них кошельки, цепочки, амулеты и засовывая себе за пазуху. В лагере слышали шум битвы и крики, там бегали и суетились, но

пока на помощь патрулю подоспел новый отряд, коринфийские разведчики уже садились на коней. С собой увозили пятерых своих раненых и двоих пленных, взятых в рукопашной. Разведчики уходили знакомыми тропами, бросив позади несколько горстей железного чеснока.

Приехав к своим, сдали пленников для допроса сотнику Пардику, разбудили лекаря, чтобы он занялся ранеными, и отправились спать. Разведчики были слишком измотаны, чтобы обсуждать вылазку, но по сдержанным репликам и общему настроению чувствовалось, что они оценили силу и ловкость киммерийца.

Утром разведчикам дали отдохнуть чуть дольше, чем остальным. Конан умылся и переложил трофеи в свой кошелек. Конные сотни коринфийцев уже заняли подготовленную позицию. Разведчики в составе отборного отряда стрелков сотника Пардика выехали позже.

— Ты хорошо себя показал, Конан, — приветствовал его сотник. — Я оставляю тебя в своей сотне. Мы обычно занимаемся разведкой, рейдами, засадами, а битве стоим позади всех, чтобы ударить в критический момент боя. Согласен?

— Согласен.

— Пленные рассказали, что армию ведет граф Тормез. То есть это не королевская армия, а дружины северных баронов — вассалов графа. Тем лучше для нас.

— То есть можно будет обратиться к королю с жалобой на действия графа?

— Э, нет! Если мы разобьем войска графа, то

король сделает вид, что граф действовал против его воли. А если граф победит, то захватит часть наших земель именем короля. И король возражать не станет. Так что биться нам придется в любом случае. Единственное, что здесь оказывается в нашу пользу, — баронские дружины будут биться по собственному усмотрению, без единого руководства.

— А нельзя ли попытаться разжечь какую-нибудь застарелую вражду между баронами?

— Нет. То есть я знаю, что некоторые бароны не очень ладят между собой, но в офирской системе это не имеет большого значения. Если враждующие бароны подчиняются одному графу, он не допустит, чтобы их вражда привела к ослаблению одного из них и усилению другого в этой вражде. Он просто вынесет вердикт и потребует прекратить враждебные действия.

— А если барон не согласится с вердиктом?

— Тогда против него выступят все вассалы графа, и он не устоит. Точно так же, если граф не подчинится королю, на него будет двинута объединенная сила других графов. Весьма устойчивая система. По крайней мере, пока королевская власть сильна. Но сейчас важно не это. Граф Тормез обзавелся поддержкой весьма сильного мага. В войске ходят слухи, что маг обещал графу, во-первых, неуязвимость, во-вторых, бессмертие. Пленные не могли объяснить, как это надо понимать.

Отряд сотника Пардика выехал на небольшой холм, и перед ними открылась позиция войск.

Дорога проходила здесь между двух лесов, и коринфийцы перекрыли проезд срубленными деревьями, так что оставался только узкий проход. Позади завала располагались отряды конных лучников.

— А обойти нас они не могут? — спросил Конан.

— Могут, конечно. Но для этого им придется дробить силы и тратить время. Так что скорее всего они будут пробиваться здесь.

Действительно, по ту сторону завала офирские войска строились для атаки. Отряды пеших лучников выдвигались на дистанцию прицельной стрельбы, конница готовилась к атаке. Потом вперед вышел высокий воин, весь закованный в сверкающие доспехи, с алебардой в руках, с красным султаном на шлеме. Он уверенно шел к завалу, выкрикивая вызов на поединок. Лучники, вышедшие на линию стрельбы остановились было, потом начали очень медленно продвигаться вперед, сокращая дистанцию.

— А выйду я против него? — обратился Конан к Пардику. — Посмотреть хочу, какую это неуязвимость ему наколдовали. Вот только прочность его доспехов я проверять своим мечом не хочу. Найдется для меня секира на длинном древке?

Секиру нашли. Тяжелая секира на древке, окованном железом, была более пригодна для того, чтобы прорубать ворота крепостей, чем для поединка в поле, но Конан остался ею доволен. Сейчас для него было главным получить оружие с возможно более тяжелым ударом. Конан подье-

хал к завалу, спешился и пошел навстречу рыцарю. Они сошлись, раскручивая каждый свое оружие, чтобы используя набранную скорость движения, нанести удар быстро и сильно.

Рыцарь ударил первым. Он отлично владел алебардой, но недооценил скорость движений Конана. Тот мгновенным движением в сторону пропустил смертоносное лезвие мимо себя и нанес удар сам. Секира врезалась между шлемом и латами рыцаря, и тут же Конан вынужден был отскочить, чтобы не получить удар тупым концом алебарды с тяжелым железным шаром.

Конан ничего не понял — его секира как будто ударила по железной статуе. Будь доспехи рыцаря трижды непробиваемыми, удар такой силы должен был снести его с ног! А рыцарь уже наседал на Конана, атакуя то лезвием алебарды, то шаром. Конан уклонялся, отбивал удары, потом смог разорвать дистанцию, крутанул секиру и снова пошел в атаку.

В этот раз он смог рубануть рыцаря по ноге, принял удар алебарды на древко секиры, мгновенно отметив краем сознания, что его удар вновь не причинил рыцарю никакого вреда, сцепил лезвие секиры с лезвием алебарды, и, удерживая секиру одной рукой, другой рукой схватился за тупой конец алебарды.

Поединок из оружного боя превратился в борьбу. Рыцарь сделал несколько рывков, убедился, что не может освободить свое оружие, выпустил его из рук и ударил Конана рукой в латной перчатке. Удар рассек киммерийцу бровь и

заставил отшатнуться. Рыцарь размахнулся снова, но Конан бросился вперед, отбросив оружие в сторону, обхватил рыцаря руками, напрягся, оторвал его от земли и швырнул на землю.

Не дав ему опомниться, Конан тут же бросился на него сверху, заломил руку, взвалил себе на спину и побежал к своим. Стрелы били ему вслед, рыцарь дергался и ругался. Лучники Коринфии тоже начали стрельбу, и под их стрелами дрогнули офирские стрелки, кто из них падал, пронзенный стрелой, кто бежал назад, кто просто не мог стрелять в суматохе. Но офирская конница уже настигала Конана. Он задыхался под тяжестью рыцаря и слышал за своей спиной топот коней.

— Бросай, не успеешь! — кричали с коринфийской стороны.

Конан свалил рыцаря под копыта настигающих его лошадей и стремительным броском ушел в засеку. На выходе ему сразу подвели лошадь, и он поскакал прочь. Офирские копники прорывались сквозь завал, другие растаскивали стволы, чтобы освободить проход. Офирские военачальники вновь организовали своих стрелков, те под прикрытием щитоносцев вышли к завалу и снова повели стрельбу.

Мелкие отряды офирцев просачивались через лес справа и слева от завала. Пардик скомандовал отступление. Коринфийские лучники отбили охоту у самых быстрых офирских наездников преследовать их малыми силами, поэтому отступили в полном порядке.

— Ну и как тебе этот Неуязвимый? — спросил сотник подъехавшего Конана.

— Проклятая магия, — проворчал Конан, — я как будто по скале бил секирой. Ладно бы это были просто непробиваемые доспехи, но мои удары должны были сбить его с ног, даже не пробив доспехов.

— Это я и так понял, — возразил сотник, — меня больше волнует — как мы будем его сдерживать в день большой битвы?

— Да так же, — усмехнулся Конан, — ему можно спутать ноги, можно накинуть полотнище ткани на голову, можно удерживать алебарду и не дать сражаться... Если он Неуязвимый, то достаточно легко будет с ним справиться, не уязвляя его!

— Видишь ли, если он будет снова действовать в одиночку, то да. Но я полагаю, что он уже наигрался в неуязвимость и будет идти в бой не в одиночку, а во главе отряда, да под прикрытием лучников. Именно для того, чтобы сокрушать наши ряды, не опасаясь попасть в какую-то ловушку. И мне становится не по себе, когда я представляю себе, как он вломится в строй нашего пешего ополчения... А этого не избежать, потому что в поле наша конница не сдержит офирскую. У нас здесь всего шесть сотен воинов, остальные — ополченцы. Среди них есть неплохие наездники, стрелки, но сражаться в конном строю они не приучены. Я пытаюсь использовать их в засадах, для того, чтобы гонять мелкие отряды офирцев. Но в поле, если придется бросить

их в шишку грудь на грудь, они просто полягут, и всё.

— Нам навстречу кто-то скачет...

Это оказался маг Косталис с шестеркой слуг.

— Приветствую тебя, Пардик, — сказал он. — Меня вызвал Бертиозис по поводу призрака, появившегося в приграничье. Но в дороге я узнал, что сейчас у нас будут другие задачи...

— Именно. И мы очень рассчитываем на твою помощь, уважаемый Косталис. То есть мы делаем все, чтобы военные действия сложились для нас успешно, а вот принять меры против магического вмешательства со стороны офицеров — тут мы надеемся только на тебя.

— А что, были уже такие случаи?

— Граф Тормез пользуется доспехами с заклятием неуязвимости, — сказал сотник, — а пленные говорят, что маг обещал ему еще и бессмертие.

— Вот как, — задумался Косталис, — интересно...

— Мы тут придумали несколько способов, как управиться с Неуязвимым, — продолжал сотник, — не далее, как сегодня утром наш друг Конан успешно с ним сразился и едва не пленил его. Конан из Киммерии, он тебе знаком.

Маг отыскал глазами среди сопровождения сотника Конана и возмущенно возопил:

— Ну, конечно! Без этого разрушителя обойтись никак нельзя было! Пардик, я не понимаю, зачем тебе моя помощь, если у тебя есть этот варвар? Пошли его, и он сокрушит любое маги-

ческое влияние на расстоянии в десятков миль! Ему вон даже Неуязвимого уделать проще, чем твоему десятнику наорать на новобранца. Зачем тебе еще и маг, Пардик?!

— Чего ты так кипятишься, Косталис, — спросил Конан, усмехаясь. — Вроде бы мы с тобой мирно разъехались?

— Мирно? Мирно! То есть мне еще надо поблагодарить всех известных мне богов, что когда ты уехал из моей башни, она стояла невредимой, а не лежала кучей дымящихся развалин? А я за свои труды по изгнанию демонов не остался лежать с перерезанным горлом? А?!

— Ну... да...

— Тихо! — рявкнул сотник. — Конан, не дразни мага, нам без него не обойтись! Косталис, этот киммериец сейчас — один из лучших бойцов в нашей армии. И доверенный посланник тысячника Бертиозиса. После разгрома офицеров ты сможешь обсудить с Бертиозисом размеры причитающегося тебе вознаграждения, включая ущерб от киммерийца. А сейчас я запрещаю склоки!

Косталис сделал обиженное лицо, но замолчал и продолжил путь со своими слугами в некотором отдалении.

Отряд Пардика остановился в одной из деревень. Конан прикинул, что здесь была примерно треть коринфийских конников. Остальные остались изматывать врага — угрожать фланговыми ударами, доставать стрелами и отходить, не принимая боя.

Сотник расположился в таверне, и туда посто-

янно подъезжали гонцы с сообщениями о передвижении неприятеля. Вот подъехал отряд в полсотни человек, командир отправился в таверну, а остальные устало расседывали коней.

— В засаду влетели, — объяснил один из них в ответ на вопрос одного из любопытствующих, — семерых потеряли.

— В засаду? Как вам на ровном месте это удалось?

— Слушай, если ты дурак, то лучше помолчи, ладно?! На ровном месте... Встретили разъезд офирцев в десяток конников, погнались за ними. А они привели нас в засаду — в ровном месте едут два отряда, а отступающие уходят между ними. И вокруг нас вдруг оказываются враги — и справа, и слева!

Подошедший воин позвал Конана к сотнику, они вместе прошли к магу, который в уединенной комнате раскладывал свои магические приспособления.

— Ну как, что-нибудь получается? — спросил сотник.

— Что-нибудь, — пробормотал Косталис, направил на Конана жезл с голубым камнем в наверх и начал шептать непонятные слова.

Конан схватился за рукоять своего меча и шагнул в сторону.

— Ты это прекрати! — потребовал он угрожающим тоном. — Я по горло сыт магическими штучками и не потреплю, чтобы их на мне применяли снова!

— Успокойся, — примирительно сказал маг, —

я ничего не собираюсь делать с тобой... — Подумал и добавил: — Без предупреждения.

— И с предупреждением не надо, — твердо сказал Конан, — если не хочешь попробовать остроту моего клинка. Без всякого предупреждения в любом случае.

— Говорю же тебе, успокойся! Просто ты сегодня был в непосредственном контакте с Неуязвимым, и на тебе осталась аура его магии. Я ее чувствую. Иначе бы я тебя близко к себе не позволил бы допускать. Да, — обратился Косталис к Пардику, — я воспользуюсь этим следом магии, чтобы дотянуться до офирского мага.

— Когда? — спросил сотник. — Завтра утром мы должны покинуть это место.

— Когда? — переспросил маг. — Это несущественно. Сейчас меня ограничивает не время, а место. Здесь слишкомлюдно! Невозможно работать. Мне нужно чистое пространство, желательно какой-нибудь холм, возвышенность. Найдется здесь такое?

— Найдется. В миле отсюда.

— Вот и хорошо. Значит, мы с киммерийцем едем туда. Кто-нибудь покажет нам дорогу?

— Покажет. Более того, я намерен дать вам сотню воинов для охраны.

— Давай полсотни, — поморщился маг, — и пусть они будут от нас шагов, скажем, за пятьсот. Да, ближе не надо.

— Хорошо. То есть с внешней стороны они вас прикроют. А вам самим помощь точно не понадобится?

— Точно. Я все готовлю и выйду.

Конан с Пардиком спустились в таверну, где сотника уже ждали двое гонцов. Один доложил о передвижении офирцев, другой был от Бертиозиса и сообщил, что сбор ополчения идет успешно, и поле для битвы готовится в одном переходе от Монстардиноса.

— Скажи, Пардик, — сказал Конан, — ты вроде бы сотник, один из нескольких, а командуешь сейчас войском в полторы тысячи человек. Это как?

— К началу большой битвы каждый сотник будет иметь в подчинении от пятисот до двух тысяч человек. А на немедийской границе у оставшихся там сотников может остаться от двух десятков до полусотни воинов. Все силы стягиваются для большой битвы, а оставшиеся на спокойной границе просто набирают в состав своих сотен ополченцев и демонстрируют немедийцам, что граница по-прежнему плотно прикрыта. А я — я командую войсками по оговоренному заранее плану. Бертиозис сейчас готовит ополчение, вооружает безоружных и направляет их на выбранную позицию. А командовать войсками буду я.

* * *

Когда граф Тормез после утреннего поединка вошел в свой шатер, он уже не кипел гневом, а лишь тихо клокотал. Он резкими движениями расстегнул сложную застежку пояса, и сверкаю-

щий металл доспехов растекся, свернулся в ртутные капли и втянулся внутрь пояса. Граф с силой швырнул пояс в раскрытый дорожный сундук и рывкнул оруженосцу:

— Мага ко мне! Быстро!

Маг Азаликс появился у графа полгода назад и продемонстрировал поистине великие умения. Правда, граф пока не рискнул опробовать на себе эффективность бессмертия. Бессмертие маг показывал на себе — позволил разрубить себя мечом, после чего превратился в туманное облако и восстановился в течение нескольких минут в прежнем виде. Граф сам наносил удар и вполне был уверен, что это была не иллюзия. Правда, сначала маг вызвал призрака и отдал ему жизнь одного за другим двух заключенных из темниц графа. Потом маг стал выпускать призрака за добычей на территорию Коринфии.

Вдохновленный открывающимися возможностями, граф подготовил завоевание южных районов Коринфии, в перспективе рассчитывая на борьбу за офирский престол либо за создание собственного королевства. Почему нет, если соседняя страна ждет только решительного вождя, который превратит ее в могущественное королевство?

— Повелитель звал меня? — В шатер вошел маг.

— Да! Ты видел поединок?

— Да.

— И что? И чего стоит твоя хваленая неуязвимость? Если и обещанное тобой бессмертие ока-

жется такой же пакостью, то не знаю, чем я вознагражу тебя!

— Я дал именно то, что обещал, — возразил маг, — не больше и не меньше. Любое могущество имеет свои пределы и должно использоваться осмысленно. И на любую силу найдется еще большая сила.

— Раньше ты этого не говорил!

— Раньше повелитель слышал только то, что хотел слышать. Даже бессмертие может быть весьма омрачено. Поэтому я всегда наготове, чтобы своими заклинаниями отвести опасность.

— Как бы то ни было, я не получил то, на что рассчитывал!

— Значит, теперь повелитель будет более верно оценивать свои силы и мои возможности.

Тем временем стали поступать сообщения о том, что коринфийцы отступили, и войска двинулись вперед. Граф распорядился своей свите тоже готовиться к маршу. Он перестал реагировать на сообщения о противодействии коринфийских отрядов, ему стало все равно. Его военные советники при подготовке войны ставили основной задачей навязать коринфийцам сражение как можно раньше, чтобы они не успели собрать все свои силы.

Смешно! Чем больше ополченцев соберется для решающей битвы, тем сокрушительнее будет их разгром! Перед мысленным взором графа отчетливо представлялась картина того, как его тяжелая конница врежется в строй пехоты противника, сминая его, смешивая в беспорядочную

толпу, которая уже не сможет сопротивляться и будет беспощадно истреблена и разогнана. А потом можно будет договориться с королем Немедии о разделе Коринфии. И Аквилония просто не успеет что-либо предпринять, как бы потом ни верещали ее послы. А телохранителей надо будет набрать иноземных, они вернее служить будут..

День начал клониться к вечеру, когда Азаликс, ехавший неподалеку от графа, резко остановил своего коня, выхватил магический жезл и стал озиаться, прислушиваясь к чему-то неведомому. Перед ним появилось слабо светящееся пятно, маг нацелил жезл на это пятно и вдруг рухнул, обливаясь кровью. Граф велел приближенным разогнать посторонних и еще раз смог посмотреть, как Азаликс восстал невредимым после явно смертельного удара.

— Что это было? — спросил граф.

Азаликс невнятно выругался и посмотрел на графа ошарашенным взглядом.

— Коринфийский маг, — наконец произнес он, — нашел меня. Но я ведь его уже держал. Кто же это меня так?..

* * *

Конан с Косталисом прибыли на указанное им место, оставили охрану у подножия живописнейшего холма, а сами поднялись на него.

— Замечательно, — сказал маг, — чистое место, ничего не мешает.

Он с помощью своих талисманов выверил на-

правление, обратившись на юг, разложил в нужном ему порядке деревянные дощечки с магическими символами, достал свой жезл и велел Конану занять место в двух шагах перед ним.

— Не надо смотреть на меня так, будто собираешься продырявить меня взглядом, — сказал маг, — ничего я тебе не сделаю.

Конан ничего не сказал на это, но извлек свой меч из ножен. Косталис поморщился, но возражать не стал. Через несколько минут после начала магической процедуры в воздухе перед ними возникло туманное облачко.

— Есть, — произнес Косталис, — я его нащупал!

Облачко вдруг просветлело, и в слабо светящемся круге появилось лицо офирского мага — смуглое, морщинистое, с пронзительным взглядом черных глаз. На голове мага был пестрый тюрбан — головной убор, защищающий и от солнечных лучей, и от вражеских ударов.

Косталис бормотал свои заклинания, но офирский маг уже направил на него свой жезл, и Косталис замолчал. Взгляд его обессмыслился и потускнел. Медленно поворачивая свой жезл, офирский маг начал тоже произносить заклинание, но Конан не собирался дожидаться результатов этого заклинания.

Он мгновенно вскинул свой меч и длинным выпадам вонзил меч в горло вражескому магу. Светящееся кольцо покраснело, сжалось, и в руках Конана осталась рукоять меча с жалким осколком вместо клинка.

— Ты это чего, — раздался полузадушенный голос Косталиса, — ты его мечом?

— Ага. Скажи еще, что я опять тебе все испортил!

— Гхм... Нет, наверное. И ты его убил?

— Ну, если он не сможет жить с перебитым горлом и позвоночником, тогда я его убил.

— Убил?.. Не похоже... У мертвых аура затухает, а у него пульсирует.

Косталис смотрел на свой жезл и как будто к чему-то прислушивался.

— Тогда в следующий раз сам с ним разбирайся. Если сможешь!

Маг смутился:

— Я ведь понял, чем он меня взял. Только он на самом деле очень сильный маг. Он так быстро наложил на меня заклятье, что я просто не успел что-то сделать. Хотя мог бы. Но не успел.

— Косталис, не смейся меня. В бою цена такому «не успел» — жизнь. И, кстати, ты мне должен новый меч!

На следующий день отступающие отряды коринфийцев соединились с пешим ополчением. Пардик встретился с Бертиозисом и другими старшинами Монстардиноса, которым было поручено вести войну. Военный совет был единодушен: занять подготовленную позицию и дать бой офирской армии. Передовые отряды офицеров встретили плотной стрельбой и атаками конницы, так что те отошли и стали ждать подхода основных сил. То, что завтра бой, было ясно всем. Пардик с Конаном поехал посмотреть на поле.

— Пехота встанет здесь, — показывал сотник, — левый фланг прикрыт низинкой, заросшей кустарником. Здесь позади пехоты поставим четыре сотни конных лучников. Они будут прикрывать пехоту стрельбой из луков и пойдут на подмогу, если офицы пробьют строй. Позади правого фланга холмы, и там я поставлю резерв — восемь сотен конников. Я сам буду там и тебе предлагаю пойти со мной. Если наша пехота выдержит первый удар конницы и сможет опрокинуть ее, мы пойдем вдогон. Все трофеи наши будут!

— Хорошо, — согласился Конан. Ему уже нравились и новый меч, и шлем, и кожаный доспех, обшитый железными пластинами.

Они возвращались, слыша разговоры у костров, где воины наставляли новичков:

— ...если возле тебя раненый враг оказался, то сразу добей его, пока он тебя из последних сил сам не ударил...

— ...тяжелый удар когда принимаешь на щит, то щит поверни, чтобы не вся сила на тебя пришла, а удар соскользнул в сторону...

— ...если тебя конный саблей достать хочет, то не пытайся отразить этот удар, а сам его рази...

— ...и как бы тебе ни было страшно, стой крепко, потому что побежишь — не спасешься...

И чей-то пьяный голос:

— А ты разве знаешь, как это бывает? Когда конь пробивает твой щит, и раскрывается внутри доска щита, пропускающая стальной наконечник, и он вонзается в твой доспех, и железо рвется под его напором, вонзаясь тебе в грудь...

И вот настало утро следующего дня. С первыми лучами рассвета армия Коринфии уже стояла в поле. Стояли молодые парни, ни разу в жизни своей не убивавшие врага, но готовые всю кипящую энергию свою вложить в тот миг удара, который решает — ты сразишь врага, или он тебя. Легко убивать в бою, когда нет времени раздумывать, вникать в свои ощущения и сомневаться. Стояли зрелые мужи, главы семей и домохозяева. Они пришли исполнить тяжелую грязную работу, которую необходимо сделать, хотя бы тебя потом и унесли с поля мертвым. Есть в мире вещи поважнее, чем собственная жизнь...

Люди тысячника Бертиозиса, возами вывозившие запасы оружия из городского арсенала, смогли вооружить всех, кто пришел со своим оружием, мало подходящим для битвы. Сотники накануне рассортировали ополченцев по вооружению, чтобы щитоносцы и пикинеры не встали вразнобой, а стояли в правильном строю. Воинов с самыми лучшими доспехами ставили в центр, остальных — по флангам, где их будут прикрывать лучники и конница. Каждому пехотинцу пытались вдолбить железное правило: главное — это удержать строй. Если сомнут, сдавят, то бойцы будут мешать друг другу, и разгром неминуем.

Передовые отряды конников Офира и Коринфии проехали друг перед другом, показывая готовность не пропустить вражеские разъезды к основным силам, и тут же отошли назад. На поле выдвигалась офирская армия. Баронские дружины выезжали на позицию атаки, лучники выходили

дили на дистанцию прицельной стрельбы. И вот зазвучали рога. Тяжелая конница, набирая скорость, двинулась вперед. Пока конница проскакала расстояние до коринфийцев, стрелки успели дать пять залпов. В гущу людей не промахнешься, но первые ряды прикрыты щитами и доспехами, хотя некоторые стрелы нашли открытые места.

— Хар-р-р! — кричат всадники, налетая на строй коринфийцев.

Будь ты как угодно силен, ты не сможешь остановить всадника, несущегося на тебя! И тебе некуда отступить или уклониться. Это смерть!

И вдруг неудержимая конная лава сорвалась, как волна на мелководе. Перед правым флангом пехоты поднялись грубо сбитые из досок щиты в рост человека, лежавшие под слоем скошенной травы. На левом фланге перед конницей оказались замаскированные ямы, а центр оцетинился длинными копьями. И нашли свою цель стрелы, пущенные конными стрелками из-за пешего строя. И падающие лошади преградили дорогу своим же конникам. И бесполезны тебе сила и ловкость, воинская выучка и доблесть, потому что ты сдавлен своими же воинами и помышляешь только о том, как выбраться из этой ловушки. И качнулся было вперед строй коринфийского войска, чтобы навалиться на беспомощного врага и бить его, пока он не в силах защищаться!

Но вдруг ударил по войску налетевший вихрь, запорошил глаза, перебил дыхание, толкнул в щиты, не давая сделать шаг. И этого хвати-

ло, чтобы офирские конники, разворачивая коней, поскакали назад.

Позади пешего войска сотник Пардик осыпал немислимыми проклятиями офирского мага.

— Сорвалось! — рычал он. — Видишь, киммериец? Мы бы погнали их, и вырубали бы их пехоту, и бросили вдогон конницу! И сорвалось!

Вмешательство офирского мага в критический момент боя действительно помогло коннице отойти и перегруппироваться. Только на левом фланге отступающая конница смяла своих же пехотинцев, а на правом те успели отойти в сторону. Перед строем коринфийской армии осталось лежать до полутора сотен убитых, но ловушки были уже вскрыты, большие щиты разбиты. Сотники спешно восстанавливали строй. Офирская армия перестраивалась — все лучники сместились на правый фланг и дали десяток залпов, так что правый фланг коринфийской пехоты дрогнул и заколебался.

Коринфийские конные лучники тоже сместились на правый фланг и начали стрельбу по атакующей офирской коннице. Та сейчас обрушивалась на ослабленный правый фланг, чуть следом шла атака дружин на центр, чтобы не дать ему развернуться на помощь правому флангу. Воины левого фланга вообще оказывались вне битвы. По сигналу Пардика, конные лучники обошли правый фланг и ринулись в атаку. А тяжелая конница уже врзалась в правый фланг. Там была мясорубка — смешались и ряды пехоты, и конницы. Падающие кони, всадники, поражае-

мые секирами на длинных древках, кони без всадников, обезумевшие от этого ада.

Обе стороны одинаково яростно рубились, не в силах сбить противника с позиции и добиться перелома в битве. Коринфийские конники ударили сбоку и едва не обратили офирцев в бегство, но новый отряд конницы пришел на помощь офирцам, и лучники стали бить по коринфийской коннице. Вновь возникло шаткое равновесие боя.

«Пора!» — решил Пардик.

По его сигналу, скрытые за холмом восемь сотен конницы пошли в атаку. Офирцы если и увидели надвигающуюся опасность, то отреагировать на нее уже не успели — атакующую конницу не развернешь в один миг. И вот, когда офирская конница уже врзалась в центр пехоты, коринфийские всадники ударили во фланг офирцам, и те не выдержали удара, побежали. Конан скакал в первых рядах всадников, и его длинный меч не раз достал спины и шлемы офирских воинов. Потом они врзались в отряд офирских лучников, порубили и разогнали их, открыв дорогу к вражескому знамени.

И тут удача отвернулась от них. Атакующих встретил граф Тормез в своих неуязвимых доспехах, во главе своей гвардейской сотни воинов, прикрытый сотней лучников резерва. Нечего было думать о том, чтобы справиться с графом в такой обстановке, а сам он встречал прорвавшихся конников смертоносными ударами своей алебарды.

А когда последний отряд офирской конницы ударил плотной массой в развернутый строй коринфийцев, прозвучал приказ отходить.

Тем временем офирские бароны смогли пробить строй коринфийской пехоты в центре, но битва, разгоревшаяся у них в тылу, не дала им возможности закончить разгром пехоты. Разбитый центр и наполовину уничтоженный правый фланг перестроились и, прикрываясь пиками, отошли в болотистую низину. Вскоре вся пехота скрылась в зарослях кустарника. Остатки коринфийской конницы, отбиваясь, отошли за холмы. Там их встретили Бертиозис, Пардик и прочие старшины Монстардиноса.

— Ну, я не понял, — сказал Конан, — битва проиграна?

— Не все так просто, — ответил Пардик, — мы не смогли разбить врага, но и не дали ему разбить нас. Ситуация взаимной связки. Граф не может стоять здесь долго. Хотя поле боя осталось за ним и он может считать себя победителем, но если он пойдет брать Монстардинос, мы можем атаковать его с тыла.

— Он не возьмет в город в любом случае, — сказал Бертиозис. — Завтра к нам подойдет конный корпус аквилонцев. Не для участия в войне, нет, но я договорился об их участии в мирных переговорах. Вооруженная поддержка — сражаться они не собираются, но само их присутствие заставит офирцев быть осторожнее.

— Отличный ход! — воскликнул Пардик.

— Да, — согласился Бертиозис, — на подарки

наместнику я не поскупился. Городскому Совету придется раскошелиться, оплачивая эту войну.

— Кстати об оплате, — вмешался в разговор Конан. — Я на этой войне убил уже не один десяток врагов, но все мои трофеи остались лежать на поле боя.

— Не беспокойся, никто не пошлет тебя собирать трофеи там, где ты их оставил, — усмехнулся Пардик. — Бертиозис, киммериец заработал не менее пятидесяти золотых!

Тысяник порылся в сумке и достал увесистый кошелек.

— Держи. Я рад, что в тебе не ошибся.

— Так, — вспомнил Пардик, — а где наш маг? Чем он занимается? Меня интересует, что нам еще ждать от вражеского колдуна?

Косталис подъехал на зов:

— Я не смог помешать офирскому чернокнижнику в первый раз, но потом вынудил его на магический поединок, и он не смог снова повлиять на ход битвы. Он очень силен, я только и мог, что сдерживать его. Он крайне опасен, я не смогу справиться с ним один на один.

— Я ведь вонзил ему в горло меч, — удивился Конан, — у него явно хрустнул позвоночник! После такого не живут! Проклятая магия... Я бы взялся проникнуть в лагерь офирцев и убить его еще раз... Пардик, твой отряд разведчиков может снова сходить со мной на вылазку?

— Сможет.

— Нет смысла убивать офирского мага, — возразил Косталис, — он опять оживет. Не зря он

обещал графу бессмертие. Он не стал бы обеспечивать этим даром графа, если бы сам не мог им воспользоваться. Вот что... надо похитить офирского мага! Причем вместе с его магическими артефактами. Тогда я смогу с ним разделаться.

— Оглушить, связать и привезти к нам, — сказал Конан, — пожалуй, это можно попробовать. И собрать все его барахло...

Офирцы собирали раненых и хоронили убитых. Их конные отряды разъехались по окрестностям, вылавливая коринфийцев, отбившихся от своих. Конан с отрядом знакомых разведчиков осторожно проехал лесом и с опушки рассматривал лагерь. По дневному времени часовые еще не были выставлены, потому что вся округа контролировалась офирцами.

— Так, вот шатер графа, — рассуждал командир разведчиков, — в центре лагеря, это правильно. Шатры баронов, по рангу их вокруг, палатки с ранеными, вон в низинку солдаты за водой пошли, а вот с краю шатер, это и должен быть шатер мага. Точно, на отшибе стоит, от солдат подальше, чтобы колдовать не мешали... А вот на месте он или нет? А какая разница?! Если он там, мы его берем, если его нет, ждем, пока не придет! Правильно?

— Правильно, — согласился Конан, — главное, без шума все сделать.

Конан и трое разведчиков замаскировались ветками и осторожно подкрались к шатру мага. Двое скользнули внутрь, а двое других в тот же миг располосовали ткань снаружи. В один миг

слуги мага были перебиты, не успев раскрыть рта, а самого колдуна Конан приложил кулаком так, что он рухнул без сознания. Разведчики мгновенно связали мага, заткнули ему рот, снимали с него перстни, амулеты, забрали жезл. Конан быстро обшарил вещи и обнаружил объемистый ларец, закрытый на замок.

— Кажется, все! Уходим.

Они были на полдороге к лесу, когда их заметили. В лагере поднялась суматоха, но пока погоня достигла леса, Конан с добычей уже скакал прочь. Тем временем разведчики встретили погоню стрелами, а потом начали уходить вглубь леса, уводя погоню за собой. Не все они потом вернулись к своим, но Конан беспрепятственно проехал в чащу, сделав крюк, чтобы не встретиться с офирским разъездом.

Через час он выехал к своим. Конана позабыла мысль о том, что коринфийцы теперь для него — «свои». Всегда он сражался только за себя. Женщины охотно дарили ему свою любовь, но ни одна из них не была лучше другой. Боевые друзья охотно сражались рядом с ним, потому что он был силен и удачлив, но Конан не заблуждался в прочности этой дружбы. Воины, чья самоуверенность намного превышает их боевые возможности, торговцы, которые копят деньги, но не успевают ими воспользоваться, властители, которые тратят свою власть на исполнение дурацких прихотей...

Коринфийцы были не то, чтобы другие, они тоже любили деньги и власть, так же боялись за

свою жизнь и свое жалкое имущество, но было в них что-то настоящее. И то, что в Моңстардиносе практически не было воров. И военачальники, берегущие своих солдат. И ополченцы, вышедшие биться с захватчиками без принуждения, по своей воле... В других странах война была делом солдат, население спокойно ждало, чем закончится война и кто окажется их повелителем...

Конан подъехал к своим и спрыгнул с коня:

— Вот, — объявил он, — офирский маг. Пригоден к употреблению. Здесь будем его потрошить?

Косталис возбужденно перебирал вещи, отобранные у офирца мага, нашел ключ, открыл ларец и извлек из него сосуд темной меди, покрытый мелкой вязью символов.

— Ого, — провозгласил он, — с этим мы будем работать.

Он бросил оставшиеся вещи в ларец и закрыл его.

— Мне нужно свободное пространство, — заявил он.

— Полсотни шагов, — не менее решительно ответил Пардик. — Мы подождем.

— А я тебе помогу, — добавил Конан.

Киммериец снял с коня очнувшегося колдуна.

— Куда его?

Маг выбрал полянку рядом, подготовился.

— Кляп выпнь, — сказал он Конану.

— А зачем? Это опасно.

— Он не сможет колдовать со связанными руками.

— Ну и пусть заодно помолчит.

— Мне интересно, что он скажет.

— А мне нет.

— Послушай, киммериец, мне виднее, что я делаю!

— Да? Ну ладно.

Конан выдернул клин у мага и вынул меч.

— Ну что, — спросил Косталис, — как твое имя?

— Азаликс.

— Азаликс. Стигиец?

Маг кивнул.

— А мое имя — Косталис. Слышал?

— Конечно. И не только слышал. Мы ведь с тобой дважды вступали в поединок.

— Да, но на этот раз ты не сможешь мне противодействовать.

— Конечно, легко быть сильным и смелым, когда твой соперник связан и беспомощен.

— А я не стремлюсь к честному поединку. Меня вполне устроит просто победа.

— Так отчего же ты думаешь, что я стану тебе помогать?

— Можешь не помогать. Я и сам справлюсь. Только ты как предпочитаешь, чтобы я убил тебя как человека и освободил при этом душу, или отдал твою душу демонам? Или заключил в какой-нибудь артефакт?

— Убивать меня ты тоже уже убивал. Этот варвар, твой прислужник, и убил, я ничего не путаю?

Конана обидно резануло слово «прислужник», но он сдержался и не стал объяснять магу, кто

он есть. Маг скоро умрет, и незачем реагировать на предсмертную болтовню глупца...

Косталис тем временем расспрашивал Азаликса о свойствах магического кувшина. Азаликс отвечал без охоты, но не имел другого выхода. Он понимал, что у Косталиса хватит знаний распорядиться его магическими предметами, однако если Косталис сделает ошибку, то Азаликсу от этого лучше не станет.

Наконец Косталис решил, что выяснил достаточно, и занялся принесенным кувшином. После произнесения нужных заклинаний над кувшином возникло призрачное облачко. Конана передернуло от отвращения.

— Ты можешь его уничтожить? — спросил он Косталиса.

— Не спеши, — ответил тот.

— Уничтожить? — изумился Азаликс. — Косталис, ладно, этот варвар может по недомыслию говорить всякие глупости, но ты-то должен понимать, какое могущество сейчас у тебя в руках?

— Мне достаточно обладать таким могуществом, которое позволит уничтожить и тебя, и этого призрака, — ответил Косталис.

— Ты же это не всерьез, Косталис? Призрак питается душами людей, но в руках мага он может излечить любую болезнь, обратить смерть, дать тебе силу и власть! Жизнь нечасто делает магам такие подарки, ты знаешь это!

— Знаю.

— Косталис, не слушай его, — угрожающе сказал Конан.

— Помолчи, киммериец, — рассердился Косталис. — Я сам сделаю выбор, и ты мне тут не советчик!

— Если ты сделаешь выбор в пользу призрака, я сам тебя убью!

— Если я сделаю этот выбор, убить меня будет невозможно! Не пугай меня, киммериец!

— Ты можешь... — начал было Азаликс, но Косталис прервал его, сказав Конану, чтобы он заткнул рот офирскому магу. Это Конан выполнил без пререканий и настолько добросовестно, что маг стал задыхаться.

— Расплатиться собственной душой за могущество, — бормотал Косталис, не обращая внимание на Азаликса, — зачем мне это надо? Пользоваться призраком, не для себя, по приказам? И будут в Коринфии жители сидеть по ночам за прочными запорами... Пока призрак жив, будет жить и Азаликс. А он уверен, что от этого могущества отказаться невозможно...

Косталис поднял жезл и начал произносить заклинание. Замычал сквозь кляп и задержался под веревками Азаликса, а призрак пробил светящаяся искра, в которую его быстро затянуло...

— Руби его, Конан, — крикнул Косталис, показывая на Азаликса.

Киммериец шагнул назад, освобождая место для удара, размахнулся и тут же растерянно опустил меч. С исчезновением призрака Азаликс осел бесформенной кучкой смердящей плоти, лишенной поддерживающей силы. Конан плюнул и отступил назад.

— Ну вот и все, — потерянно сказал Косталис, — можете радоваться.

Он поднял медный кувшин, перевернул его, потряс, медленно собрал свои амулеты и побрел прочь. Конан шел к старшинам Монстардиноса и думал о том, что очень скоро те начнут переговоры о мире с графом Тормезом. И что потом? Остаться в Монстардиносе? Стать сотником на границе и годами следить за слухами из соседних стран? И так всю жизнь? У него есть деньги, у него есть конь, у него есть меч, и весь мир лежит перед ним!..

— Косталис уничтожил и призрака, и мага, — сказал он Пардику. — Я уезжаю. Прощай.

Он сел на коня и послал его вперед. Сейчас в тылах офирской армии должны передвигаться мелкие отряды фуражиров и маркитантов, посыльных и мародеров. Это будет желанная добыча...

Путь силы

Конан ехал по дороге между виноградниками Офира, направляясь на юг, где хребет Карпашских гор поворачивал на запад, отделяя Офир от страны Коф. Горы, судя по описаниям, здесь были более высокие и труднопроходимые, чем хребет, отделявший Коринфию от Заморы. Кофский город Хоршемиш имел связь с Офиром через горные перевалы, проходимые лишь три месяца в году. Туда и держал путь Конан.

Пока офирский граф Тормез, собравший дружины своих баронов на войну с Коринфией, пытался закрепить результаты вторжения мирным договором о новых границах, Конан проехал по районам Коринфии, опустошенным войной. Любая война ведется с целью захвата добычи. Граф стремится получить новые земли, рядовой воин обирает убитых на поле битвы и мирное население

ние по дороге. Так было, есть и будет. Солдат идет на войну, готовый расстаться с жизнью по приказу командира, и есть две вещи, на которые он всегда готов — спать, пока его не погонят дальше, и прибирать к рукам все мало-мальски полезное, — пока над ним не появится командир, который может приказать «поклади, где взял!»

Впрочем, командир не может постоянно наблюдать за каждым своим солдатом, и приказ этот действует лишь до тех пор, пока командир не отвернется. Так что солдат всегда стремится возместить то, чего ему не хватает по милости командиров. Но много ли унесет с собой солдат? Так что же, пропадать добру из-за малой вместимости солдатского мешка? Нет, конечно! И затем позади войска двигаются торговцы, готовые обменивать добычу солдата на звонкую монету. Тут уже достается положенная доля всем командирам сверху донизу. Несовместно с офицерской честью заниматься грабежом, но принять деньги за награбленное никто не отказывается. И не один торговец, радостно предвкушавший полученный доход, был неприятно разочарован встречей с грозным киммерийцем.

Оставив полосу войны за спиной, Конан въехал в Офир и повернул на восток, чтобы покинуть владения графа Тормеза. Он сменил свой кожаный доспех на более легкий, купил дорожный плащ из хорошей шерстяной ткани, чтобы немного изменить внешность и не оставлять явного следа для сыщиков графа, которые в скором времени должны были начать искать обидчика

офирских маркитантов, и проехал по восточным графствам Офира. Слухи называли эти места самыми богатыми золотом и драгоценными камнями, но Конан убедился, что слухи говорят о далеком прошлом. То есть, лучшие камни были добыты еще в незапамятные времена, а золотые рудники в горах существовали, но золото с них перевозилось раз в месяц и с охраной из двух сотен стражников. Такая добыча была не по силам одному человеку. Конан прогулял половину денег, полученных в Коринфии, воздав должное винам Офира и его женщинам, умело вдохновлявшим богатого гостя на щедрое угощение и дорогие подарки.

Горы, ограждающие Офир с юга и востока, защищают Офир от нашествий, но делают его тупиком торговых путей. Конан не захотел пускаться в дальнейшее путешествие вдоль гор и решил отправиться по горным перевалам в кофский город Хоршемиш.

Солнце к полудню палило вовсю, и Конан начал искать место, где можно было бы отдохнуть и переждать самое жаркое время. Виноградники между тем были безлюдны — ухоженные лозы уже провисали под тяжестью ягод, но зелен был виноград, время сбора еще не наступило. Убитая солнцем желтовато-серая земля вокруг была покрыта высохшей травой. Наконец показалась довольно густая роща, и Конан свернул к ней. В тени деревьев было легче, и Конан спешился. Не похоже было, что здесь удастся найти воду — в окрестностях нет укромных ложбинок или пня

яркой травы, которые могут показывать близость воды. Но пока что жажда была терпимой. В вещах Конана был припасен небольшой бурдючок с водой, а до вечера он надеялся добраться до какого-нибудь селения. Конан прилег под деревом и задремал.

Проснулся он оттого, что по лесу кто-то шел. Давняя привычка реагировать на любую опасность мгновенно перебила сон. Конан насторожился и стал прислушиваться. Человек шел по лесу. Не подкрадывался, не бежал, не ломился сквозь заросли. Охотник ходит более осторожно, стараясь не спугнуть отслеживаемую дичь. Сборщики хвороста ломают сухостой и шумят гораздо сильнее. Кому же это еще вздумалось разгуливать по лесу? Человек, по всей видимости, заметил коня Конана и направился к нему. Это оказался молодой парень, невысокий и худой, с легкой котомкой через плечо и длинной хворостинной в руке. Загорелое лицо с карими глазами и несколько виноватой улыбкой явно принадлежало уроженцу Офира.

— Добрый день, господин, — сказал он, — я не потревожу ваш отдых?

— Ну, положим, что потревожил, — сказал Конан. Он был настроен довольно благодушно, пареньек явно не представлял никакой угрозы. — Мой отдых, бывало, тревожили такие гости, что по сравнению с ними ты не более, чем жучок, ползущий по моему сапогу.

— Воистину так, господин, — согласился офирец, присаживаясь на траву, — ваша милость

производит впечатление доблестного воина, совершившего выдающиеся подвиги на поле брани. А я всего лишь ничтожный шут, выгнанный хозяином. Не найдется ли у вас куска хлеба для меня? Сегодняшнюю ночь мне пришлось провести под открытым небом. Может быть, это кому-то и было смешно, но не мне.

— Как тебя зовут, шут? — спросил Конан, доставая из своего дорожного мешка хлеб и отламывая половину для офира.

— Лорейс, господин, — ответил тот и вцепился зубами в хлеб.

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии. И я тебе не господин.

— А может быть вам нужен слуга? Присмотреть за конем, сбегать с известиями, почистить вещи, узнать свежие слухи в округе?

— До сих пор я и сам со всем этим справлялся.

— Но знатым господам пристало иметь слуг. Пусть не ради пользы, но ради того, чтобы не утруждаться самому выполнением того, что обычно поручают слугам. Я готов работать за кусок хлеба!

— Нет. Мне не нужен слуга. Но ты можешь идти со мной, если нам будет по пути. Я еду на юг, к перевалам, ведущим на Хорнемиш.

— Тогда мы сегодня к вечеру можем быть на землях барона Левереца. А дальше начнутся горы, туда власть баронов не распространяется, хотя земли считаются подвластными королю Офира. Но горцев трудно заставить подчиняться, да

и взять с них особо нечего, так что их земли не розданы в ленные владения.

— Ты хорошо знаешь эти места?

— Неплохо. Я здесь вырос, но после раздела наследства мне не досталось земли, я не смог поступить в ученики к какому-либо мастеру и остался в положении бродяги. Я немного умею играть на свирели и пытаюсь играть в тавернах, но народ здесь небогатый, и музыканту трудно зарабатывать на жизнь.

Лорейс достал из котомки деревянную дудку.

— Сыграть?

— Ну, сыграй.

Лорейс начал с протяжной, задумчивой мелодии, потом, усмотрев благожелательное отношение, исполнил более веселый мотив. Конан не был знатоком и любителем музыки, но он почувствовал, что это не армейская мелодия, зовущая в бой, и не разгульная музыка пьяных гулянок в тавернах.

— И что же, твоему прежнему хозяину не пришлось по вкусу такая музыка? — спросил он.

Лорейс вздохнул.

— Я и прослужил-то два дня, — сказал он, — и как раз на второй день хозяин сказал, что лучшая музыка, которую он слышал в жизни — это звон золотых монет! А я в ответ ляпнул, что да, мол, музыка жизни, исполняемая на золотых монетах и завершаемая славным ударом кинжала в спину...

— И что? — спросил Конан.

— Да он что-то обиделся. Видимо, посчитал

мои слова каким-то намеком и велел выдать мне две дюжины... Да нет, не золотых, конечно! Плетей...

— Ну и как, выдали?

— Да стражники оказались неплохими ребятами. Недодали половину, но посоветовали сматываться, пока не поздно. Ну я и побежал...

Конан и Лорейс провели в лесу жаркое время дня, а потом двинулись в путь. Конан не спешил, а Лорейс держался за стремя коня, чтобы не отставать. Засветло еще приехали в деревню, возле которой возвышался замок барона. На горизонте сплошной стеной стояли громады гор. Самые высокие вершины были покрыты шапками льда. Небольшая речка, текущая вдоль деревни, была перекрыта хорошим мостом, возле которого располагался замок. На мосту стояла стража. Конан нашел таверну и заказал комнату. Лорейс упрямился ночевать на полу у порога, лишь бы под крышей.

— Какое-то невеселое местечко, — заметил Конан.

— Барон сильно крестьян прижимает, — сказал Лорейс. — Я слышал, пару лет назад здесь были волнения, но барон выбил предводителей и запугал всех остальных. Так что народ здесь сейчас притихший.

— И чем же ты собирался развлекать таких господ? Что-то ты меня по дороге не очень развеселил.

— Да их развлекает сама должность шута. Достаточно пары фраз, передразнивающей их ту-

пые разговоры. «Мир этому дому и его бесплатным обитателям!» Что-нибудь в этом роде.

— Понятно.

Конан отправился ужинать в общем зале, Лорейс, получив миску горячей каши, пристроился в уголке, где сидели слуги и наемные проводники торговцев. Конан тем временем расспрашивал торговцев о пути в Хоршемиш. Дорога через перевалы была непроходима для повозок, и торговцы везли товары из Хоршемиши в Офир малыми партиями. Несколько вьючных лошадей при переходе через горы могут взять не так много груза. А большой караван не сможет размещаться на маленьких площадках для отдыха, которые только и есть на тропе. Конан вспомнил, что надо будет проверить подковы коня перед переходом через горы. Тем временем группе стражников, пьющих рядом, наскучило пить и захотелось развлечений. Трогать торговцев им было запрещено, поскольку даже самые глупые бароны давно поняли, что помехи торговле приводят только к убыткам для их казны. А вот киммериец был явно не торговцем, не посланником — иначе бы он представился и сейчас пировал бы в замке у барона.

— А вот интересно, чем этот варвар собирается торговать в Кофе? — спросил один из стражников.

— Наверное, божками собственного изготовления, — предположил другой, — они там, я слышал, вырезают божков из дерева и молятся им, пока те помогают. Перестают помогать — они их

сжигают и вырезают новых. Очень удобное верование.

— Мой бог — Кром! — не выдержал Конан. — Бог воинов! И мой меч насытился кровью не одного десятка придурков, у которых язык был длиннее, чем ум.

— А, все понятно! Это мастер-фехтовальщик! Будет конников Кофа обучать биться длинными мечами! Говорят, лет двести назад такие мечи были в большой моде. В самом деле, убойная вещь, если противник прибит к полу гвоздями. Тогда его можно разрубить вместе с любыми доспехами одним ударом. Вот только пока он им размахнется, его саблей раз пять достанут, ха-ха-ха!

— Такой знаток оружия, — сказал Конан, сдерживая ярость, — как нельзя более кстати в дружине, не имеющей противников опаснее крестьян.

— Да что ты знаешь про нас, варвар, — рассердился стражник, — и про то, с какими противниками нам приходилось сражаться!

— Да уж вижу, что два десятка таких воинов как вы, справятся с любым противником. Если он будет пьяный и связанный...

— Ах, ты!..

Стражник выхватил кинжал и полоснул Конана режущим ударом. Такой удар редко бывает смертельным, но отразить его гораздо труднее, чем колющий выпад. Конан сумел все-таки перехватить руку стражника, пересиливая его, повернул кинжал к нему острием и вдавил в грудь. И

тут же получил такой удар по голове, что потерял сознание.

* * *

Утро следующего дня Конан встретил связанным в тюремной камере барона Левереца. Заключение, впрочем, не оказалось долгим. Конана вывели из камеры и привели во двор замка, где барон в качестве окружного судьи рассмотрел дело и вынес приговор:

— За убийство стражника полагается взыскать с убийцы пятьдесят золотых! Изъятые у тебя при аресте деньги конфискуются в счет оплаты, так что можешь быть свободен.

— Но я же только защищался! — начал было возражать Конан.

— Да. Поэтому ты и получаешь штраф, а не смертную казнь. Тебе даже вернут твоё оружие.

— Но пятьдесят золотых — это все, что у меня было!

— Да. Поэтому будь доволен, что у тебя хватило денег расплатиться за убийство. У убитого осталась вдова и трое малых детей. Ты их что ли будешь кормить, варвар?! Смотри, я могу и уже сточить приговор!

Конан понял, что спорить дальше бесполезно, подавил в себе ярость, получил у мрачных стражников свой меч и под их недобрыми взглядами вышел из ворот замка. У ворот его встретил взволнованный Лорейс:

— Все уладилось, господин Конан?

— А ты уже прикидывал прибрать к рукам мои вещи и моего коня?

— Зачем вы так? — смутился Лорейс. — Я вправду за вас волновался. А вещи целы. И конь тоже стоит на конюшне. Я в таверне вчера не успел вас предупредить. Тот стражник, который позади вас был, он вас и приложил. Только убивать вас они вовсе и не собирались. Тот стражник сзади лохань к вам пристраивал, чтобы вы отшатнулись от кинжала и в лохань упали.

— Ну и что же мы будем делать? Денег у меня не осталось. Ищи теперь другого хозяина.

— Ну, денег вы-то заработаете легко. Торговцы всегда набирают людей для перехода через горы. Меня, правда, не возьмут, нет. А только если позволите, я бы с вами еще пару переходов в горы прошел. Там, говорят, есть обитель святого отшельника, к которому порой ходят люди за мудрым советом и за тайными знаниями.

— И что, он всем подряд тайные знания раздает?

— Нет, конечно. Кто, говорят, вовсе от него не возвращается, кто получает то, что искал, а кто и с ума сходит.

— А ты на что рассчитываешь?

— Что будет, то пусть и будет. Мне здесь уже немогогу.

Они пришли к таверне, и Конан сразу стал седлать коня, а Лорейс сбегал в комнату за вещами. Конан нашел в мешке несколько серебряных монет, достал запасной кинжал — меч ему вернули, но он не стал требовать, чтобы вернули и

кинжал, пропавший при аресте. Конан послал Лорейса купить пару хлебов и изюма, чтобы иметь запас еды на пару дней, наполнил водой бурдючок. Собравшись, они отправились из таверны, заплатили на мосту последние монеты стражникам и вскоре двинулись по направлению к горам. Когда замок скрылся из вида, Конан свернул в ближайший лесок.

— Я не уйду отсюда без денег! — твердо объявил он. — Каждый человек имеет право защищать свою жизнь, и погибший стражник сам был виноват!

— Но что ты можешь сделать?

— Я все могу сделать! Я этот поганый замок этого поганого барона по камешкам разнесу! Сейчас я еще немного проеду по окрестностям, чтобы определиться с путями отхода, потом вернусь к тебе, и мы двинемся назад. Ночью я пойду в замок, а ты покараулишь коня, пока я не вернусь.

— Но замок ночью запирается!

— И что с того?!

— Да нет, ничего...

Конан поехал по дороге, осматривая окрестности и размышляя о том, что подняться на стену замка по неровной каменной кладке ему не составит большого труда. Мирная жизнь должна была достаточно усыпить бдительность стражников, поэтому вряд ли часовой будет прислушиваться к каждому шороху, скорее уж он будет вести неравную схватку с дремотой. Оглушить его и пробраться вниз...

А дальше? Это же не дворец в городе, это кре-

пость. Покои барона, весьма вероятно, окажутся запертыми изнутри, да не на замок, который можно было бы открыть, а на засов. Но в своих покоях барон не хранит казну — неудобно выдавать деньги при каждой надобности. Казнохранилище должно быть ниже, под охраной кордегардии. Точно, кордегардия охраняет и вход в подземелье, и лестницы, ведущие наверх, и казнохранилище. И там постоянно дежурит не менее четырех человек. Без шума с ними не справиться, а на звуки боя подоспеют другие стражники... Плохо. Плохо, что при таком раскладе не получается добраться до денег!

Конан вспомнил, как один из старых воров в Шадизаре говорил ему, что у него внешность, плохо подходящая для вора. Если уж тебя заметили и приходится убегать, важно, чтобы тебя не опознали. А могучую фигуру киммерийца трудно спутать с какой-нибудь другой. Что хорошо для воина, то не годится для вора. В общем-то, так и получилось, что из Шадизара Конану пришлось уходить с боем...

Тут на дороге появился всадник, едущий навстречу. Конан насторожился. Всадник был одет так же, как стражники барона — пластинчатый нагрудник, широкие штаны, шлем, обмотанный чалмой, высокие сапоги. И один! Поравнявшись с встречным, Конан рванулся к нему, резко схватил его за плечо и рванул на себя. Стражник оказался не слабым противником, и они некоторое время молча боролись, между тем как их кони пританцовывали друг вокруг друга.

Наконец Конан пересилил противника, и тот не удержался на лошади, однако он смог не упасть, а твердо приземлиться на ноги. Конан прыгнул на него с коня и едва не напоролся на удар кинжалом. Он успел отвести удар локтем и тут же стремительным ударом кулака сбил стражника с ног. Стражник упал в дорожную пыль, лежал и не шевелился.

— Раз уж ваш барон так не любит, когда его людей убивают, то я доставлю ему это удовольствие — никого убивать и не буду, — бормотал Конан, быстро освобождая стражника от лишнего имущества. В сумке у поверженного противника он нашел несколько стопок мелких серебряных монет, завернутых в пергаментные расписки. Расписки Конан бросил на землю, а серебро забрал. Оглядевшись по сторонам, Конан оттащил стражника в сторону от дороги, связал ему руки его же поясом, представил, как стражник очнется и пойдет в свалившихся без пояса штанах, и остался удовлетворен этой картиной. Потом Конан вернулся на дорогу и вскочил на коня. Лошадь стражника была, по-видимому, приучена к боевым стычкам и не ушла далеко. Конан взял ее за уздечку и поскакал назад. Лорейс ждал его на месте.

— Едем, — сказал Конан, — барон прислал нам лошадь и немного денег, так что я не стану сейчас устраивать налет на его замок.

— Доброта барона просто безгранична, — с восторгом произнес Лорейс.

Они поскакали вперед. Конан внимательно

следил за дорогой, но вокруг не было ни души. Для погони было еще рано, а торговцы, выехавшие утром, были уже далеко. К вечеру Конан и Лорейс догнали торговый караван, остановившийся у входа в ущелье. Здесь обитало несколько горских семей, живущих в небольших каменных башнях, сложенных из камней без раствора. Горцы встретили гостей радушно, и после ужина Конан обратился к торговцу:

— А что, дорога в Хоршемиш здесь безопасна? Охрана вам не нужна?

— Дорога тяжела и опасна, но разбойников здесь не бывает. Горцы если и ходят в набеги за добычей, то на равнину. А нарушать торговый путь им самим невыгодно.

— Дорога, должно быть, нахоженная? Или без проводника можно сбиться с пути?

— Если ты хороший следопыт, то не собьешься, а новичок может и заблудиться. Бывало такое.

— А слышали вы о святом отшельнике, живущем где-то в этих горах? — спросил Лорейс.

— А как же? Даже тропу видели, которая ведет к его обители. Но нам это ни к чему. К нему ходят горцы по нескольку раз в год, приносят ему подарки, просят его о покровительстве и набираются мудрости. Он, говорят, обладает немалым могуществом, но крайне редко им пользуется.

— И вам не было интересно к нему попасть? — спросил Лорейс.

— А зачем, — пожал плечами торговец, — о

чем мне его просить? Да и мало ли сказок рассказывают про разные чудеса, существующие в этих горах? Говорят, в стороне от торгового пути есть страна джиннов, пещера, где пол вымощен золотом, а потолок покрыт драгоценными камнями.

— Точно, есть, — вмешался в разговор горец. — Мой дед сам слышал человека, вернувшегося из тех мест.

— И кто-нибудь приносил оттуда золото и драгоценности? — спросил Конан.

— Нет, кто возвращался, тот рад был, что живой вернулся, а золота не приносил, нет.

— Значит, сказки все это, — уверенно определил Конан.

— Нет, — твердо сказал горец, — мы знаем, что сказка, а что на самом деле есть. Пещера джиннов существует!

* * *

Два дня они поднимались в горы. Нет в мире ничего величественнее гор. Безбрежная ширь океана, бескрайняя степь, безграничный купол неба — но все они не дают человеческому глазу ориентиров, чтобы в полной мере оценить величину пространства перед ним. Оно все целиком охватывается восприятием человека, и он ощущает, как будто вместил его в свое сознание. В горах становится видно, насколько мал и ничтожен человек. Горы дают сознанию масштаб реального соотношения размеров человека и пространства.

Дорога вилась по перевалам, то проходя мимо крутых каменных стен, то пролегая по краю пропастей, то вписываясь по краю щебеночных осыпей, то петляя между россышей гигантских камней. Люди шли пешком, ведя навьюченных лошадей в поводу. Когда в очередной горной долине остановились на ночлег, проводник сказал Конану:

— Вот здесь развилка путей. Мы идем прямо, в Хоршемиш. Правая дорога ведет к святому отшельнику, а левая в страну джиннов. Только праздные люди не ходят к святому отшельнику. Идут только те, кто знает свои вопросы.

— Да я к нему и не собирался, — ответил Конан, — это Лорейс думал туда пойти, так я бы его проводил. Так что, Лорейс, пойдешь к отшельнику или двинемся в Хоршемиш?

— Пойду, господин Конан. Не считите меня неблагодарным, но это мой путь.

— Мальчик правильно говорит, — согласился горец. — Я слышал, как он играл. Отшельник может его принять. И проводить мальчика — это тоже правильно. Он один не дойдет. Тропа перед долиной отшельника имеет небольшую площадку, там надо оставить лошадей. А дальше тропа ведет по краю скалы и делает крутой поворот. Ты знаешь горы, ты пройдешь.

— Мы придем к нему с пустыми руками, он не обидится?

— Он святой. Если ему что-то понадобится, он скажет.

— Сколько времени займет дорога?

— За день обернешься.

На следующее утро Конан и Лорейс отправились в путь, оставив караван. Конан легко определял, куда надо идти. Для уроженца гор движение естественно, и ноги сами несут его по самому удобному пути, а следы людей когда-то шедших этой тропой подтверждают правильность выбранного пути. Через пару часов они оказались на ровной площадке, где можно было оставить лошадей. Тропа здесь заканчивалась, а вдоль огромной скалы, возвышающейся впереди, шел узкий уступ. Конан достал из мешка веревку и протянул Лорейсу:

— Обвяжи ее вокруг пояса.

— Ты удержишь меня, если я упаду? — спросил Лорейс, обвязываясь веревкой.

— Если смогу, удержу. А не смогу — брошу. В любом случае, тебе легче будет идти, чувствуя дополнительную опору.

Лорейс задумался и стал отвязывать веревку.

— Ты чего? — спросил Конан.

— Я подумал, что это неправильно. Если я не готов встретиться со святым, то упаду. А если готов, то я должен пройти сам. Я сейчас.

Он сел и закрыл глаза. Потом снял свою котомку, достал флейту и засунул ее за пояс, отцепил кинжал, который дал ему Конан, и положил на траву.

— Я готов, — сказал он.

Конан хмыкнул, подобрал кинжал и сунул себе за пояс рядом со своим кинжалом, отцепил ножны с мечом.

— Ну ладно. Пошли.

Они двинулись по уступу и стали осторожно продвигаться вдоль скалы. Конан шел не спеша, но вполне уверенно, Лорейс прижимался к скале и медленно передвигался мелкими шагами. За поворотом разверзлась новая пропасть. Каменный уступ переходил здесь в некоторое подобие мостика, перекинутого над бездной. Каких-то три шага, но без малейшей опоры справа или слева. И плита шириной в одну ступню, с небольшим подъемом. И скругленный край пропасти, за который не удержаться, если упадешь. Конан быстро шагнул вперед и через мгновение оказался на ровной площадке. Он обернулся и спросил Лорейса:

— Кинуть тебе веревку?

— Нет, — сказал Лорейс.

Он был бледен, но спокоен. Он выдохнул из себя воздух и быстро преодолел каменный мост.

— Молодец! — сказал Конан.

Они повернулись и спокойно смогли разглядеть место, к которому вел такой путь. Чашеобразная долина была покрыта густой зеленой травой, в центре долины блестело на солнце крошечное озеро, за ним росли несколько десятков деревьев.

Скала, преграждавшая путь в долину, вросла в соседнюю гору, в ее почти отвесном склоне виднелось темное пятно пещеры. А прямо за долиной раскрывалась панорама гор, неописуемо величественная. Череда гор вздымалась все выше и увенчивалась белыми шапками ледников. А

здесь, на согретой солнцем площадке было тепло и уютно. Из-за деревьев за озерком вышел невысокий человек в длинном белом одеянии и направился к ним. Был он совершенно сед, но не выглядел старцем. Длинные белые волосы схватывала тонкая цветная веревочка, ясные серые глаза смотрели спокойно и пронзительно. Он подошел ближе, сказал Конану:

— Побудь здесь.

И протянул руку Лорейсу:

— Пойдем.

Они с Лорейсом ушли к одной стороне озера, а с другой его стороны к Конану подошла девочка лет десяти, в длинном желтом платье и с черными волосами, заплетенными в длинные косы. Конан сел на траву, чтобы не возвышаться над ней.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Конан. Конан из Киммерии.

Она села рядом.

— Ты, похоже, очень сильный, Конан?

— Я воин. Слабый живет недолго, его убивают.

Она коснулась пальцем кинжала и поморщилась.

— Наверное, это очень страшно, убивать людей?

— Нет. Это легко. Часто хватает одного удара клинка.

Она снова поморщилась:

— Наверное, ты очень глупый, Конан? Ты думаешь о движении железки в твоей руке и не

чувствуешь крика души, отлетающей от умирающего тела?

— Мой бог — Кром. Бог воинов. Он примет мою душу после смерти, и это мой путь.

— Ты разве не знаешь, что душу каждого человека встретит тот бог, образ которого он носил в своем сердце? А, ты же сильный, Конан... Если ты хочешь что-то понять, стань слабым.

Она поднялась на ноги и, не оборачиваясь, ушла к деревьям.

Конан сидел, пытаясь собрать разбредавшиеся мысли. Слова девочки были очевидно бессмысленными, но какими-то не детскими. Все, что она сказала, было глупо, неправильно, но объяснять ей что-то и доказывать было так же невыносимо, как убеждать осенний дождь или спорить с закатом солнца.

И мрачный Конан сидел неподвижно и безмолвно, пока к нему не подошел отшельник.

— Что ты хотел спросить у меня? — спросил он.

— Я? Ничего...

— Все приходят ко мне задавать вопросы. Впрочем, далеко не все бывают довольны ответами.

— У меня нет вопросов. Я просто провожал Лорейса.

— Тебе это только кажется. Тогда я задам тебе вопрос — что ты сделал в этой жизни?

— Я воин. Я убивал врагов, чтобы они не убили меня.

— Убивать может и зверь. Тигр и медведь, волк и шакал, крокодил и ястреб. Они убивают

добычу, а если не могут убивать, едят падаль. Чем ты отличаешься от них?

— Я стараюсь убивать тех, кто несет в мир зло — демонов и чудовищ, безумных магов и злобных мерзавцев.

— У тебя есть цель?

— Я хотел бы стать королем. Могущественным и справедливым.

— А если по справедливости все твои подданные будут заслуживать смерти?

— Я не знаю.

— Если ты хочешь стать королем, стань им. Не гоняйся за золотом, королевство не купишь. Стань вождем, который может повести за собой людей, и завоюй себе королевство.

— Так просто, — усмехнулся Конан.

— Если человек ставит себе цель и намерен ее достичь, то никакие преграды его не остановят. Если эта цель действительно нужна ему. Ты видишь эту долину?

— Да. Вообще-то, в таких горах обычно не растут деревья.

— Я захотел, чтобы они были. И они есть. Я захотел, чтобы гора не загораживала мне вид из долины. И ее нет.

— Магия, что ли?

— Ты боишься магии?

— Нет, я ее ненавижу.

— Люди ненавидят именно то, чего боятся. Но на самом деле маги ближе к тебе, чем ко мне. Только ты добиваешься намеченного своей силой, а они стремятся поставить себе на службу

силу других. Ко мне довольно часто приходят маги. Одни ищут знаний, другие пути к могуществу. Я отвечаю всем. Я говорю им правду, но не всегда это то, чего они хотят.

— А ты понимаешь, что они потом используют власть и знания для того, чтобы выпускать в мир разных чудовищ? Что ты вооружаешь безумцев?

— И где они все? Чем более безумен человек в своем стремлении к власти, тем вернее он сломает себе шею на этом пути. Так что меня не интересуют их стремления. Меня интересует, чтобы человек мог задать мне правильный вопрос и понять мой ответ. Нет ничего хуже людей, не задающих вопросы. Разве что люди, не способные понять ответы. Впрочем, тебе пора. Счастливого пути.

— А Лорейс останется с тобой?

— Да.

— Тогда прощай.

Отшельник повернулся и удалился, а Конан посидел несколько минут, собираясь с мыслями, медленно поднялся и пошел назад. Пройти по узкой перекладине над пропастью никогда не было для него проблемой, но сейчас он покачнулся и едва не упал, сумел восстановить равновесие, разозлился и быстро прошел по уступу. Спрыгнув на ровное место, он от души обругал отшельника, сел на коня, привязал веревку к уздечке лошади Лорейса и двинулся в обратный путь.

Вернувшись на развилку дорог, Конан начал обдумывать дальнейший путь. «Не гоняйся за зо-

лотом», — сказал отшельник. Хорошо ему говорить. Да что он понимает в жизни?! Стоит ли попробовать найти пещеру джиннов? Странно ее как-то называют: то пещера, то страна... Но люди оттуда возвращались, это обнадеживает. Конан вспомнил пещеру демонов и передернулся от отвращения.

Лорейс остался у отшельника, так что запас еды позволяет потратить лишние три дня на поиски пещеры. Даже если слухи десятикратно преувеличивают сокровища пещеры, то возможность уйти с добычей все же есть. Маловато корма для лошадей, это плохо. Человек может терпеть без еды, а лошадей надо кормить. Впрочем, лошади без поклажи, и их можно менять, чтобы давать им отдохнуть...

Конан решил. Он прошел по левому ущелью, поднялся по менее крутому склону в гору и нашел тропу. Следы людей по дороге попадались, но старые, очень старые. Выбоины, сделанные каким-то тяжелым инструментом, камни, собранные в кучи или выложенные в ряд. Когда-то здесь проходили люди и отмечали ориентиры на своем пути.

День начинал клониться к вечеру, когда Конан выехал из очередного ущелья и увидел впереди большую гору, возвышавшуюся над окрестностями. Тропа вела к ее подножию, где лежал огромный камень с гладко срезанной лицевой частью. Перед камнем имелась довольно ровная площадка, а два ряда камней образовывали четкую дорожку. Конан подошел к камню, держа

повод лошади, и огляделся. Солнце зацепилось за верхушку горы напротив и покрылось радужной пленкой звенящих сфер.

Разреженный воздух оказывал свое действие. Но чувство надвигающейся опасности уже начало настораживать Конана.

Сбоку раздалось неприятное шипение, и Конан оглянулся. Склон горы вспучивался гнилым нарывом, из него хлынул поток густой черной массы, свернулся улиткой, чудовищно разбух, но не скатился со склона, а прилип к нему, потом зашевелился и выпустил наружу чудовище. Вытянулась из непонятного комка шевелящейся черноты длинная шея, раскрылась в безмолвном реве зубастая пасть, вспыхнули яростным огнем глаза, расправились огромные крылья, и в воздух рванулся со склона горы гигантский дракон.

Шлепнулся на тропу мерзко пахнувший ошметок, и шарахнулись в сторону испуганные лошади. Конан стоял уже с обнаженным мечом наготове. Он понимал, что никаких шансов победить у него нет. Пасть, способная вместить лошадь, прикрывает единственное уязвимое место дракона — глаза. Но смерть киммериец встретит ударом меча!

Сзади раздался продолжительный шорох. Конан быстро оглянулся и увидел, что огромный камень скользнул в сторону, открывая вход в пещеру. Вход был ярко освещен изнутри, и там стоял человек, делая призывные жесты. Конану очень не понравился свет из пещеры. Сразу было

понятно, что это не отблеск живого огня, а какой-то магический свет.

Будь у него возможность выбора, Конан хорошо подумал бы, прежде чем идти к источнику такого свечения. Но гигантский дракон уже развернулся и полетел в атаку. Конан рванул коня за уздечку и побежал к входу в пещеру. Как только он и лошади оказались внутри, камень вернулся на прежнее место, оставив дракона за пределами досягаемости.

Конан огляделся. Матово светящийся купол уходил вверх, накрывая помещение. Именно помещение! Никакая это не пещера. Под ногами густая трава, впереди широкий коридор из блоков серо-желтого цвета высотой вдвое выше человеческого роста.

Человек, встретивший их у входа, был высок, худ и бос. Очень длинные светлые волосы, стянутые белой повязкой, обрамляли бледное лицо со светло-голубыми глазами. Одет он был в короткую тунику, подпоясанную широким поясом с множеством карманчиков, из которых торчали предметы непонятного назначения. Словом, маг... Конан направил на него острие своего меча и с раздражением увидел зажегшуюся на острие клинка маленькую злую искру. Меч как будто в смоле увяз. Отвел меч в сторону — искра погасла. Конан опустил оружие.

— Ну и куда это меня занесло? — примирительно спросил он.

— Малый мир, — ответил колдун. — Мир магии.

— Это я уже почувствовал, — вздохнул Конан.
— И что же здесь, подгорное царство? Страна джиннов?

— Приятно видеть у молодежи тягу к знаниям, — усмехнулся маг. — Да, некоторые чудачки называли наш мир страной джиннов. Может быть, ты разочарован? Может быть, ты хотел встретить не дракона, а именно джинна?

— Нет, спасибо. Мне вполне хватило дракона, и без джиннов я с удовольствием обойдусь.

— Хорошо. Так вот, о бесстрашный собиратель слухов, Малый мир — это не подгорное царство. И не потому, что у нас нет царей, без которых мы прекрасно обходимся, а потому что мир наш находится вовсе не внутри горы, как ты, видимо, подумал. Внутри горы находится выход из нашего мира в ваш мир. Но, кстати, чего же ты искал в наших местах? Тайных знаний или древних артефактов, дающих их обладателю неисчислимое могущество? Или ты надеялся подмести пол, чтобы избавить нас от всякого мусора навроде золота и драгоценных камней? Это я чтобы знать, в какие закрома тебя вести, — быстро пояснил он и снова перешел на прежний напыщенный стиль.
— Или ты собирался обрести преданное служение стаи вышеупомянутых джиннов, чтобы они исполняли твои дурацкие желания?

— Почему дурацкие? — слегка смутился Конан.

— А какие же еще? — изобразил безмерное удивление маг. — Но это же был не ответ на мои вопросы, — теперь он изобразил искреннюю пе-

чаль, тут же перешедшую в воодушевление. — Впрочем, подожди, я сам отгадаю! Итак, от джиннов ты благоразумно отказался, понятно. На искателя тайных знаний и могущественных артефактов ты тоже не похож. Не обезображено твое лицо и неустанными поисками истины... чего нет, того нет. Что же остается? Остается полагать, что ты прибыл сюда с целью нарыть дурного золота, которое только и ждет какого-нибудь безмозглого храбреца. Так?

— А если так, то что? — спросил Конан, крепче стискивая рукоять меча.

— Уй-уй-уй, — расстроился маг, — да ты, оказывается, еще и полагал, что сокровища охраняет орава поганных хлюпиков, которых достаточно будет разогнать и порубить твоим грозным клинком? Что же это делается в Большом мире?! Одно поколение идиотов сменяется другим, и нет этому ни конца, ни края! Ты меч убери, о вспыльчивый, целее будешь. Заклятие наложено на тебя, и твоя агрессия будет возвращена тебе же. Лучше вникни в происходящее — ты отсюда без моей помощи не выйдешь. Сдохнешь у выхода, но камня не сдвинешь!

Конан вздохнул и убрал меч в ножны.

— Вот это правильно, о благоразумный. Ты искал возможности заработать своим клинком золото? Ты получишь эту возможность. В скором времени. Пойдем.

Маг двинулся по коридору, несколько не беспокоясь за свою спину. Не то, чтобы Конан ему не поверил, но эта явная демонстрация безопас-

ности произвела на него впечатление. Он двинулся следом, ведя лошадей.

— Так тот дракон — твоё создание? — задумчиво спросил он.

— Все не так, как ты думаешь, о подозрительный! За то время, которое ты проведешь здесь, ты еще можешь столкнуться с черной дрянью. Это вырожденная материя, отход магической деятельности. Она накапливается и разрушает организованную материю. Я сформировал ее выброс в виде черного дракона, но мог бы придать ему и другую форму. Любая его форма неустойчива и скоро разрушится, но бесформенный выброс может проесть земную твердь. Мы этого избегаем.

— Кто это мы?

— Маги, о любопытствующий не по делу.

Они прошли тем временем несколько поворотов и развилок, а потом оказались на обширном открытом пространстве. Все та же зеленая равнина, а впереди — небольшой городок. Городок как городок, только маленький. Кирпичная стена в два человеческих роста, с небольшими башенками и крепкими воротами. Когда они подошли ближе, Конан увидел, что в некоторых местах стена изъедена до трех слоев кирпича вглубь. Кое-где были видны следы починки стены.

— Лошадей можешь оставить здесь, — сказал маг. — О них позаботятся. А в городе им места нет.

Конан снял свой дорожный мешок и начал расседлывать лошадей.

— Так что же я должен буду сделать? — спросил он.

— Наша сила — наша слабость, о предусмотрительный! Я нащупал еще один выход в Большой мир и хочу проверить его. Но наши люди довольно беспомощны в Большом мире. А ты сможешь сходить на разведку и вернуться.

— И что я за это получу?

— Ты хотел добыть золото, о корыстолюбивый? Ты получишь золота, сколько унесешь.

— Когда тебе обещают награду без меры, то часто норовят расплатиться клинком в спину или ядом в стакане.

— Слова тебя, по всей видимости, не удовлетворяют. Но ничего другого я тебе предложить не могу.

— Ладно, обсудим еще. Ну, идем?

Маг ошарашенно посмотрел на Конана, который с двумя седлами и прочей сбруей в руках собирался идти в город.

— Оно тебе зачем? — спросил он, показывая на седла.

— Чтобы не украли, — удивленный странным вопросом, ответил Конан.

— Кто и зачем станет это красть, о заботливый?

— Да кто ни попадя! — рассердился Конан. Он-то прекрасно знал, что мало-мальски ценная вещь не пролежит без присмотра и пяти минут в любом городе мира. А тем более прекрасная упряжь!

— У нас здесь нет лошадей. На кого, ты дума-

ешь, наденет эту упряжь вор, уж не знаю, откуда он у нас возьмется?

— Если целиком не найдут применения, так на ремешки порежут! — не смутился Конан.

— Это у вас в Большом мире так всегда бывает? — наконец догадался маг. — Глупость какая! Но у нас это немыслимо. Каждый человек у нас при деле и способен заработать на жизнь лицензионной магией.

— Какой магией?

— Понимаешь, каждый человек имеет специальное заклинание, которым он делает что-нибудь полезное.

— У вас что, все маги?

— Нет. Они имеют одно, редко два основных заклинания. Маги — это те, которые могут многое, и более того, создают новые заклинания. Магов мало.

— Ну ладно. Так что, мне сбрую прямо здесь оставить что ли?

— Конечно!

— И она никуда не денется?

— Говорю же тебе, она никому не нужна!

— Так, а кто же тогда позаботится о лошадях, если у вас никто с ними дела не имел?

— А что им, собственно, нужно?

— Напоить их нужно. И накормить.

— Чем?

— Овсом.

Маг озадаченно размышлял.

— Хлеб они едят?

— Едят.

— Ну и все! Я пошлю кого-нибудь накормить и напоить их.

Они вошли в город. Стражи не было, но само устройство ворот позволяло закрыть их быстро и надежно — они закрывались одной створкой, легко поворачивающейся на мощных петлях, укрепленных в стене. Крепкий железный засов при закрывании ворот сам падал в гнездо. Вот городская стена была совершенно неправильной — с внутренней стороны ее не было помоста, на котором могли стоять защитники города. Хотя в башенки вели лестницы, сложенные из кирпича.

Улицы города были достаточно широки для пешеходов и вымощены мелкопористыми каменными плитками. Двухэтажные дома из красного кирпича отличались от всех построек, которые Конану приходилось видеть в своих странствиях. Плоские легкие крыши и отсутствие водосточков — это понятно, вряд ли здесь бывает дождь или снег. Отсутствие сараев и конюшен тоже понятно. Непонятны слишком широкие окна, задернутые тонкими занавесками, но не прикрытые решетками. Легкомысленные двери, которые можно высадить с одного хорошего удара. Жители города явно не опасались вторжения незваных гостей. И слабый запах, пропитавший неподвижный воздух... Портовые города пахнут морем и тухлой рыбой, ремесленные — то кузнечным дымом, то кожевными мастерскими, то свежей краской, то нечистотами. Здесь в воздухе висел непонятный запах еды и тления, пряностей и испражнений.

Маг привел Конана в один из домов возле городской стены.

— Как тебя звать, о скромный? — спросил маг. — Я чересчур увлекся нашей беседой и забыл спросить тебя об этом.

— Конан. Конан из Киммерии. А как мне называть тебя?

— Ты можешь называть меня Ост.

Они вошли в дом. В большой комнате, застеленной ковром, сидели на полу несколько человек, которые при появлении мага встали и молча поклонились.

Обликом они были разные, но, как всякие жители чужой страны, несли на себе труднообъяснимые общие черты. Конан вскользь заметил незначительные отличия в покрое одежды, у некоторых людей туники были ветхие и заношенные, у других поновее и понаряднее, с фигурными застежками — значит, они вряд ли постоянные слуги мага.

— Проходите наверх, — сказал им маг. Он щелкнул пальцами, и сама собой открылась дверь на второй этаж, к которой вела лестница, идущая вдоль стены.

— Ты можешь ждать меня здесь или прогуляться по городу, — сказал маг. — Если хочешь есть, найдешь еду возле стола.

Маг поднялся наверх следом за ожидавшими его людьми, и сверху стали слышны шаги, шуршание и приглушенные голоса. Конан подошел к столу у окна и обнаружил там полку с хлебом и сыром, масло в глиняной чашке и колбасу в тря-

пице. В небольших кувшинах он нашел воду, пиво и какой-то фруктовый сок.

Конан поел, выпил кувшин пива и прошелся по комнате. Комната эта занимала почти весь первый этаж дома, а в пристроенных чуланах Конан обнаружил нужник и умывальник (таз и ведро воды), потом кладовку, в которой было сложено оружие — пара мечей, сабля, щит и топор, остатки доспехов, покрытые пылью и ржавчиной. Один из мечей полегче, прислоненный возле двери, был чист и заточен — его явно недавно держали в руках. За следующей дверью Конан обнаружил гардероб. Здесь висели пара чистых туник и пояс, а отдельно были сложены высокие сапоги, плащ и шаровары, рубаха и размотанная чалма. Конан хмыкнул и двинулся дальше.

В следующем углу под потолком был подвешен небольшой шар, ярко освещающий устроенные на стене мелкие полки. На полках лежали драгоценные камни. Самые крупные достигали размеров куриного яйца, но не только величина и несомненная ценность камней привлекла внимание Конана. Камни были прекрасно огранены и приковывали взгляд своей красотой. Здесь были алмазы и рубины, изумруды и сапфиры, разных оттенков и разной формы — круглые и вытянутые, сплюснутые и грушевидные. Чуть позже Конан обнаружил, что самые крупные камни были не так красивы, как более мелкие, но отделанные с высочайшим искусством.

Внизу стояли несколько маленьких ящиков, наполненные более мелкими камнями: от мелкой

горошины — до бобового зерна. Конан был достаточно опытен, чтобы предположить, что ценности, оставленные без присмотра, охраняются мощными чарами. Поразмыслив, он осторожно переложил пару мелких камушков из ящичков на пол и отошел в сторону. Если маг заметит перемещение камней, то Конан ничего себе и не взял. А если маг ничего не заметит, то камни можно будет прихватить потом.

Тем временем гости мага начали по одному расходиться, а за окном ощутимо потемнело. Маг спустился вниз с одним из прислужников и распорядился, чтобы тот приготовил постель для Конана.

— Посмотрел мою коллекцию? — спросил маг, показывая на полку с драгоценными камнями.

— Посмотрел. За эти камни можно купить несколько королевств. Хотя глупости я говорю! Редкий король наберет достаточно денег, чтобы купить хотя бы один из этих камней. А тот, кто вздумает продавать такой камень, будет просто убит. Или с целью отнять камень, или с целью отнять деньги, полученные им за камень. А убийца тоже не сможет сохранить добычу. Так что плата за камень будет расточена, а сам камень сможет задержаться лишь в руках достаточно могущественного человека.

— Вот как? — несколько удивился маг. — Но ведь это всего лишь прозрачные камни. Они довольно красиво выполнены, но убивать за них людей? Они радуют взор, но не более того!

— Иметь то, чего не может иметь твой сопер-

ник — за это властители готовы платить сотнями жизней своих подданных, — пожал плечами Конан.

— Воистину, Большой мир труднопостижим для нас, — сказал маг.

— Разве у вас не в ходу деньги? Когда за вещь готовы платить больше, чем стоит человеческая жизнь, жизнь стоит дешевле, чем вещь.

— За какие деньги ты вернешь умершего, о расчетливый?

— Ни за какие, но за деньги я найду десяток других на его место.

— У нас не так. Каждый может произвести с помощью магии что-то полезное, а за деньги купить нужные ему вещи. Но истинно ценные вещи за деньги не купишь. Здоровье. Жизнь. Покой. Знания. Заклинания высокого уровня. За них надо отработать магам. Так что больших денег ни у кого в нашем мире не бывает, да и применения им нет. Деньги — это просто разменная монета. И ничего более. Я, конечно, представляю себе в общих чертах устройство Большого мира, но разница оказывается все же больше, чем я ожидал. И не на том уровне жизненного устройства. Но это я обдумую потом. Сейчас можешь лечь спать, а завтра я тебя позову, когда подготовлюсь.

Конан проснулся, когда за окном вновь стало светло, обследовал кувшины и убедился, что пиwa за ночь не прибавилось. Он вышел из дома и отправился бродить по городу. Народу на улицах было мало, Конан прошел весь город, отметил

про себя отсутствие неперменного объекта любого города — торговой площади, развернулся и пошел обратно по другой улице. Он беззастенчиво разглядывал девушек, доводя их то до смущения, то до веселья, но он не мог успешно развивать знакомство, потому что не знал местных обычаев, да и Ост мог объявиться в любой момент.

Торговля в городе велась через выносные прилавки, которые горожане открывали перед своими домами. Раскрасневшийся, запыхавшийся хлебопек едва успевал выставлять на прилавки свежесотворенный хлеб, горожане тут же разбирали его, оставляя на прилавке мелкие медные монетки.

Понаблюдав за этой торговлей, Конан убедился, что в доме не топится печь и не замешивается тесто. Хлебопек творил хлеб с помощью заклинания, и каждый раз у него получался десяток совершенно одинаковых хлебов, причем один хлеб с края каждый раз был немного смят. Когда хлебопеку указали на это, он извинился, на несколько минут прервал торговлю в поисках вспомогательного заклинания и продолжил создавать хлебы уже без дефекта.

При этом хлебопек явно выбивался из сил, видимо, магия забираала немало его жизненной энергии.

Конан поморщился и пошел дальше. Возле прилавка с пивом он остановился и протянул пивовару серебряную монетку. Тот с сомнением посмотрел на нее и сказал:

— Не знаю, что это за деньги, но так и быть, возьму как сувенир.

Конан взял кувшин и хлебнул. Пиво было весьма заурядным, но пить было можно. Пивовар творил, в отличие от булочника, не по десятку, а всего лишь по два кувшина за раз.

— Хорошо вам тут живется, как я погляжу, — сказал Конан. — И еда, и выпивка, и все — за счет магии.

— На взгляд чужестранца — да. Только ты сначала заработай у магов базовое заклинание, отдай магистрату половину дневного заработка, расплатись за дом, а тогда и увидишь, как хорошо нам живется.

— Половину заработка? — удивился Конан. — И вы терпите? С чего бы это так много?

— Так половина города на магов только и работает. Так работает, что Черная Пустошь растет и плещется. И чем больше усилий маги прилагают, чтобы удержать ее, тем сильнее она плещет...

По улице мимо них бегом промчались двое горожан в черных туниках с желтой каймой. Они вломились в один из домов неподалеку, едва не сорвав дверь с петель, и вскоре вышли наружу в сопровождении человека с заломленными за спину руками. Они его не держали, он не был связан, но шел так, будто на него были надеты колодки невольника. Соседи, выглядывающие в окна, безмолвствовали.

— И что это было? — спросил Конан.

— Малое сыскное войско, — ответил пивовар. — Пресекают нелегализованную магию.

— Что это такое — нелицензированная магия?

— Дело в том, что магические заклинания со временем слабеют, и их приходится подкреплять мелкими вспомогательными заклинаниями. Но за каждым вспомогательным заклинанием надо идти к магам. А некоторые умельцы умудряются сами переделывать заклинания. Так маги этого не любят. Настолько не любят, что виновников карают без всякой пощады. Они говорят, что самодельная магия очень сильно разогревает Черную Пустошь.

— Понятно, — сказал Конан. Он допил свое пиво, поставил кувшин на прилавок и пошел дальше. Ему уже осточертел этот город, живущий магией, ему надоел этот тусклый свет и навязчивый запах. Ему хотелось как можно быстрее покинуть мир колдовства.

Он вернулся в дом Оста, доел хозяйские припасы, обнаружил, что выложенные им камешки лежат все там же, на полу, и засунул их себе в пояс.

Некоторое время спустя сверху спустился маг и спросился:

— Готов ли ты отправиться обратно, в Большой мир?

— Готов, готов, — ответил Конан. — Меня уже тошнит от вашей магии.

— А ты хотел обрести богатую добычу, не преодолевая трудностей, о привередливый?

— Я предпочел бы получить добычу в честном бою.

— А я предпочел бы, чтобы люди понимали

обращенные к ним слова, а не вели себя как неразумные дети, повинующиеся лишь своим желаниям, — возразил маг. — Но ни меня, ни тебя никто не спрашивает, что мы предпочитаем. Так что давай будем исходить из сущего, а не из желаемого.

— Ладно, — согласился Конан. — Пошли.

Они вышли из города, и Конан убедился, что упряжь лежит там, где он ее и оставил. Лошади стояли у ворот, здесь же были два ведра с остатками воды и недоеденные куски хлеба на траве. Конан начал готовить лошадей, а маг стоял рядом, поглядывая то по сторонам, то вверх. Взгляд у него был отнюдь не безмятежный, но Конана он не торопил.

Они вновь прошли через лабиринт каменных блоков и оказались на границе Малого мира. Край его отчетливо был виден в виде стены дикого камня и снижающегося светящегося свода.

— Я рассчитываю, — сказал маг, — что тебе понадобится дня два на то, чтобы объехать окрестности того выхода в Большой мир, который я сейчас открою. Но на всякий случай я буду ждать тебя неделю. Расскажешь мне обо всем, что увидишь и узнаешь. Возьми вот этот камешек, когда ты вернешься, я по приближению камешка узнаю, что надо открыть вход.

Он протянул киммерийцу небольшой плоский прозрачный кристалл неправильной формы.

— А если я не смогу сохранить его? — спросил Конан.

— Лучше постарайся сохранить, — ответил маг, — потому что, если ты не вернешься обратно через неделю, сработает наложенное на тебя заклятье, и ты умрешь. Ничего личного, о могучий! Я просто не хочу, чтобы ты решил пренебречь исполнением моего поручения.

— Заклятье, значит? — Конан с трудом сдерживал злость. — Вот какого мага ни возьми, так обязательно мерзавцем окажется! Среди богатых людей есть жадные, а есть щедрые, среди сильных людей есть злые, а есть добрые, среди могущественных людей есть умные, а есть глупые. Но среди магов порядочных людей не бывает!

— Хорошо, о красноречивый! Я тебя понял. Я попытаюсь развеять твое предубеждение против магов, когда ты вернешься и сполна получишь обещанное тебе золото. Я даже не стану упоминать про украденные тобой два драгоценных камня. Готов ли ты к выходу в Большой мир?

— Готов!

— Тогда как только я открою выход, быстро двигай вперед. Монстров на этот раз не будет, но выброс черной дряни накроет часть окрестностей.

Маг занялся своими амулетами, и вскоре в стене открылся проход. Конан с лошадьми двинулся вперед, но проходя мимо мага, сделал попытку схватить его, чтобы вынести вместе с собой на поверхность и там попытаться заставить колдуна снять заклятие. Но маг был внимателен. Он ловко увернулся, хлопнул ладонью по крупу лошади, подгоняя ее, и крикнул вслед:

— Удачи тебе, о злонамеренный!

Конан выехал на поверхность земли и увидел, что никаких гор вокруг нет. Перед ним широко раскинулась зеленая степь. Огромный камень на холме уже закрывал вход, и вокруг начинала растекаться черная густая жижа. Конан вскочил в седло и поскакал прочь.

..Широка и привольна Великая степь. Бескрайние просторы, протянувшиеся на многие дни пути, дарят путнику ощущение свободы от глупых условностей, которые царят в городах. Все золото мира не заменит здесь верного коня и острый клинок. И никто не властен над тобой в этом мире. Пока ты не повстречаешь других людей.

Они появились на краю горизонта, заметили Конана и сразу поскакали к нему. Он насчитал восемь всадников. Бежать было бессмысленно. Конан подготовил свое оружие, поставил заводную лошадь под левую руку, чтобы не мешала биться и прикрывала от нападения слева, и стал ждать. Можно было ведь и договориться...

Они не стали разговаривать. Первый всадник, пытавшийся полоснуть Конана саблей, недооценил длину его меча и получил удар на опережение. Он попробовал резко наклониться в сторону и уйти от удара, но меч Конана достал его и разрубил плечо. Второй всадник плашмя хлестнул по крупу заводную лошадь киммерийца, и она рванулась в сторону.

Тут Конану пришлось плохо. Степные наездники пролетали мимо него на своих конях, нано-

ся стремительные удары и уклоняясь от ударов его меча.

Атака следовала за атакой, вот конник справа скрывается за туловищем своего коня, и меч проходит мимо цели, а всадник слева достает Конана саблей, и удар надрубает железную пластину, нашитую на рукав его куртки. Вот противник принимает удар меча на край круглого щита, а его сабля звенит о шлем Конана.

Сабельные удары не так сильны, как удары меча Конана, но они быстрее и чаще достигают цели. Шлем смягчает удар, но все равно такой удар потрясает. Отражать тяжелым мечом молниеносные сабельные выпады трудно, приходится бить на опережение, но быстрый противник успевает среагировать на удар.

Будь на Конане сплошные доспехи и какое-нибудь прикрытие, он бы порубил своих противников. Но не стали бы они тогда атаковать. Раз за разом сабли ищут участки, не закрытые железом. Трижды они нашли неприкрытую левую ногу, и кровь уже течет из глубоких ран. Двоих сумел достать Конан, одного тоже в ногу, а другого по шлему. Хороши удары северянина!.. Ни один противник, получивший удар меча, не остался в седле. Но были это, похоже, самые молодые и неопытные.

Конан пускает своего коня вскачь, чтобы на скаку встречать противников по одному, но они быстрее. Снова меч Конана встречается со щитом противника, и тут же две сабли поражают его в руку и в голову...

* * *

Очнулся Конан в сумрачном полумраке и долго пытался понять, что с ним случилось. Запахи дыма от живого огня, мокрой шерсти и кислого молока, мягкая постель, невнятные голоса. Кружится голова, болит нога и плечо. Вспомнил — он бился со степными конниками и был ранен...

Ласковая рука касается лба, помогает поднять голову и дает пить. Пить — это хорошо. Хотя вкус у жидкости странный. Гул в ушах. Конан закрывает глаза и проваливается в забытие.

Когда Конан вновь проснулся, ему объяснили, что пастухи Тайчи-нойона нашли его раненым и обессилевшим от потери крови. Тайчи-нойон сам пришел говорить с киммерийцем. Это был высокий плотный мужчина с загорелым морщинистым лицом и внимательными карими глазами. Молодость его давно миновала, но никто не называл бы его стариком. Он был крепок, только волосы биты сединой.

— Сколько дней прошло с тех пор, как я бился? — спросил Конан.

— Третий день пошел, — ответил Тайчи-нойон, — а нашли тебя под вечер того дня, когда ты сражался, по следам было видно.

— Третий день? Значит, у меня осталось четыре дня для возвращения.

— Куда спешишь?

— На меня наложено заклятье. Я должен вернуться, чтобы маг снял чары, иначе я умру.

— Плюнь на мага. Когда ты был без сознания, тебя посмотрел наш шаман. Хороший шаман, сильный. Беседующий с духами. Он очистил твои раны от огня, твой разум от притяжения смерти и твою душу от заклятий и от всех следов магии. Зачем ты связался с колдуном? Настоящий воин всегда рассчитывает только на свои силы.

— Я всегда рассчитываю только на свои силы. Заклятие было наложено не по моему желанию.

— Бывает.

— Подожди! Так я свободен от заклятья? Ну, так пусть Ост подавится обещанной наградой. Все равно бы он меня обманул. Не желаю я быть под заклятьем, даже за все золото мира!

— Вот это слова настоящего мужчины. А то приходилось мне видеть таких людей, которые ради золота готовы были пресмыкаться перед сильными и топтать слабых.

— Таких всегда хватает. Послушай, а кто были те конники, которые меня порубили? Они бились как воины, но воины обычно не нападают на проезжих путников, как разбойники и всякий сброд.

— В степи царит сильный, — медленно стал объяснять Тайчи. — И случайный путник здесь — добыча для любого, кто сможет его осилить. Здесь много племен, пастухи гонят стада по всей степи. Каждый знает своих соседей и стережется от врага конными разъездами. Если идет купец, то он идет с караваном, с охраной, он полезен, и его не трогают. Если едет посланник, то он едет со свитой и со знаками своего поручения. Чтобы

ехать по степи, надо договориться о сопровождении. Ты был никто. Добыча. Не обижайся. Вот мои стада сейчас охраняют полтора десятка воинов — зятья и племянники, двоюродные братья и дальние родичи. Я богат и уважаем. Но нападет на нас сотня врагов — и все мои люди полягут под саблями захватчиков. И они возьмут мои стада, юрты, женщин.

— А зачем вы выбрали меня? Мне нечем заплатить сейчас, все мои деньги пропали.

— Было время, когда я водил в поход до пяти тысяч воинов. Мы сжигали города и деревни, брали богатую добычу. На обратном пути чужое войско преградило нам дорогу. В той битве сгорела моя сила и моя слава. Мой род стал слаб. Мой старший сын погиб в этой битве. Он был как ты, богатырь. Война отсеивает слабых. Я отвлотился от войны и пытаюсь сохранить остатки моего рода. Я спас твою жизнь, потому что не хочу давать лишнюю работу смерти.

После прихода в сознание Конан быстро пошел на поправку. Сначала его поили кислым молоком, чтобы ослабший организм снова смог принимать пищу, потом дали выпить чашу свежей крови, а со следующего дня Конан ел уже жареное мясо с кашей из пшеницы. Тайчи-нойон со своей дочкой Сауль следили за ходом выздоровления, и часто Конан рассказывал им о своих приключениях, а Тайчи объяснял киммерийцу уклад степной жизни.

— Летом стада расходятся по степи, чтобы у скота было вдоволь травы. Лучшие места там,

где есть водопой — там пасут скот сильные рода. К осени молодняк набирает вес, и мы продаем часть стада. С одной стороны, чтобы купить все необходимое — сабли и соль, ткани и зерно, посуду и деревянные изделия. С другой стороны, мест для зимовки не так много, надо уменьшить стадо, чтобы легче было его прокормить зимой. На зимовку рода собираются плотно, торгуют, заключают союзы, готовят войска для похода на соседей. Когда в степь приходит чужое войско, никто на его пути не может ему сопротивляться. Войско угоняет стада, забирает наши юрты и имущество. Ни один род не выстоит против тысячи воинов. Единственное спасение — если нас успеют предупредить о нашествии, и мы успеем уйти с пути чужого войска. Но быстро стада не перегонишь.

— А собрать свое войско? — спросил Конан.

— Собираем. Но степь широка. Долго собирать степное войско, долго. Вражье войско успевает уйти с добычей. Потому и ходим мы сами в чужие земли, чтобы сломить силу вражеского войска. Страх и смерть — извечные спутники войны. А чего боишься ты, Конан?

— Да ничего я не боюсь!

— Ты не боишься боли и смерти, ты не боишься никакого противника, это так. Но ты боишься быть слабым. Не так?

— Я всегда полагался только на свою силу.

— Но на всякую силу найдется другая, более сильная. Ты встретился в степи с десятком воинов — и никакая сила тебе не помогла. Ты рас-

сказывал, что через твои руки прошли большие богатства, но они ушли, и ты остался ни с чем...

— Я добуду деньги снова!

— Зачем? Деньги утекают прочь, и ничего у тебя не остается. Работай не на деньги, а на славу. Стань вождем, чтобы за тобой пошли десятки и сотни воинов. Поведи их от победы к победе, и золото потечет к тебе. Оно тут же уйдет от тебя как плата твоим людям, но еще больше укрепит твою славу. Тогда ты станешь неизмеримо сильнее, чем просто силой своих мышц. Ты можешь завоевывать государства и подчинять их себе. Но не слава вора проведет тебя по этому пути, а слава воина!

Сауль — младшая дочь Тайчи-нойона была молодой незамужней женщиной. Никто не называл бы ее красавицей, но она была по-своему мила и очаровательна. Проведя с Конаном несколько дней в разговорах, перевязывая его раны и принося ему еду, она все крепче привязывалась к могучему киммерийцу. Прикосновения, переходящие в ласки, девичьи мечты воспламеняли ее, и через пару дней она легла с Конаном. Когда утром она упорхнула из его постели, Конан с некоторым смущением встретил взгляд Тайчи-нойона.

— Тайчи-нойон, — начал Конан, — я не хотел бы показаться тебе неблагодарным или нарушать ваши обычаи, но что произошло, то произошло.

— Я сам послал ее к тебе, — сказал Тайчи-нойон.

— Да? Хм. Обычно отцы берегут дочерей для

желанных мужей. А я даже не знаю, надолго ли останусь здесь.

— Сауль моя любимая дочка, и я не хотел бы отдавать ее в чужой род. А от тебя у нее родится хороший сын. Сильный. Смелый. Мой внук. А если Сауль потом найдет хорошего жениха, то пусть он будет достаточно умен и не откажется взять ее с ребенком. Сауль будет счастлива с тобой. Ненадолго? Но кто может знать, что ему готовит завтрашний день?

Когда раны Конана достаточно зажили и он начал ходить, Тайчи начал подбирать для него оружие.

— Я привык биться длинным прямым мечом! — твердо объявил Конан.

— У меня такого просто нет, — ответил Тайчи-нойон. — Да и зачем тебе такой меч? Длинный меч нужен для того, чтобы нанести очень сильный удар. А большинство твоих противников вовсе не таковы, чтобы им требовался настолько сильный удар. Вот посмотри — в чем преимущество такого клинка?

Он показал Конану сильно изогнутую саблю. Конан поразмыслил и сказал:

— Для боя в тесноте?

— Точно. Я не предлагаю тебе эту саблю, она тебе не по руке, но ты сам понял — в тесной схватке длинный меч может быть зажат, и ты не сможешь им ни размахнуться, ни ударить. Когда ты бьешься конным, надо как можно быстрее рубить противника. Попробуй вот эту саблю, более подходящей для тебя у меня все равно нет.

Конан понемногу привык к сабле и смог оценить, насколько стремительнее получались удары непривычно легкого для него клинка. Он осваивал искусство бросать аркан и стрелять из тугого короткого лука, учился не просто скакать на лошади, но и резко уклоняться от чужих ударов, оставаясь в седле. Тайчи-нойон видел, что жизнь кочевника не очень привлекает Конана, и тот ждет лишь возможности уйти. И Тайчи-нойон задумывался. Тем временем они кочевали следом за стадами на новые пастбища, изредка встречаясь с чужими стадами и, обменявшись новостями, расходились в стороны, чтобы не мешать друг другу.

Однажды, объезжая окрестности стад с двумя воинами, Конан наткнулся на чужих всадников. Их было около десятка, и они сочли троих встречных легкой добычей.

— Нападем на них? — спросил Конан, когда чужие всадники поскакали навстречу, развертываясь в облавное полукольцо, чтобы не дать никому уйти.

— Сначала сделаем вид, что бежим, а за тем холмом встретим их, — ответил один из воинов.

И в развернутую цепь десятку чужих конников врезалась смертоносная тройка бойцов. Конан скакал впереди и разил противников молниеносными ударами сабли, а двое воинов не давали никому напасть на него сбоку или сзади. Чужаки поняли, что ошиблись с добычей, когда пятеро из них легли, порубленные саблями. Остальные побежали. Троих из них успели догнать

или сбить стрелами, а двое сумели уйти. Конан вернулся к юрте Тайчи-нойона с захваченными лошадьми и связкой оружия врагов.

— Я не останусь перед тобой в долгу! — радостно сказал он.

— Значит, я не ошибся, — спокойно ответил Тайчи-нойон. — Хотя я и не рассчитывал что-то получить с тебя. Пока ты сражался, приехал один мой знакомый. В двух днях пути от нас сейчас проходит большой торговый караван. Ты можешь успеть присоединиться к нему. Поедешь?

— Да. Спасибо, Тайчи-нойон! Я не забуду тебя. Могу я попрощаться с Сауль?

— Нет. Она сейчас в пути к следующему становищу. Я скажу ей все слова, которые нужны женщине. Собирайся и счастливого пути, Конан!

И вновь степной простор лег под копыта коня, унося отважного киммерийца к новым приключениям.

Ярость титанов

В солнечным ясным днем, подъезжая к Султанапуру, Конан отметил высоту его каменных стен и несокрушимую прочность башен, выдававшихся по обе стороны широких ворот, чтобы в случае осады держать под обстрелом врагов, которые будут пытаться проломить ворота тараном. Конан не позавидовал этим людям. Небольшой подъем перед воротами не давал бы им возможности разогнаться для удара, и стрелки, прикрытые на башнях каменными зубцами от обстрела снаружи, могли бы беспрепятственно поражать штурмующих. А лезть при штурме на стену — удовольствие невеликое. Пока на стене будут защитники, город не взять. Впрочем, без защитников не устоит ни жалкий частокол, ни могучая твердыня.

Конан въехал в город, заплатил стражникам у ворот мелкую серебряную монету, проехал по уз-

ким пыльным улицам мимо ряда домов с дворами, обнесенными глухими глиняными заборами с плотно закрытыми дверями, увидел широко открытые ворота постоянного двора и въехал туда. В центре двора находился колодец, обложенный кругом тесаным камнем, рядом была устроена коновязь и лежала выдолбленная колода с водой для лошадей. Открытая конюшня находилась в одном углу двора, в другом меланхолично перетаптывались с ноги на ногу два одnogорбых верблюда. Куча навоза во дворе была еще недостаточно большой, чтобы хозяин озаботился ее вывезти, но достаточно зрелой, чтобы наполнить двор своим запахом. Пара абрикосовых деревьев, с которых плоды были уже собраны, но несколько штук еще оставались на ветках, давали густую тень возле дома. На открытой веранде ели и выпивали несколько гостей.

Постоялый двор был именно тем, что нужно киммерийцу — недорогим заведением, где можно будет остановиться на несколько дней. Селиться в более роскошном заведении, где принимают богатых купцов, где играет музыка и танцуют девушки, Конану было сейчас не по карману. Он подошел к хозяину и, договорившись о плате, прошел следом за ним в маленькую комнатку с узким окошком, затянутым тонкой тканью от мух. Один из слуг тем временем расседлал лошадь киммерийца и устроил ее под навесом от палящего солнца.

Конан сложил свои скромные пожитки в комнате, разулся и переменил белье, сходил к колод-

цу, умылся и сбрил ножом, заточенным до бритвенной остроты, свою трехдневную щетину, потом отдал слуге белье для стирки. Он заказал миску плова и арбуз, сел с ними на веранде, слушая разговоры посетителей. Торговцы обсуждали обычные дела — дороги и цены, поборы властей и беспорядки на границе.

Конан доел арбуз, сполбснулся, сходил к себе в комнатку и обулся. Потом он пошел прогуляться по городу. Он прошел мимо роскошных дворцов, окруженных каменными стенами с острыми зубцами, густо натканными по краям, мимо многочисленных лавок ремесленников, выставлявших товар прямо на улице, вышел на торговую площадь, где в изобилии продавались съестные припасы, а в углу шел вялый торг рабами.

Несколько полуголых людей под жалким навесом равнодушно ждали покупателей. Покупатели появлялись редко, присматривались, приценивались, но покупать не торопились. Несколько стражников в легких доспехах и белых чалмах на железных шлемах бродили по площади, старательно изображая неусыпную бдительность на опухших от безделья физиономиях.

Конан прошел мимо лавок, торгующих шелком и украшениями из золота и драгоценных камней, остановился возле лавки менялы и разменял у него свою единственную золотую монету на горсть серебра и меди. Заодно он оценил возможность нанести ночной визит в лавку менялы, но решил, что в этом доме слишком много жиль-

цов. Опасности они не представляли, но не дали бы возможности незаметно уйти.

— А кому здесь можно будет продать драгоценности? — спросил он менялу.

— Какие именно драгоценности, почтенный господин? — заинтересовался тот.

— Золотые украшения, камни, — пожал плечами Конан, — они у меня не с собой.

— Понятно, — согласился меняла, — золото я могу оценить и купить. Но не как изделия, а на вес. Камни возьмут в любой ювелирной лавке, для перепродажи или переделки, но если ценности окажутся в розыске, то господину придется объясняться с судьей. А суд у нас скорый.

— Мне это не грозит, — с нарочитой уверенностью сказал Конан.

— Конечно, конечно, — поспешно закивал головой меняла. — Это я так, по привычке.

Киммериец ни на миг не усомнился, что шустрый меняла с превеликим удовольствием взял бы у него краденые драгоценности... за половину их настоящей цены. Конан прошел по площади, свернул в один из переулков и в кузнечной мастерской купил закаленный железный крюк. Хозяин был слишком рад покупателю, чтобы интересоваться странными потребностями чужестранца. Выходя из лавки, Конан быстро подвесил крюк в рукав своей куртки: идти с ним по улицам в открытую было бы несколько неосторожным.

Когда Конан проходил через площадь обратно, в одном из ее углов вспыхнула суматошная

возня, крики, побежали в разные стороны мальчишки, и вдруг чуть в стороне от этой суматохи раздался истошный крик:

— Держи вора!

Дернулись на крик встрепешившиеся стражники, засуетились окружающие торговцы, вцепились в бегущего вездесущие доброхоты, и вскоре двое стражников поволокли к судье пойманного преступника. Торговцы вокруг разрывались от несовместимых желаний — еще бдительнее следить за своим товаром и пойти посмотреть на происходящее. Покупатели дружно переместили внимание с покупок на пойманного вора, и вскоре вокруг судьи собралась густая толпа. Конан не стремился посмотреть это зрелище вблизи, но остановился в стороне и подождал.

Через несколько минут судья огласил вердикт, и из толпы раздался вздох сбывшегося ожидания. Стражники сноровисто выволокли упирающегося человека на помост в центре площади, поставили на колени, вывернули одну руку назад, другую положили на колоду, сверкнул на солнце занесенный клинок — и упал с мягким стуком. Толпа содрогнулась в приступе сладостного ужаса, а на помосте уже лекарь отработанными движениями при помощи стражников перетягивал кровавую культю жгутом. Когда он замотал увечному обрубок руки тряпкой, стражники медленно сошли с помоста.

Пойманный вор сидел на помосте, тихонько покачиваясь из стороны в сторону, убаюкивая укороченную руку. Толпа, насытившаяся зрели-

шем страха и боли, начала расходиться. Кто-то бурно рассуждал о справедливой жестокости закона, кто-то подавленно молчал, понимая бессмысленность всяких слов для того, кто только что был наказан клинком палача. Больше всего поражала воображение злобная необратимость произошедшего. Какие-то люди уже суетились у помоста, помогая увечному уйти. Конан не стал вникать в дальнейшее, он развернулся и пошел на свой постоялый двор. Зрелище было для него достаточно мерзким, но ему не было жаль незадачливого вора. Этот мир не для неудачников.

Вечер Конан провел за кувшином вина, а когда начало темнеть и слуги стали запираť ворота, пошел в свою комнатку. Там он достал из мешка веревку и крепко привязал ее к крюку, который купил сегодня днем, проверил вороненые кинжалы, чтобы не лязгали в ножнах, после чего лег спать. Проснулся он, как наметил для себя, глухой ночью, бесшумно обулся, захватил кинжалы и веревку с крюком, после чего подошел к двери и прислушался. Было тихо. Вечером он натер петли кусочком жира, и дверь открылась без звука.

Мягко ступая, Конан прокрался к выходу, быстро пересек двор и снова прислушался. Убедившись, что на улице никого нет, киммериец легко перемахнул глинобитный забор и приземлился мягко, как кошка. Улица была пуста, и в свете ущербной луны, светившей ясным спокойным светом, он уверенно двинулся к намеченному дворцу.

Камни, накаленные днем жарким солнцем, уже успели остыть, и прохладный ветерок освежал спящий город. Однажды впереди грустно протопал патруль из трех полусонных стражников, но утомленные беспечным хождением по темным улицам спящего города, они не заметили притаившегося киммерийца. Он подождал, пока стражники скроются за ближайшим поворотом, и двинулся дальше.

Подобравшись к намеченному дворцу, киммериец снова убедился, что никто не бродит в конце ночи по окрестностям, закинул на стену крюк на веревке и быстро поднялся наверх. Здесь ему пришлось проявить кошачью ловкость, чтобы подняться на стену, не напорвшись на острые железные жала, но он справился с этой нелегкой задачей. Пару наконечников он загнул невероятным напряжением мускулов, взобрался на стену, снял крюк и мягко прыгнул вниз.

Убедившись, что его вторжение на территорию дворца прошло незамеченным, Конан крадучись перебежал по саду, лавируя между кустов и деревьев, к зданию дворца. Продолжая прислушиваться, он смотал веревку с крюком и засунул ее за пояс. Ломиться в двери или закрытые решетки окна первого этажа он не стал, а ощупал каменную стену опытными пальцами и стал подниматься по стене. Он поднялся на третий этаж и протиснулся в открытое окно. Конан чудом умудрился не обрушить при этом полочку с посудой, как будто специально поставленную возле окна.

Комната, в которую он попал, была слишком велика, чтобы в ней хранить что-то ценное. Пол, устланный ковром, ковры на стенах с развешанным на нем оружием, небольшой столик с письменными принадлежностями, полки со свитками, кушетки. И никаких признаков денег и драгоценностей. Впрочем, оружие на ковре вряд ли было дешевкой из армейских арсеналов... Конан выбрал кинжал с рукояткой, украшенной камнями, ценность которых он оценить не мог в полумраке, но решил, что это достаточно сносная вещь. Заткнув кинжал за пояс, киммериец открыл дверь и вышел в коридор. Осторожно ступая по краю, чтобы не скринула доска под ногой, Конан подошел к следующей двери и попробовал открыть ее.

Дверь оказалась заперта, и Конан приободрился. Это явно не была дверь спальни, а раз она закрыта, то за ней должно храниться что-нибудь ценное. Он решительно сунул между створок свой самый прочный кинжал, навалился на дверь всей своей силой и она, жалобно хрустнув, открылась. Конан немедленно скользнул внутрь и пошел по комнате в поисках добычи.

Он не ошибся. Пара внушительных сундуков стояли возле одной стены, возле другой он нашел стол с ларцом, закрытым навесным замком. Ларец был слишком велик, чтобы унести его с собой. Конан вцепился в замок и решительно свернул его на сторону.

Дорогое дерево сопротивлялось недолго. Киммериец выворотил петли вместе с гвоздями и от-

крыл ларец. Здесь действительно были драгоценности. Но Конан не смог спокойно завладеть добычей — в коридоре раздались шаркающие шаги, и появился тусклый свет приближающегося светильника.

Конан ухватил какую-то мелочь, чтобы не звенеть рассыпающимся золотом, сунул себе за пазуху и бесшумно скользнул к двери. Обитатель дворца мог и не заметить следов вторжения. Но тот все-таки не остановился на полпути. Остановившись возле порушенной двери, он потоптался на месте, видимо, рассматривая дверь, потом произнес старческим голосом:

— Кто здесь? Эй, кто на страже?! Сюда!

Конан резко распахнул дверь, надеясь сразу прибить непомерно бдительного старца, но тот стоял достаточно далеко, и дверь его не задела. Кулак Конана стремительно мелькнул в воздухе, чтобы с одного удара оглушить противника, но тот успел пасть на колени и с визгом откатился в сторону. А по коридору уже резво приближались двое слуг с факелами в руках.

Увидев их, Конан решил не продолжать битву, а бежать, пока не поздно. Он развернулся, метнулся за угол и побежал по лестнице вниз. Сверху неслись истошные крики, и слышался топот слуг. Догнать Конана они, конечно, не могли, но подняли такой шум, что на первом этаже уже вываливалась из дверей спальни целая толпа полуголых челядинцев.

Искать более свободный выход было неуместно, и Конан врезался в эту толпу, стремясь про-

рваться к выходу. Он не собирался их убивать и бил не лезвием, а рукояткой кинжала. Он сразу повалял несколько человек, могучими ударами кулаков отбросил других, отпинался от поверженных противников, пытающихся хватать его за ноги, и прорвался на волю.

Резко рванувшись вперед, он оставил позади обитателей дворца и уже увидел дверь, ведущую на свободу, но тут перед ним воздвигся привратник. Был он раза в полтора шире Конана и дверь загораживал вполне добросовестно. Варвар налетел на него, могучая лапа привратника схватила его за запястье, рванула руку с кинжалом в сторону и ударом об стену выбила кинжал из руки.

Конан рассердился не на шутку. Круговым движением кисти он освободил свою руку из захвата, так что туша его противника развернулась, и тут же стремительно ударил его костяшками пальцев в горло, почувствовал, как с хрустом сминается гортань привратника и начинает бессильно оседать тело гиганта. Благо, что дворец все-таки не готовился к осаде, и дверь не была закрыта на засовы...

Конан одним ударом сорвал щеколду, распахнул дверь и бросился к стене.

Он подбежал к стене в том же месте, где уже перелезал ее, закинул крюк и в несколько рывков поднялся наверх. Рядом с ним в стену ударила тяжелая стрела, выбив брызги каменной крошки. Еще одна стрела прошла точно над стеной, но киммериец уже спрыгнул вниз. Мгновенное сомнение — стоило ли задержаться и снять

крюк? — унеслось вместе со свистом стрелы, ушедшей в пустоту. Стрела пришла бы точно в него, задержись он на это ничтожное мгновение. Но размышлять и сомневаться было некогда. Конан бросился в ближайший переулок.

Патруль, добросовестно пытаясь от непомерного напряжения сил, вывалился из-за угла ему навстречу, и убежать от них было поздно. Пока доблестные стражники пытались извлечь из ножен свои сабли, Конан опередил их ударами кулаков. Первый стражник рухнул как подкошенный, второй отлетел к ближайшей стене и попытался восстановить душевное равновесие, третий повис на киммерийце, осуществляя вековые традиции своей профессии — тащить и не пущать. Резким поворотом корпуса киммериец придал повисшему на нем стражу неудержимое движение в сторону и впечатал его в стену рядом с напарником. Под градом ударов их стремление к славе доблестных защитников порядка быстро уступило место желанию получить как можно меньше увечий на этом пути.

Убедившись, что стражники больше не проявляют неуместного героизма, Конан решил слишком не увлекаться своей победой и побежал дальше. Чтобы не давать стражникам направления для дальнейших поисков нарушителя спокойствия, он свернул не в ту сторону, сделал крюк и вернулся к постоялому двору с другой стороны. Переведя дыхание, он снова перелез через стену и все так же бесшумно вернулся в свою комнатку.

* * *

Утро следующего дня началось совершенно спокойно. Никто на постоялом дворе не подозревал, что их постоялец нарушал покой спящего города.

Но когда Конан вышел за ворота постоялого двора, перед ним возник патруль. Не просто обычный патруль из трех стражников, а усиленный. Десятник с позолоченной бляхой на железном нагруднике и с тремя мордоротами за спиной, и один человечек в потертой одежде горожанина, с цепким взглядом соглядатая. Сзади тут же подошли еще шесть стражников с короткими копьями наизготовку.

— Твое имя Конан из Киммерии? — спросил десятник тоном вполне почтительным, но не оставляющем сомнений в том, что ответ ему известен заранее.

— Да, — ответил Конан, заранее прикидывая, что через шестерых с копьями в случае чего будет не пробиться. Они сделают только один выпад, и кто-нибудь из них обязательно его достанет. А если рвануться вперед, то его задержат ровно на тот же самый миг копейного удара...

— Великий визирь Аль-Тифани просит тебя прибыть к нему в его дворец. Мы посланы, чтобы с почетом проводить тебя во дворец.

— Мне нужно несколько минут, чтобы привести себя в порядок, — начал было Конан, лихорадочно размышляя о том, откуда вообще великому визирю стало известно его имя, не говоря

уже о настойчивом желании видеть киммерийца перед собой.

— Великий визирь не может ждать, — возразил десятник, положив руку на эфес своей сабли. Он явно не собирался давать Конану возможности уйти от столь пышного эскорта.

— Я не могу оскорблять взор великого визиря неподобающим внешним видом, — заявил Конан, пытаясь сделать шаг к воротам постоялого двора.

— Великий визирь и не такое видал. А если будет нужно, он предоставит тебе все необходимое прямо во дворце.

Стражники с копьями стояли плотно и не думали пропускать киммерийца к воротам.

— Должен ли я снять свое оружие перед таким визитом? — спросил Конан, прикасаясь к висящей на поясе сабле.

— Нет. Великий визирь не боится покушений.

Не пойти было невозможно. Даже если по дороге удастся сбежать от конвоя, стража в воротах может быть предупреждена и сами ворота закрыты. Конан пожал плечами:

— Не мне отказываться от великой чести быть гостем Аль-Тифани. Идемте.

Они пошли, причем, соглядатая быстро переместился за спину киммерийца, так что тот только скрипнул зубами, представив как он бросается на прорыв, а этот мелкий поганец тут же натравливает в погоню за ним кучу горожан. Впрочем, шествие оказалось спокойным. Никто не показывал на них пальцами, не выкрикивал ос-

корблений и не выступал с громогласными комментариями. Стражники довели киммерийца до ворот дворца, знакомого тому по ночному визиту, и остались у ворот. Дальше его повел один из слуг.

Конан начал понемногу успокаиваться. Даже если его опознали и влекут к ответу, то не похоже, что его собираются тут же повязать и покарать. Для этого у стражников были все возможности...

Они прошли через цветущий ухоженный сад, вошли во дворец, поднялись на третий этаж и вошли в ту самую большую комнату, через которую Конан попал в здание ночью.

— О, вот и наш дорогой гость, — с радостью приветствовал киммерийца великий визирь. Был он невысок, лет сорока на вид, в роскошных шелковых шароварах, белоснежной рубахе и шитом золотом халате. Небольшая чалма была украшена крупным изумрудом в золотой оправе.

— Чем я заслужил столь высокую честь?.. — начал было Конан, но визирь прервал его:

— Проходи, присаживайся, угощайся.

Конан сел на предложенный диванчик, с сомнением посмотрел на писца, который, оставив пергаменты, налил в два роскошных кубка вино из небольшого кувшина. Визирь взял один из кубков и отпил из него. Конан взял свой бокал, повертел его в руках, но пить не спешил. На столике стояла серебряная ваза с крупным виноградом и спелыми персиками.

— Угощайся, не бойся, — продолжал визирь.

— У меня нет намерения причинить тебе вред. Я рассчитываю, что мы сможем быть весьма полезны друг для друга.

Конан хмыкнул, поставил кубок на стол, взял с вазы персик и съел его. Персик оказался замечательный.

— На меня произвел неизгладимое впечатление тот налет на мой дворец, который ты устроил сегодняшней ночью, — продолжал хозяин.

— О чем это изволит говорить великий визирь? — пробормотал Конан, чуть было не подавившийся кусочком нежного плода.

— А ты еще и бесподобный лицедей, — восхитился Аль-Тифани. — Но успокойся, мой драгоценный гость, ты же видишь, что никто не кидается на тебя с тем, чтобы тащить на площадь и рубить руку, как то неукоснительно применяется к обычным ворах в нашем государстве.

— И кто бы это потащил меня? — медленно спросил Конан, положив руку на рукоять сабли.

— А вот этого не надо. Как бы ты ни был силен и ловок, две тысячи городских стражников тебе не перебить. И, чтобы развеять твои сомнения, меня тебе тоже не взять в заложники. Можешь мне поверить, что я в случае необходимости справлюсь с тобой, причем не вставая с этого места. Хотя мне и не хотелось бы этого делать.

Конан протянул руку к блюду с фруктами. Он чувствовал, что визирь в самом деле уверен в своей безопасности. И пока не появилось непосредственной угрозы, киммериец просто ел персики.

— Так вот, — продолжал визирь, — оцени же мою прямоту. Я знаю, что ты вор. И у меня есть возможность тебя покарать за твое преступление. Но я не вижу никакого смысла в том, чтобы закон в данном случае был исполнен. Таких людей как ты, настолько мало, что им можно найти лучшее применение, чем заставить вести себя как все! Конечно, в Туране найдутся люди и сильнее тебя. Не много, но найдутся. Но что толку в их силе? Развлекать толпу на торговой площади, разрывая цепи или заменять быка на тяжелой работе?.. Найдутся люди, которые лучше тебя владеют оружием. По крайней мере, я бы поставил на них, если бы ты сражался с ними на ристалище по твердым правилам поединка. Но насколько они ограничены во всем остальном!.. Есть акробаты, способные ползать по стенам и перепрыгивать через рвы... Но никто из них не смог бы сегодня ночью проделать все то, что ты натворил в моем дворце! Это было неповторимо — проникнуть в хорошо охраняемый особняк, сломать замки, пробиться силой и уйти от преследования!

Конан доел персики и принялся за виноград. Аль-Тифани смотрел на него злым взглядом, но голос его звучал ласково:

— У меня есть для тебя дело, которое не сможет исполнить никто другой.

— Я весь внимание, — с набитым ртом пробурчал Конан.

— Ты ко мне есть, что ли, пришел? — не выдержал Аль-Тифани.

— А великий визирь думает, что дикого варвара каждый день так угощают?

— Ладно, слушай же. Власть нашего государя уже три года терпит неисчислимый ущерб от одного злобного мага, который подчинил себе изрядный кусок Кезанкийских предгорий. Жители провинции перестали платить налоги, по воле мага выстроили ему каменную башню, и справиться с этим мы не в состоянии.

— Разве армия Султанапура уже не в силах сокрушить захватчика? — искренне удивился Конан.

— Армия всегда готова встретиться в поле с любым врагом и победить его. Но это же колдун! Покажи ему... — велел визирь своему помощнику, безмолвно сидевшему в уголке. Тот откинул широкое полотнище, укрывавшее кучу каких-то вещей в углу комнаты. Конан подошел и увидел грудку искореженных доспехов. Шлемы, проплавленные насквозь, панцири, покрытые толстым слоем окарины, скукожившиеся от страшного жара кожаные ремни и поддоспешники, все залито почерневшей кровью.

— Вот против этого наши воины бессильны, — сказал визирь. — Потому мы и не можем сокрушить проклятого мага и разнести его замок про камешкам. Не столь много погибших, но уцелевшие бегут, и невозможно их удержать. Даже децимация не помогает.

— Что такое децимация?

— Казнь каждого десятого. Когда солдата посылают в атаку, он должен идти и сражаться. А

трусость и бегство с поля боя грозят прочности всего государства. И наказываются беспощадно.

— Сурово. Но против мага следует использовать другого мага.

— А ты думаешь, что могущественные колдуны толпами ходят у нас по дорогам и только и ждут нанимателя? Как же! Которые ходят, те почти ничего и не умеют, кроме как выманивать деньги из казны непомерными обещаниями. А когда дело доходит до исполнения обещанного, начинают нести несусветный вздор. То им мандрагора недостаточно свежа, то звезды не с той стороны светят, то порошок лотоса выдохся, то девственницы были недостаточно скромны! Опустошили закрома султана хуже саранчи. А настоящие маги сидят в своих башнях и то ссылаются на гильдейское братство, то заняты своими делами сверх всякого разума. Хотя подарки берут, ни один еще не отказался!

— Так значит, я должен буду с магом сразиться?!

— Конечно. А кто же еще?

— Это чтобы и меня в эту же кучу горелых доспехов положили? Для полноты картины?

— Ты, в самом деле, не понимаешь, или цену себе набиваешь? Эти солдаты погибли на поле боя. А ты можешь залезть в башню мага ночью, застать его врасплох, перебить его слуг и, если удастся, убить его самого. Никто не ждет, что ты будешь изображать из себя мишень для огненных стрел!

— Все равно. Я с магами достаточно сталки-

вался, чтобы ожидать от них любых пакостей. Влипну в магическую ловушку — и никакая ловкость не поможет!

— Послушай, меня тоже не интересует, чтобы ты пополнил коллекцию спаленных героев. Мне она и даром не нужна. Мне нужно, чтобы ты не погиб, а победил! В день перед твоей вылазкой мы начнем новое наступление, чтобы колдун отвлекся и потратил свою магию днем. А ты поймешь ночью. И дам я тебе особый амулет, который защищает владельца от чужой магии. И еще дам я тебе напарника. Он тоже по стенам хорошо ползает и ножи кидает отлично. Я его и готовил для налета на замок, но против тебя он слабоват. В ближнем бою его могут задавить, он не отобьется, как ты. Пойдете вдвоем, подстрахуете друг друга...

— Как часто маг может посылать огненные стрелы? — Конан перестал упираться и начал рассматривать деловые подробности.

— Одну за другой, — ответил визирь, заметивший колебания киммерийца и заметно оживившийся, — на счет «раз, два, три». Не чаще.

— А насколько быстро летят эти стрелы?

— На счет «раз, два» пролетают три сотни шагов.

— То есть внутри замка — практически мгновенно. Увернуться не успеть. Раз — и я уже зажат!

— Так ты же не будешь стоять там столбом! Это он по войску не промахивался, а влет вряд ли попадет.

— Ну, хорошо, — сказал Конан. Он успокоился и, не торопясь, стал доедать виноград с блюда. — И какую же награду предложит мне великий визирь за столь неудобное задание?

— Если ты захочешь получить деньги и уйти, то тысячу золотых.

— Щедрая награда, — сказал Конан, — и при этом в разумных пределах. А то когда обещают золотые горы, обычно потом пытаются расплатиться острым железом.

— Понимаешь, киммериец, я предпочел бы, чтобы ты остался у меня на службе. Тысяча золотых — большие деньги, но они утекут от тебя, как вода. Или ты собираешься купить участок земли и пахать его до скончания своих дней? Если мы сможем победить мага, я сделаю тебя сотником гвардии султана, и у меня будет достаточно работы для тебя, чтобы ты мог довольно высоко подняться на военной службе и стать моим доверенным помощником. Я честен с тобой — наши аристократы слишком гордятся собой, привыкли к роскоши, не желают и не умеют делать дело. Старые связи, старая вражда, все это так мешает! Ты будешь независим от всех этих вещей. И тысяча золотых будет несоизмерима по сравнению с тем, что ты можешь иметь. У тебя будет дворец и слуги, золото и жены, все, что пожелаешь!

— Это хорошо, — протянул Конан. Он предполагал, что визирь умолчал о том, что человек без связей не будет ему соперником, что таким человеком легко пожертвовать, если дела пойдут не

так, как замышлялись. Но пока он останется ползень визирю, тот будет выполнять обещанное. — Так когда же мы начнем?

— Так... Раз мы договорились, то сегодня я посылаю гонцов военачальникам, и у нас будет два дня, чтобы дать войскам собраться для вторжения в земли, подвластные магу. А пока ты будешь жить в моем дворце, слуги покажут тебе покои. Твои вещи уже там, я приказал забрать их с постоянного двора. И лошадь тоже.

После разговора с Аль-Тифани слуги провели Конана в предназначенные для него покои. Это оказалась большая комната, устеленная коврами и снабженная роскошным ложем под шелковым балдахин. Узкие высокие окна хорошо спасали от солнечных лучей, но вылезти через них было бы невозможно. И располагалась комната в одном из тупиковых коридоров дворца, а коридор от нее к лестнице проходил мимо зала, где постоянно толпились слуги, посыльные, стражники. Пройти мимо них незамеченным было невозможно. Не то чтобы Конан помышлял о бегстве, скорее он просто рассматривал возможные варианты, и ему не нравилось отсутствие запасных путей.

Визирь, конечно, легковерию и доверчивостью не страдает. Чего нет, того нет. В случае чего от него можно будет ожидать и кинжал в спину, и яд в бокале. Но пока что он предлагает такую работу, на которую действительно не пошлешь кого попало. Во всей армии султана не найдется много бойцов, которые пошли бы на та-

кое дело. Равных киммерийцу действительно просто нет. А схватка покажет, кто чего стоит!

Конан перестал мучиться бесплодными размышлениями и, крикнув слуг, велел принести вина. Желание киммерийца было выполнено так, что было ясно, что его действительно принимают как почетного гостя, а не как неявного пленника. Не успел в коридорах замка смолкнуть звук повелительного возгласа, как в покои Конана одна за одной вошли четыре девушки, не отягощенные излишней одеждой, но несущие при этом кувшины с вином и подносы с едой, музыкальные инструменты и разноцветное опахало. В одну минуту низенький столик был накрыт, и одна из девушек, грациозно устроившись возле столика и наливая в большой кубок вино, преданно поинтересовалась:

— Повелитель желает усладиться музыкой и танцами?

Конан сел возле столика, крепко обнял красавицу и решительно произнес:

— Желает! Начинайте.

Остаток дня и половину ночи Конан провел в загуле, сполна вкушая плоды удовольствия из щедрых закровов великого визиря. Сотрясались полы от неистовой пляски киммерийца, опрометью бросались слуги на его призывные возгласы, а распорядитель дворца с уважением сказал, что варвар хорошо гуляет.

Утром Конан проснулся с первыми лучами солнца, проникшими в узкие окна его комнаты. Он осторожно поднялся, чтобы не будить спя-

щих девушек, оделся и сходил во вспомогательные помещения дворца умыться и оправиться. Когда он вернулся в свою комнату и с некоторым изумлением рассматривал следы вчерашней гулянки, одна из девушек проснулась.

— Что угодно господину? — тихонько спросила она, надевая свое скромное одеяние и поднимаясь с разоренной постели. Ее полусонные глаза смотрели испуганно и искательно.

— Ничего, — так же негромко ответил Конан. — Пить хочешь?

— Нет.

— Хорошо. Ну и как вам живется во дворце? Визирь что, добрый хозяин?

Девушка осторожно покачала головой.

— Вот как? Это интересно. Так чем же он у вас славится?

— Нам нельзя ничего рассказывать про хозяина...

— Послушай, я не собираюсь с ним обсуждать ничего лишнего. Так что ты о нем можешь сказать?

— Что может знать рабыня?

— Не очень много. Но скажи, что знаешь.

— Он любит истязать людей...

— Понятно. Это бывает. Сам истязает или только смотрит?

— По-разному.

— За вину или просто так?

— Если есть желание, то вина всегда найдется.

— Это верно.

Конан порасспрашивал девушку о прибли-

женных визиря и его врагах, о заговорах знати и настроениях в городе. Узнать удалось не очень много, но кое-что было полезным. Тут стали просыпаться остальные девушки, и Конан пошел в сад, распорядившись прибрать комнату. Его сопровождали, но ненавязчиво. Впрочем, он не испытывал судьбу и даже вышел без сабли, чтобы показать свое полное доверие визирю и его слугам. Некоторое время спустя посланный визирем слуга пригласил киммерийца во дворец. На этот раз с визирем был молодой худощавый человек в богатой одежде царедворца и с повадками притаившейся змеи. Впрочем, истинный его возраст было трудно определить. Гладкая кожа и коротенькая борода делали лицо моложавым. Он был невысок, но его движения и острый оценивающий взгляд давали понять, что это боец не из последних. За поясом у него было два кинжала, один прямой и короткий, другой более вытянутый и сильно изогнутый. Такой клинок наносит неглубокие, но длинные раны, рассекая плоть до костей. В ближнем бою от него не закроешься и мечом. Оружие не для поля боя, легкий доспех от него защищает достаточно хорошо, а для схваток на улицах и во дворцах вполне пригодное.

— Вот, Алихун, это и есть Конан из Киммерии, — начал Аль-Тифани, — Конан, это Алихун, мастер клинка и мой ближайший помощник. С ним вы пойдете штурмовать башню мага. Присаживайтесь, и давайте обсудим все подробности.

— Как ты собираешься подняться на башню? — спросил Алихун.

— А насколько высока башня? — спросил в ответ Конан,

— Локтей тридцать.

— Немного. Я бы воспользовался веревкой с крюком.

— Не пойдет, — покачал головой Алихун. — Если на башне будет часовой, он услышит лязг крюка о камень.

— А как собираешься подниматься ты?

— Я поднимусь прямо по стене. Я не сомневаюсь в твоей силе, киммериец, но ты гораздо тяжелее меня. Сможешь подняться без веревки?

— А что за стена?

— Тесаный камень, положен без раствора, но достаточно плотно. Клинок между камнями пройдет, а пальцами зацепишься только по краю. Но облицовки нет, что упрощает дело.

— Ты сам смотрел?

— Да.

— Если вершина башни не выступает наружу, я поднимусь по такой стене.

— По вершине башни идет парапет с защитными зубцами, выступающий на локоть.

Конан задумался.

— До парапета я доберусь, — медленно сказал он. — Но потом мне придется воспользоваться веревкой с крюком. Я закину крюк и через несколько мгновений поднимусь наверх. Возможно, часовой не успеет поднять тревогу.

— Возможно, — с легким оттенком презрения произнес Алихун. — Нет, мы сделаем лучше. Я уберу часового и брошу тебе веревку.

— Это будет неплохо, — признал Конан, — но я тоже захвачу веревку с крюком. На всякий случай. Можно будет это подготовить? — обратился он к визирю.

— Я подготовлю все необходимое, — ответил Алихун. — В том числе двойной набор закаленных клиньев. Тебе приходилось ими пользоваться?

Он выложил перед Конаном горсть стальных уплощенных клиньев.

— Загоняешь клин между камнями и используешь как опору. Только чтобы без стука.

— Обычно я справлялся с тем, чтобы залезть на стену, без таких клиньев, но полагаю, что смогу ими воспользоваться.

— Клин может не выдержать твоего веса, поэтому не доверяйся одной точке опоры. У тебя всегда должны опираться на стену две ноги и рука или две руки и нога. Свободная рука или нога при этом ищет новую опору.

— Да поднимался я по стенам, не сомневайся, — оскорбился Конан, — можешь не учить меня таким вещам.

— Не обижайся по пустякам, — спокойно ответил Алихун, — лучше лишний раз повторить, чем один раз сделать неверное движение. Я готов выслушать твои советы, если ты захочешь поучить меня чему-нибудь полезному.

— Хорошо, — согласился Конан. — Предположим, мы успешно поднялись на башню и убрали часового. Что дальше?

— Идем вниз. Убиваем всех, кто попадется на дороге, взламываем все двери. На верхних этажах

должна быть лаборатория мага, там я попытаюсь забрать все, что может быть полезно, а остальное уничтожаем.

— Еще вопрос: один из нас входит в неизвестное помещение, другой его защищает от неожиданностей. Кто будет идти первым? Если ты будешь идти впереди, то я тебя вытащу в случае чего.

— А если первым будешь ты, то я с уверенностью поражу любого противника, который попытается напасть на тебя сзади, — возразил Алихун. — Ты ножи хорошо кидаешь?

— Не очень. Я лучше в рукопашной покрошу врагов.

— Тоже верно. Тогда тебе не стоит брать металлические ножи. Кинжалы — само собой?

— Да. В башне, видимо, будет довольно тесно? С мечом не размахнуться?

— Несомненно.

— Тогда я возьму саблю. Да, великий визирь обещал мне талисман, защищающий от магии!

— Вот он. — Аль-Тифани протянул Конану талисман — семилучевую серебряную звезду с темно-красным камнем в центре и цепочкой, чтобы надеть его на шею.

— А у тебя есть что-нибудь в этом роде? — спросил Конан у Алихун.

— Не в этом роде, — слегка улыбнулся Алихун. — Но у меня есть защита от магии.

— Хорошо. Тогда я предлагаю так: мы по очереди входим в новые помещения. Сначала я первый, потом ты первый. Договорились?

— Договорились.

— Теперь дальше. Когда мы убьем мага, то уходим, как пришли? Тогда нас должны будут встретить люди с нашими лошадьми.

— Ты не понял, киммериец. — На лице Алихуна впервые появилась широкая улыбка. — Справившись с магом, мы убьем всех обитателей башни и встретим у входа наши войска!

* * *

Через три дня Конан и Алихун с отрядом конных воинов въезжали в мятежную провинцию. Командир отряда, молодой красавец, имевший среди прочих достоинств знатное происхождение и боевой опыт, ограниченный охраной дворцов в Султанапуре, получил от Аль-Тифани четкое указание обеспечивать действия лазутчиков, выполнять все их распоряжения и не вступать ни в какие посторонние стычки. Для подавления возможного сопротивления местного населения шли регулярные войска. Столичные воины были достаточно вышколены дворцовой службой, чтобы не задирать Конана и Алихуна явно, но достаточно глупы, чтобы отпускать неуместные шутки в непосредственной близости от них. Конан уже собирался было приложить руку к обладателям излишне длинных языков, но Алихун переговорил с командиром отряда, и тот сумел так пригрозить своим подчиненным, что они на некоторое время заткнулись.

Местность была неблагоприятной для дейст-

вия больших армий. Равнина переходила здесь в плоскогорье, и крутые склоны высоких холмов были густо покрыты непроходимыми зарослями колючего кустарника. Мелкие отряды пеших лучников ходили знакомыми тропами вполне беспрепятственно, а конница пройти не могла. Поэтому туранские воеводы вели войско вдоль дорог двумя колоннами, которые должны были встретиться перед башней мага.

Небольшие участки, распаханые под поля, рощи плодовых деревьев и пастбища были тщательно ухожены жителями окрестных селений. Сейчас эти селения горели, а жители бежали в укрытия, недоступные конным воинам, встречая войсковые разъезды тяжелыми боевыми стрелами. Замок мага был поставлен там, где длинная гряда холмов расступалась и открывала путь к широким долинам предгорий, где плодородная почва и текущая с гор вода были весьма благоприятны для земледелия. Замок прикрывал проход, защищая его от вторжения. Небольшой ручей не был преградой для конницы, но пройти мимо замка она не могла. А лучники, засевшие в кустарнике, не давали возможности пройти по краю. Конан и Алихун с безопасного расстояния смотрели на то, как туранские конные лучники пытаются состязаться в стрельбе с мятежниками. Результат не впечатлял.

Башня, возвышавшаяся рядом с дорогой, была четырехугольной, с узкими бойницами на верхних этажах и выдающимся парапетом с защитными зубцами наверху. Толстая дверь из до-

сок, собранных в железную оковку, приняла до сотни местных жителей, бегущих от нашествия, и плотно затворилась. Пристроенные рядом с башней хозяйственные постройки были связаны каменным забором в рост человека, создавая закрытый двор, а в одну из сторон от замка началась новая стена, сложенная из того же камня и достигавшая в высоту до пятнадцати локтей. Стену, видимо, начали строить недавно, и до ее завершения было еще довольно далеко, но было понятно, что с постройкой стены башня превратится в цитадель довольно мощной крепости, которая сможет принять под свою защиту до трех тысяч человек, и тогда даже сильное войско не сможет взять его приступом. Даже сейчас недостроенная стена успешно перекрывала коннице половину прохода, ведущего в долину.

— Пока что замок не выглядит слишком грозным, — сказал Конан. — Даже под огненными стрелами можно было бы преодолеть расстояние до него и прорваться в долину с небольшими потерями.

— И что дальше? — мрачно спросил Алихун. — Войско будет запечатано, выход закрыт.

— И обратно так же прорваться.

— Так что, с каждым сборщиком налогов войско посылать? Туда и обратно? Это не решение. Вот когда мы восстановим свободный доступ на эти земли, тогда можно говорить, что мы сделали свое дело. А для этого надо взять башню.

Конные отряды туранских воинов тем временем сделали попытку все-таки прорваться в до-

лину. Один из отрядов подвергся магической атаке, и Конан мог собственными глазами увидеть летящие с вершины башни ступки белого огня. Еще один отряд был накрыт шквальным порывом ветра с дождем, мгновенно превратившим землю под ногами лошадей в вязкое месиво, пусть не столь смертоносное, как огненные стрелы, но не менее действенное — воины развернули своих лошадей и поспешно вернулись на исходную позицию.

— Ваши солдаты не слишком хороши, — заметил Конан.

— А с чего бы им быть хорошими воинами? — удивился Алихун. — Кого набирают в армию? Безземельных крестьян. Бездарных ремесленников. Сброд. Сколько-нибудь стоящих бойцов едва хватает, чтобы составить гвардию султана. Да воеводы кое-как собирают по две-три сотни бойцов, которых могут бросить в сражение, не опасаясь, что те сразу разбегутся. Это костяк армии, а остальные — просто быдло, которое только и способно, что обирать крестьян и изображать могущество нашей армии.

— И как же такая армия защищает вашу страну?

— А от кого ее защищать? С ближними соседями у нас достаточно твердые границы, им нет никакой причины начинать войну.

— Но ведь такое положение когда-нибудь изменится.

— А кто скажет султану, что его армия — куча дармоедов, не способных воевать? Кто возь-

мется сообщить ему столь радостное известие? Может быть, ты захочешь попробовать?

Весь день до глубокой ночи туранское войско провело в бурной деятельности. Спешенные воины вырубали кустарниковые заросли вокруг лагеря и сваливали их рядами, чтобы не подвергнуться ночному нападению. Войсковые плотники сколачивали таран на колесах, заключенный в деревянную раму, которую обивали несколькими слоями сырых шкур. Таким образом, скот, захваченный в окрестностях лагеря, использовался дважды — мясо шло в котлы, а шкуры на укрытие от огненных стрел. Неизвестно было, удержит ли эта защита магический огонь, но солдат должен быть занят каким-нибудь делом, а противник — пребывать в твердой уверенности, что его готовятся атаковать не раньше завтрашнего дня.

Тем временем передовые отряды туранских конников настойчиво продолжали демонстрировать противнику свою активность — проносились мимо башни и стены, пускали стрелы, пересекали ручей и возвращались обратно. Помимо отвлечения внимания противника, они пытались отыскать возможные ловушки. Пока ничего обнаружить не удалось, похоже было, что противник более всего надеется на магическое оружие и не готовит военных хитростей.

Стемнело. Сотники неистовой руганью напутствовали отправляющихся в дозор часовых, гасили костры, от башни возвращались передовые отряды и устраивались на ночлег. Отряд столич-

ных гвардейцев, выделенных для поддержки лазутчиков, расположился на переднем краю лагеря, чтобы пойти на вылазку, не тревожа часовых. Командир гвардейцев получил четкие инструкции — с первыми признаками приближения рассвета поднять свой отряд, седлать коней и выдвинуться так, чтобы по сигналу доскакать до башни и там действовать по обстановке — захватывать башню, если ворота окажутся открыты, либо забрать Конана и Алихуна, если они потерпят неудачу.

За пару часов до рассвета лазутчики двинулись вперед. Они беспрепятственно добрались до башни и начали подниматься по стене. Шершавый песчаник был удобен для подъема, но швы между камнями были невелики, только чуть зацепиться кончиками пальцев. Изредка приходилось использовать клинья. Конану, родившемуся в горах, было привычно удерживать на весу свое тело при малейшей опоре, но и Алихун здесь ему не уступал. В черном облегающем костюме, с кинжалами за поясом, перевязью с метательными ножами и карманами, набитыми клиньями и разными приспособлениями, он первым успел подняться до парапета. Здесь он аккуратно загнал железный клин в щель между камнями кладки, раскорячился между стеной и парапетом, опираясь на клин, поднялся и ухватился за край парапета. Затем он быстро подтянулся и змеей скользнул между зубцами башни. Конан оценил его ловкость, но решил не ждать, пока Алихун бросит ему веревку. Он также забил

клин в стену и двинулся вверх. Он был гораздо тяжелее Алихуна, но больший рост и длинные руки позволили ему дотянуться до края парапета. Вылезая наверх, он наткнулся на Алихуна, который только доставал свою веревку. На площадке башни лежало тело часового, из-под которого вытекала лужа крови, черная в слабом свете месяца.

— Ты уже справился? — удивился Алихун, увидев перед собой киммерийца. — Тогда идем.

Лестница с вершины башни вела вниз, в темноту. Лазутчики двинулись вниз и обнаружили, что внутри освещение все же есть — через каждые два десятка шагов горели крошечные масляные светильники на стенах. Одна из дверей на верхнем ярусе была открыта, и в ночной тишине можно было различить сопение спящих людей. Алихун сделал знак Конану остановиться и стал прислушиваться.

— Семь человек, — звук его голоса был не громче шуршания песка, сметаемого ветром пустыни, — шесть на полу у стены, один за столом. Я войду и убью того, что за столом, ты идешь следом, и мы убиваем остальных. Входим медленно, тихо, а убиваем быстро.

Конан кивнул и мягким движением вынул свои кинжалы. Алихун проскользнул внутрь, тоже с кинжалами в руках. Конан так же осторожно вошел следом, сделал шаг к спящим у стены, и, услышав мягкий удар клинка, начал убивать. Алихун убил спящего за столом человека так, что тот не издал ни звука, и тут же метнулся к

спящим. Первые их жертвы умерли во сне. Последние, отреагировавшие на легкую возню и хрипение своих соседей, не успели ничего понять и тоже получили смертельные удары.

Конан с отвращением отступил, вытирая окровавленные клинки: он не любил убивать беззащитных. Грязная и омерзительная работа... Алихун тем временем добил тех раненых, которые еще подавали признаки жизни. Он двигался быстро и возбужденно. Обыскивать трупы они не стали, сейчас им были не нужны никакие трофеи.

Еще одна дверь оказалась открыта, но за ней не нашлось ничего интересного — связки дроти-ков и мешки с камнями, заготовленные для отражения штурма, если огненные стрелы не смогут остановить наступающих. Следующая дверь на верхнем ярусе была закрыта на замок, людей за ней не было слышно. Конан вогнал в щель свой кинжал, рванул и выворотил замок. Он вошел внутрь, следом за ним вошел Алихун.

— Лаборатория! — тихим, но уверенным голосом произнес Алихун.

Действительно, это не могло быть ничем иным. Пучки душистых трав наполняли воздух пряным ароматом. На столе лежали куски пергамента и толстая книга, стояли три заплывшие свечи в массивных подсвечниках, не хватало лишь черепов и чучела крокодила, хрустального шара и железной пентаграммы. Возле стола на полке были разложены какие-то предметы, назначения которых Конан не понял, а Алихун за-

жег свечу и принялся жадно их перебирать, отбрасывая с явным разочарованием.

Вдруг сзади раздался продолжительный шорох. Из-за ушедшей в сторону каменной плиты метнулся человек и схватил какой-то предмет, стоявший у стены в специальной подставке. Тем временем второй человек, появившийся из того же потайного хода, двинулся вдоль другой стены, кидая метательные ножи в лазутчиков. Первый уже скрывался в потайном ходе, унося неизвестный предмет с собой и что-то громко выкрикивая. Конан бросился в сторону, уходя от летящего в него ножа, потом рванулся вперед, чтобы достать противника в рукопашной. Алихун уклонился от ножа, брошенного в него, и мгновенно поразил врага. Тут же он выхватил из перевязи и метнул кинжал в первого визитера, но железо лягнуло уже только по камню.

— За ним! — крикнул Алихун.

Конан сунулся в потайной ход, и тут каменная плита стала закрываться. Киммериец принял вес плиты на руки, уперся спиной в спину, напряг свои могучие мускулы и остановил движение плиты. Шорох плиты перешел в скрежет невидимого механизма, и плита замерла. Алихун проскочил мимо напарника и устремился в темноту коридора. И тут же посыпался вниз по ступенькам — потайной ход перешел в лестницу. Конан рванулся следом. Потайной ход привел их к полузакрытой двери. Алихун врезался в нее, но открыть не смог — дверь была чем-то заклинена. Конан ударил дверь ногой, та треснула и перекосилась,

силась, так что стало можно протиснуться через нее.

Лазутчики оказались в обширном помещении, в котором около десятка полуголых людей с разномастным оружием в руках собирались перед незваными гостями. В тусклом свете масляных светильников было видно, что противники вооружены чем попало — саблями и копьями, трезубцами и топором. Человек, убегавший по потайному ходу, стоял у них за спиной и направлял сейчас на лазутчиков унесенный предмет. Конан двинулся в сторону, по природной привычке не ждать, пока нацеленное на тебя оружие покажет свою мощь. Он не ошибся — огненная стрела ударила в искореженную дверь, воспламенив ее, а Алихун тут же кинул в мага нож. Клинок вошел тому в плечо, он вскрикнул и кинулся в проход за своей спиной. Один из его людей последовал за ним, другой стал запирать дверь, а остальные бросились в атаку.

Конану и Алихуну было уже некогда договариваться о распределении обязанностей, но встретили они противников практически одинаково — смертоносными выпадами кинжалов. Поразив первых противников, Алихун метнулся к киммерийцу, чтобы они могли прикрывать друг друга, а Конан выхватил саблю и врубился в толпу врагов, разрубая головы и вспарывая животы, отрубая руки с занесенным оружием и опрокидывая нерасторопных. Алихун тем временем отбил от троих, получив легкую рану в плечо, а Конан срубил последнего противника перед со-

бой, развернулся назад и помог напарнику справиться с его врагами.

— Надо догнать мага! — Алихун неудержимо стремился к выполнению основной задачи. — Идем!

Дверь опять оказалась заклиненной, и Конан несколькими яростными ударами разнес ее на куски. Беспокоиться о скрытности было поздно. Они вышли в коридор, и их встретили стрелами. Легкие охотничьи стрелы прошли воздух, и Алихун, метнувшись в сторону, начал кидать ножи. Стрелков было всего двое, и он не промахнулся. Добив стрелков кинжалом, он вошел в следующую комнату. Тут были женщины и дети, перепуганные и сбившиеся в кучу.

— Куда пошел маг? — голос Алихуна скрежетнул железом по камню.

— Будьте вы прокляты, убийцы, — с ненавистью в голосе выкрикнула одна из женщин.

Алихун полоснул ее кривым кинжалом и, не глядя на падающее тело, снова спросил:

— Куда пошел маг?!

— Здесь нет выхода, — сказал за его спиной Конан. — Оставь женщин в покое.

— Враг бывает только живой или мертвый, — ощерился Алихун. — Надо убить их всех!

— Здесь нет выхода. Пойдем искать дальше.

Алихун заскрипел зубами. Волчья жажда убийства толкала его на то, чтобы добить всех живых, но Конан уже выходил из помещения, и Алихун, шипя от злобы, последовал за ним. Конан спустился на следующий ярус и здесь снова

наткнулся на стрелков, поэтому тут же устремился вниз. Алихун не отставал. Как ни велико было его стремление убивать, осторожности он не терял. Отступая под стрелами, они быстро сбежали на нижний ярус и здесь, у ворот, встретили отряд, более напоминавший воинов. По крайней мере, на них были легкие доспехи и шлемы, вооружены они были саблями и боевыми копьями с окованными железом древками. Конан врубился в них, опрокидывая и разгоняя в стороны, а Алихун бросился открывать ворота.

Оставив за собой несколько порубленных стражей, лазутчики выбежали из башни и под градом камней и стрел из окон помчались прочь. Конники их отряда скакали навстречу. Но ворота уже закрывались, и штурм не состоялся. Потеряв нескольких человек, убитых с башни дротиками и стрелами, конники повернули назад. Лазутчики вскочили в седла приведенных для них коней и устремились прочь.

Вернувшись в лагерь, Алихун немедленно потребовал встречи с воеводой, командующим туранскими войсками. В шатре он предъявил тому пергамент с печатью великого визиря, наделавшим Алихуна немереными полномочиями.

— Ну, и что же мы должны делать? — опытный царедворец даже не пытался впустую спорить с одиозным приказом, но несколько не сомневался в возможности уклониться от его исполнения в связи с непреодолимыми препятствиями.

— Штурмовать башню, — решительно ответил

Алихун. — Там нет настоящих воинов, а только всякий сброд, не умеющий держать оружие в руках. Мы вдвоем положили в башне больше тридцати человек, и мне удалось ранить мага. Мы должны во что бы то ни стало добраться до колдуна и отнять у него магическое оружие. Готовьте войска к штурму!

— Хорошо хвалиться подвигами, которых никто не видел, — возразил воевода. — А вот идти в атаку, когда тебе в лицо летят огненные стрелы, это нечто иное.

— Ваши солдаты что, сами решают, когда выполнять приказ, а когда отказаться? — голос Алихуна был мертвенно спокоен.

— Нет. Вот только мои офицеры не поведут солдат на верную смерть. Может быть, вы, господа, возглавите атаку? Тогда никто из моих людей не посмеет отказаться.

— Я войсками не командую, — решительно отрекся Алихун, — но я непременно доложу великому визирю, что три тысячи конных войск не решились атаковать укрепления, защищаемые несколькими десятками мятежных крестьян. И, полагаю, децимацией здесь не обойдется!

— К мятежникам подошло подкрепление, — доложил посыльный, который незадолго до этого вошел в шатер командующего с донесением, — они занимают позицию вдоль ручья и загораживаются кольями.

— И много ли их? — поинтересовался Алихун.

— До пяти сотен. Есть лучники, но в основном это пешие крестьяне.

— Тогда надо атаковать, пока они не укрепились, — сказал Конан. — Я готов повести передовой отряд. Там действительно нет воинов, мы достаточно легко прорвемся в их ряды и сметем их.

— Вот и славно! — обрадовался командующий. — Вы с вашим отрядом ударите на врага, и как только обозначится успех атаки, я бросаю следом за вами остальное войско. Хорошо?

— Мне понадобится длинный меч, закрытый шлем и хорошие доспехи, — сказал Конан. — Найдутся на меня такие?

— Ради такого дела найдем, — заверил его воевода.

И вот отряд столичных конников под предводительством киммерийца выехал на передовую позицию. Командующий с приближенными готовил свои войска. Вдоль ручья противник ставил заостренные колья, и атаковать здесь конницей было опасно — опрокинут и перебьют, как куропаток в силках. Но возле башни оставался открытый проход в полсотни шагов. Здесь наверняка густо встретят стрелами, но прорываться надо именно в этом месте.

— Следом за нами хорошо было бы пустить вдоль ручья конных лучников, чтобы они поддерживали нас стрелами, — сказал Конан.

— Пошлем, непременно. Только, пожалуй, в лучших моих сотнях наберется не более чем по два десятка хороших стрелков.

Конан сплюнул и выругался. Эта армия слишком давно не встречалась с сильным противни-

ком, и воины были бойцами только с виду. Ладно, против них тоже не воины, а сброд. Конан не сомневался в успехе. Он прорвется в ряды противника, а сопровождающие его гвардейцы будут просто добивать разбегающихся крестьян. На киммерийце была надета сейчас кольчуга мелко-го плетения, закрывавшая бедра, поножи, шлем с забралом, закрывающим лицо. Голова и грудь его лошади тоже были прикрыты легкими доспехами. Только и надо что доскакать до врага — и вся эта толпа разбежится.

— Вперед!

Пошел сбоку небольшой отряд конных лучников, собранных воеводой. И, набирая скорость, поскакал вперед Конан, слыша за собой грозный топот своего отряда. Вот сейчас врежутся они в пеший строй, нанося удары, усиленные скоростью движения. Легко рубить сверху вниз, клинок падает с удвоенной силой, а у противника нет длинных копий и алебард, чтобы доставать конников дальним ударом.

Конан ворвался на мост, перекинутый через ручей, и в этот миг, как по команде, противник дал залп из луков. Две стрелы ударили Конана в шлем, еще две приняла на себя кольчуга, что-то попало в нагрудник лошади. Удары тяжелых боевых стрел болезненны, но кольчуга их выдерживает. Конан преодолевает оставшееся расстояние до врага и обрушивает удар клинка на первого противника, поднявшего меч для удара, но тут его настигает второй залп. Теперь его поражают стрелами из-за башни, снова кольчуга принимает

удары стрел, сминающих стальные кольца, но не пробивающие их, но лошадь взвизгивает от боли и падает — ей в бок тоже пришли две стрелы.

Конан соскакивает с лошади и чертит мечом широкий круг, освобождая пространство для битвы... и обнаруживает, что его отряд за ним не последовал. Первый залп, поразивший нескольких конников его отряда, заставил остальных колебаться, а второй обратил в беспорядочное бегство. И первым повернул коня красавец командир с лицом, заливаемым кровью из длинной ссадины от стрелы, чиркнувшей по щеке.

Толпа крестьян, увидевшая, что страшный враг спешен и один, дружно ринулась на него, — и напоролась на стремительные удары длинного меча. Первые из атакующих умерли, не успев упасть на пыльную землю, и задержали тех, кто был за их спиной. Грозный киммериец сделал шаг назад, освобождая место для удара, и проредил второй ряд атакующих. Толпа отхлынула. Теперь Конан мог разглядеть своих врагов. Обычные крестьяне, вооруженные топорами и саблями, охотничьими копьями и нелепыми мотыгами, они все вместе не были страшны законному в доспехи воину. Конан бросился вперед, и его меч снова нашел себе жертвы. Они не умели отводить тяжелый клинок противника, и даже подставив под удар саблю, не могли остановить неукротимое движение меча киммерийца. Он не отражал их ударов, а убивал сам, рассчитывая на прочность доспехов. Изрубив и разогнав десятка два врагов, Конан развернулся и на-

бросился на тех, которые пытались нападать на него сбоку и сзади. Расчистилась площадка, через которую могли атаковать до пяти конников в ряд. Не поверни коней его отряд, битва была бы уже выиграна.

Конан остановился. Противник был ему не страшен, но гоняться за толпой бессмысленно — его просто собьют с ног, вцепятся в меч, оглушат топором. Нашлись смельчаки, которые еще раз попробовали напасть на него, и снова киммериец отбился от них, порубив неразумных точными ударами своего меча. Но толпа потихоньку начала сжиматься. Конан понял, что как бы он ни был защищен, как бы ни был смертоносен его клинок, его просто сомнут. Киммериец издал воинственный клич, грозно взмахнул мечом, развернулся и побежал назад, сопровождаемый стрелами с башни. Толпа с воем устремилась за ним.

Убежать в тяжелых доспехах от бездоспешных врагов невозможно, но Конан знал, что делает. На мосту он развернулся, и самые быстрые его преследователи смогли горько пожалеть о том, что они его смогли догнать. Он наносил удары мечом, а поворотами корпуса сталкивал в ручей тех, кого не успевал достать своим клинком. Расчистив мост, он начал медленно отступать, опасаясь теперь лишь камней, которые летели в него с башни. Толпа уже убедилась, что этот воин им не по зубам, и желающих атаковать его больше не было.

И тут, наконец, Конану пришли на помощь. Не его отряд, постыдно бежавший к лагерю, а та

сотня отборных воинов, лучники которой пытались поддерживать его атаку. Эта сотня стояла на передовой позиции, готовясь поддержать прорыв отряда Конана и, хотя отряд был рассеян, сотник взял на себя смелость атаковать. Конан спрыгнул с моста на свой берег, чтобы не загораживать дорогу коннице, и один из конников подскочил к нему, протягивая поводья оседланной лошади. Конан вскочил в седло, а тем временем конница налетела на толпу за мостом.

Ах, если бы это было в тот момент, когда Конан бился на том берегу! Сейчас атака не достигла цели. Защищающиеся встретили конницу градом камней и дротиков с башни, стрелами и копьями. Первый ряд атакующих конников был сбит, в них врезались следующие, и через несколько мгновений ложе ручья превратилось в месиво из людей и лошадей. Все преимущество атакующей конницы было бездарно потеряно. Крестьяне били солдат, которые тщетно пытались развернуть своих коней в невероятной суетоке, оступающихся на крупных камнях и толкающих друг друга в самые неподходящие моменты. Часть атаковавшей сотни уже разворачивалась назад, а к ручью уже двинулись основные силы их войска.

Конан попытался собрать вокруг себя отступающих, чтобы они не мешали атаке своих же сил. И в это время рядом с ним промелькнул огненный разряд. Он был нацелен, судя по всему, именно в Конана, но прошел мимо и ударил в конника, который был даже не рядом, а позади

киммерийца. С гнусным шипением пламя охватило солдата, он не мог даже крикнуть — сожженная гортань издавала только предсмертное сипение. Конан тут же дернул свою лошадь в сторону, пропуская мимо еще одну огненную стрелу, которая убила лошадь рядом с ним и опалила всадника.

Атакующая конница уже смешивала свои ряды, обращаясь в бегство. Конан послал свою лошадь вскачь вдоль ручья, чтобы вернее уклониться от огненных стрел и не попасть на пути отступающих. Возвращаясь в лагерь по широкой дуге, он с непереносимым отвращением наблюдал картину бегства туранской армии. С башни было выпущено не более десятка огненных стрел, а две тысячи конных воинов бегут, как крысы...

Конан вернулся в лагерь, привязал лошадь возле палатки своего отряда, отцепил ножны и вынул меч, тщательно вытер его от крови, сбросил шлем с забралом и поножи, с трудом стащил с себя тяжеленную кольчугу, снял пропотевший подкольчужный доспех и полез в палатку искать воду. Хорошо еще, что у этих раздолбаев нашлась вода... Бойцы они были никакие, но о своих нуждах заботиться не забывали. Конан жадно выпил всю воду, которая нашлась в палатке, и прилег отдохнуть. На обнаженном теле медленно наливались синеватые пятна от ударов стрел и вспухали рубцы от вражеского железа, остановленного звеньями кольчуги. Никакой доспех не выдерживает удара тяжелым оружием, нанесенного в

полную силу. Прорубаются кольчуги, сминаются латы, сотрясаются мозги от ударов по шлему. Но каковы людишки!

В палатку вошел Алихун. Посмотрел на мрачного киммерийца и сказал:

— Видел я, как ты бился. Если бы тебя вовремя поддержали, то башня была бы уже взята. Жаль, что я мага достал обычным ножом, а не отравленным. Он, похоже, оклемался.

— Мне этот маг и его огненные стрелы вовсе не кажутся особо страшными, — сказал Конан. — Один он не продержался бы ни дня. Но что меня сильнее всего раздражает, так это то, что какие-то жалкие крестьяне, чем попало вооруженные и не обученные вести военные действия, удерживают позицию, а ваши воины бегут, как шакалы.

— А с какой стати им быть храбрыми? — пожал плечами Алихун. — Они привыкли гоняться сотней за десятком кочевников или выколачивать подати с безоружных крестьян. Им никогда не приходилось иметь дело с сильным противником. Но воевода... Если завтра сотники опять дрогнут в атаке, его шкуру великий визирь своими руками натянет на барабан. Завтра ночью я снова пойду на вылазку, а с рассветом войско пойдет на штурм. Пойдешь со мной?

— Нет, — Конан покачал головой. — Ты видел, я честно сражался в башне ночью и проложил дорогу к победе днем. Я должен был сделать то, на что не были способны ваши воины. Но я не собираюсь делать за них ту работу, с которой

они вполне способны справиться сами! Даже самые тупые, трусливые и слабые воины справятся здесь без меня! Если при этом они позволят противнику убить каждого второго из них, то так им и надо.

— Ладно, — согласился Алихун, — я не буду тебя уговаривать, хотя предпочел бы пойти на вылазку вместе с тобой. Я тут нашел несколько настоящих воинов, которые пойдут со мной, а когда начнется атака, ищи меня возле башни. Я все же постараюсь выкурить мага.

Весь день к мятежникам подходило подкрепление, и берег ручья ошетинился кольями, закрывался сплетенными из веток кустарника заграждениями. Конана это не волновало. Если бы его в атаке поддерживали хотя бы два десятка настоящих воинов, они рассеяли бы мятежников, как волки овечье стадо.

* * *

Утром следующего дня Конан проснулся в полумраке, когда войско седлало коней и строилось для атаки. Сотня за сотней уходила из лагеря к своим табунам, седлала коней и шагом выходила по рубеж атаки. Конан не стал надевать кольчугу и шлем, а оделся в свою дорожную одежду, повесил на пояс меч и проверил кинжалы. Оседлав коня, он выехал вперед чуть в стороне от основного войска. Вдруг впереди возник отблеск огня, блеснул снова, усилился и взметнулся дымным коптящим пламенем над башней. Замелькали в

свете полыхающего огня суетливые фигурки людей, донесли приглушенные расстоянием крики и звон железа.

— Вперед! — Приказ воеводы тут же подхватили сотники передовых отрядов. — Вперед!

Ускоряя разбег, рванулись вперед конные воины и дружно преодолели ручей, кто по мосту, кто вброд, чуть снизив скорость, чтобы не переломать ноги лошадям. Первые сотни уже рубили мятежников и сокрушали край укрепления, другие заворачивали за постройки и лезли через стену. Из башни, первый ярус которой был полностью охвачен пламенем, вновь ударили огненные стрелы, но поздно. Битва уже шла вовсю, и даже десяток огненных стрел не остановил, как прежде, атакующую конницу. Воска прорвались, и не мятежным крестьянам было их останавливать.

Конан подъехал к башне, когда из внутреннего двора с хозяйственными постройками распахнули ворота. Из башни слышались крики обреченных людей, а из одного амбара навстречу Конану вышел Алихун с четырьмя воинами, все забрызганные кровью и обвешанные оружием.

Какие-то отчаявшиеся люди продолжали бросать с башни камни и дротики, но это уже было совершенно бесполезно. Несколько туранских лучников выбили последних защитников башни стрелами, и Алихун распорядился гасить огонь. Найденными в постройках ведрами и кувшинами воины начали носить воду от ручья и заливать пламя пожара. Спутники Алихуна явно чувствовали себя героями и громко хвастались количест-

вом. зарезанных во сне врагов. Алихун не обращал на своих недавних соратников никакого внимания и напряженно оглядывал башню. Потом он бросился к одной из построек хозяйственного двора, быстро поднялся наверх и стал оглядывать окрестности.

— Уходит! — крикнул он в бешенстве. — Коня мне! Маг уходит, надо его догнать! — Он спрыгнул во двор, схватил первого попавшегося жеребца, вскочил в седло, пнул в лицо воина, пытавшегося уцепиться за повод своего коня и ринулся вперед так, что встречные шарахались от него в разные стороны. Конан поскакал следом. На пределе видимости была заметна фигурка всадника, стремительно уходящая за зеленеющую рощу.

Преследование мага затянулось. В первой же попавшейся деревне Алихун потребовал, чтобы ему сказали, куда маг отправился дальше, и дали свежих лошадей. Жители деревни без радости встретили сурового гостя, коней давать не желали, про мага даже и не слышали, не то чтобы указать его след.

Алихун уже готов был перебить всех жителей деревни и отправиться на поиски мага самостоятельно, но тут их догнал отряд в две сотни воинов, посланный воеводой им на помощь. Началось наказание мятежников. Именем султана объявили, что верноподданный, указавший виновных в подстрекательстве к борьбе с представителями власти, получит половину его имущества. Нашлись трусы и предатели, которые ре-

шились купить свое благополучие выдачей соседей. Кто сводил старые счета, кто зарился на чужое добро, но вскоре несколько жителей деревни были подвергнуты позорной казни, а Алихун получил-таки сведения о маге. Отряд двинулся дальше, прочесывая окрестные деревни, а Алихун с Конаном устремились вперед, надеясь все же настигнуть беглого мага где-то в пути.

Мага им догнать не удалось, хотя Алихун был уверен, что след они не потеряли. Наступавшая ночь застала их на открытой местности, и пришлось ночевать в роще у костра.

— Вот что меня удивляет, — сказал Конан, когда они насытились припасами, которые нашлись в мешке того воина, у которого Алихун забрал коня. — Все эти крестьяне, они взбунтовались против государя по наущению мага, или как? Что-то они не были похожи на одержимых заклятием.

— Какое там заклятье, — усмехнулся Алихун. — Накопилось у них недоимок, а визирь повелел взыскивать без снисхождения. Кто не заплатит — пытка. Государству нужны деньги. И где их возьмут подданные, нас не интересует.

— А что же маг?

— А маг просто позволил им взбунтоваться. Ты же видел, что он перекрывал доступ в провинцию. Бунтовщики перебили сборщиков налогов и думали избежать карающей десницы власти под прикрытием колдовства.

— Так что же, мы резали всех этих крестьян только за неуплату налогов?

— Их карали за мятеж, — сухо поправил Конана Алихун. — Но сейчас войска наведут тут порядок. Воевода у нас невеликого ума и полководец тот еще, но дело свое знает. Заплатят мятежники и недоимки, и за мятеж, и на оплату боевых действий. Сполна заплатят.

— Я привык, что воины сражаются с врагом, — сказал Конан. — Защищают страну от захватчиков и грабителей.

— Э, киммериец! — оживился Алихун. — Когда у государства есть сильный внешний враг, это объединяет подданных. Стремление защититься от общей угрозы сплачивает людей, они уже не думают о своих карманах, а готовы выполнять все, что прикажут. А вот мирная жизнь расслабляет. Воины становятся ленивыми и трусливыми, а подданные оказываются главным врагом государства. Своим нежеланием подчиняться власти они разрушают законы и установления. Внутренний враг гораздо страшнее внешнего. Поэтому лучше истребить половину крестьян, чтобы заставить остальных подчиняться, чем ставить под угрозу все государство.

— Не нравятся мне такие рассуждения, — сказал Конан, — какие-то они неправильные. Государство это всего лишь слово, а за словом можно скрывать разные понятия. Любой чиновник может творить все, что ему вздумается, а потом заявить, что действовал в интересах государства. Вздор! Человек должен иметь право защищать себя сам!

— Ты рассуждаешь как воин-одиночка. Когда

ты займешь государственный пост, ты поймешь мою правоту.

Конан подумал, что не очень-то ему и хочется занимать такой пост, но спорить не стал. Когда настанет срок, он будет действовать по своему разумению, а словесные поединки чаще всего бессмысленны. Каждый спорщик остается при своем мнении, укрепившись в нем все новыми доводами против убеждений противника.

На следующий день они продолжили погоню за магом. К вечеру они были в предгорьях Кезанских гор. До здешних селений еще не добрались вестники с рассказом о приближении карательных войск, так что Конан и Алихун переночевали в одном из селений, запаслись водой и продуктами; у Алихуна оказался достаточно большой запас золота, и он купил им по паре сменных лошадей, чтобы их кони получили отдых. Широкая предгорная долина сужалась к горам, возвышавшимся впереди, и Алихун был уверен, что маг не сможет ускользнуть.

— Может быть, он давно свернул в сторону? — спрашивал Конан своего целеустремленного напарника.

— Нет, — уверенно отвечал Алихун. — Я чувствую, что он впереди и опережает нас не намного.

— Ты его запах, что ли, чувствуешь?

— Я чувствую его магическую ауру. Слабо, но чувствую.

— Ты тоже обладаешь магической силой?

— Нет. Но меня учили видеть и замечать.

Слышать и понимать. Чувствовать и улавливать движение своей цели.

Они въехали в горы. В последнем предгорном селении им стали говорить, что в здешних горах в последнее время стали появляться ужасные чудовища и никто в горы не ходит, но Алихун выспросил подростка, встреченного за пределами селения со стадом овец, и тот сказал, что одинокий всадник в начале дня уехал именно в горы. Причем приехал он из долины, но не той дорогой, которой они прибыли, а со стороны другого соседнего селения. По малолетству пастушок не знал, кто был этот человек, но Алихун не сомневался, что это преследуемый маг.

В горах Алихун признал опыт Конана и ехал за ним следом. Северянин безошибочно нашел старую тропу, которая вела в горы, и действительно увидел, что следы людей на тропе в основном старые. Следы проехавшего перед ними всадника тоже попадались — свежий лошадиный навоз и сбитый мох на камнях. Но места бывших привалов, отмеченные черными пятнами старых кострищ, были холодны и не затоптаны — всадник не останавливался для отдыха.

Миновав несколько распадков, Конан и Алихун поднялись на очередной перевал и увидели на противоположной стороне ущелья фигурку всадника.

— Это он! — воскликнул Алихун. — Мы его догоним!

— Догоним, только не сегодня, — возразил Конан. — Смотри, солнце уже садится. Мы успеем

только спуститься в ущелье и устроиться на ночлег.

— Он тоже устроится на ночлег, — заблажил Алихун. — Я пойду и возьму его на привале!

— Ну, пойдя, — согласился Конан, — только я тебя хоронить не буду. Мага я догоню завтра, а ты будешь лежать в какой-нибудь расселине. И радуйся, если сразу сломаешь себе шею, тогда умрешь легко и быстро. А если сломаешь ногу, то будешь умирать долго и мучительно. Пойми, одно дело — идти по ночному дворцу, хотя бы и наполненному бдительной стражей, и совсем другое — по горам. В горах двинешься в неверную сторону, и попадешь на крутой склон, с которого тебя и днем-то тяжело будет доставать.

Алихун с большой неохотой согласился, они спустились в ущелье, набрали сухих веток от редко растущих деревьев, и развели костер. Едва они поели и стали договариваться об очередности дежурства на ночь, как над горой впереди появилось неясное свечение. Потом в небе возникли яркие светящиеся круги размером с половину горы, они поворачивались в ночном небе, сплетались друг с другом и снова разворачивались. Свечение нарастало и стало сопровождаться низкими гудящими звуками, как будто там какие-то гиганты играли на музыкальных инструментах мелодию страха и разрушения. Потом вдруг раздался сильный гул и грохот падающих камней, приближающийся с неудержимой силой. Конан схватил напарника за плечо и рванул в сторону.

— Бежим, — крикнул он. — Камнепад!

Они побежали по ущелью, а позади них обрушилась огромная масса каменных обломков, перемолола лошадей, накрыла костер и рассыпалась по окрестностям, исчерпав свою мощь. Были лишь слышны шорох и скрежет камней, оседающих под своим весом на новом месте, куда перенес их обвал с прежнего, где они находились немереное количество лет. Светящиеся круги исчезли, но свет не погас, он как будто сгустился за горой и теперь медленно приближался.

Конан начал выбирать площадку, чтобы на ней можно было уверенно стоять, не спотыкаясь на камнях и не оскальзываясь на склоне. Потом вынул меч из ножен и стал ждать приближения неведомого противника. Алихун занял позицию слева от него, чтобы не попасть под меч киммерийца, взял в левую руку кинжал, а в правую метательный нож. Фигура, светящаяся ровным белым светом, перевалила гору и быстро двинулась в ущелье, с равной уверенностью проходя по крутым склонам и по каменной осыпи. Отчетливо слышались гулкие шаги приближающейся фигуры, но при этом не было слышно движения камней, которые должны были проседать под весом гиганта. А был он раза в два выше Конана и остановился в нескольких шагах перед людьми, устремив на них ярко светящийся лик и не произнося ни единого звука.

— Что тебе надо от нас? — не выдержал Конан.

— Мне велено не допускать смертных в эти

горы, — медленно произнес сияющий гигант. — Поэтому вы сейчас умрете.

— Да не пужны нам твои горы, — удивился Конан, — мы уйдем с рассветом и больше никогда не потревожим тебя, клянусь!

— Если можно прийти в запретное место и уйти оттуда целым и невредимым, то такой запрет ничего не стоит, — равнодушно объяснил гигант. Он поднял руки, направив ослепительные ладони на каменный обрыв, возле которого стояли Конан и Алихун; раздался гул, и стена стала издавать звук лопающегося камня.

Конан прыгнул вперед и обрушил неистовый удар меча на колено гиганта. Меч прошел сквозь тело, как сквозь туман, так что варвар еле удержался на ногах. Рядом Алихун уже пластал гиганта двумя кинжалами. Конан стал наносить удары с большой скоростью, но не вкладывая в них всю свою силу. Оружие проходило сквозь гиганта без видимого ущерба, но вскоре стало видно, что от этих многочисленных ударов он теряет форму. Тело его до пояса превратилось в бесформенный сгусток слабо светящегося тумана, лицо исказилось напряженной гримасой, он начал делать плавающие движения руками, и светящаяся пелена стала заволакивать Конана и Алихуна. Они вдруг почувствовали, что их движения замедляются и нет сил отбежать в сторону, а пелена превращается в плотную оболочку.

— Амулет, Конан! — медленно произнес Алихун, поворачиваясь к киммерийцу.

Конан так же медленно сунул руку себе под

куртку и вытащил серебряный амулет, который ему дал Аль-Тифани. Серебряные лучи были озарены светящимся ореолом, а красный камень полыхал ярким светом, и в его лучах уплотняющийся кокон рассыпался на отдельные кольца света, пропала замедляющая сила гиганта, и он начал весь превращаться в набор светящихся колец, которые постепенно гасли и рассеивались в пространстве.

— Вы все равно умрете, — медленно, но с абсолютной уверенностью в грядущем раздались слова гиганта, и он исчез совсем.

— Что это было, ты знаешь? — спросил Конан.

Он не расслаблялся, продолжая напряженно всматриваться и прислушиваться. Из-под обвала тянуло дымом заваленного костра, медленно затихал шорох камней, но никакой угрозы больше не ощущалось. Алихун сел на землю и принялся внимательно разглядывать свои кинжалы в слабом свете звезд. Конан тоже посмотрел на свой клинок. Остро заточенное лезвие слегка светилось по кромке. Конан попробовал вытереть клинок, но свечение не изменилось. Впрочем, оно медленно слабело само по себе.

— Насколько я понимаю, — задумчиво произнес Алихун, — это был дух довольно низкого уровня. Мелкий подручный Покровителя Огня, одного из светлых богов.

— С каких это пор, — удивился Конан, — светлые боги занимаются убийством смертных? У них что, других забот больше нет?

— Нам или рассуждать о делах богов? — по-

жал плечами Али. — Духа просто поставили здесь, чтобы не пускать никого в эти горы. Вот он и не пускает, по возможностям своим.

— Но ведь в обитель богов смертным и так нет доступа, — задумался Конан. — И никогда не было. И никогда не будет. Так что богам даже нет смысла защищать свои тайны. А здесь стоял страж, который должен был не пускать смертных в какое-то вполне земное место. Зачем? Что мы там можем увидеть, если нас не остановить?

— Я не знаю, что мы там можем увидеть, — с подчеркнутым равнодушием произнес Алихун, — но если маг уцелел при сегодняшнем камнепаде, то я пойду по его следу до конца.

— Если боги что-то скрывают от смертных в этих горах, — продолжал ломать голову Конан, — то почему бы им было не забрать это туда, куда смертные попасть и не смогут? Берегут они свою тайну от людей, или берегут людей от этой тайны? Ни разу я не видел, чтобы какие-то тайные знания и могущество пошли людям на пользу. Рано или поздно, все оно оборачивается беспощадной резней. Дай человеку силу — он начинает лупить окружающих, вымещая на них свое прошлое бессилие. Дай человеку знания — он устроит сородичам своим такую гадость, которой раньше и на свете-то не было. Дай человеку ума — и он придумает такое, что его жертвы пожалеют о том, что он не остался самодуром без излишеств. А вот честь человеку дать нельзя. Если не выросло, то никакими силами не вложишь в душу человеческую понятия о том, чего нельзя де-

лать ни при каких обстоятельствах. И чего иногда нельзя не делать. И никакой бог здесь не поможет.

— Можно подумать, — язвительно сказал Алихун, — что ты бродячий проповедник, призывающий своих почитателей делать людям только добро, чтобы всем от этого стало хорошо-хорошо...

— Да нет, — оживился Конан. — Я живу мечом и убиваю тех, кто встает у меня на дороге. Но дело в том, что далеко не каждый человек встанет у меня на дороге! Я решаю мои проблемы своей силой и ловкостью и рассчитываю только на остроту моего меча, но я встречал людей, которые помогали мне не из страха и не из-за денег. Они такие по жизни, и я бы сказал, что город, в котором нет таких людей, — обречен. Но разве можно отказаться от того, чтобы раскрыть тайну? Вот если сейчас маг был бы у нас в руках, смогли бы мы уйти назад, потому что прислужники богов не велят ходить в эти горы? И не в том даже дело, что когда-нибудь сюда придут другие люди и найдут то, что здесь спрятано. Просто человек должен сам убедиться в обоснованности любого запрета, чтобы согласиться с ним или отвергнуть его.

— Что это тебя потянуло на рассуждения? — лениво спросил Алихун. — Наше дело действовать, а не играть словами.

— Отчего бы не поиграть словами, пока есть возможность? Когда настанет время действовать, я не рассуждаю, ты видел это.

— Ладно, давай поспим.

Чуть рассвело, Алихун начал торопить Конана:

— Если маг уцелел при обвале, то надо его догонять, пока он не ушел с ночлега. Идем!

Наверху оказалось, что обвал, разрушивший часть гребня, срезал дорогу на той стороне, но ушел по склону поперек направления тропы, так что маг мог и уцелеть. Алихун опять начал пороть горячку, собираясь ломиться вперед по свежей осыпи, но Конан решительно пошел в обход. Спуск был гораздо тяжелее подъема, и Алихун не мог не признать, что если бы они пошли по неустойчивым камням, то легко могли переломать себе ноги. Они спустились вниз, обогнули завалы и вскоре наткнулись на место ночевки мага. Следы были совсем свежие — теплое кострище и содранная копытами лошади трава, и преследователи бросились в погоню.

Путь наверх был тяжел, но не опасен, всадник здесь двигался немногим быстрее пешего. Алихун устремился вперед с азартом гончей, увидевшей перед собой вожака добычу. Конан еле успевал за ним, примечая по дороге, что со следа они не сбиваются. Но до перевала они мага догнать не смогли.

Они поднялись на перевал и увидели всадника, медленно спускающегося по обходной тропе к огромной котловине впереди. До мага было всего сотни три шагов, и Алихун рванулся к нему напрямик, без дороги. Конан выругался и бросился следом. Тропа, идущая вдоль котловины, закан-

чивалась довольно ровной площадкой на краю обрыва, но дальше дороги не было. Спешить на самом деле никакой причины не было — никуда бы маг из этого тупика не делся. Но пока что он обернулся на шум приближающейся погони, послал вперед коня и беспрепятственно успел выехать на площадку перед котловиной. Здесь он слез с коня и начал разворачивать длинный сверток, который вез с собой. Тут уже и Конану стало понятно, что медлить не стоит.

Подбегая к магу, Алихун резким движением руки послал в него метательный нож, но маг успел увернуться. А мгновением позже в схватку вмешалась новая сила. Четыре мощных приземистых фигуры как будто вышли прямо из скалы и тут же бросились на людей со стремительностью, исключавшей всякую возможность мирного исхода. Они были ростом чуть ниже Конана, но мощнее вдвое. Массивное тело, как у медведя, короткие и толстые руки и ноги, шкура неотличимая с виду от камня, маленькие глаза, горящие красным огнем.

— Дэвы! — воскликнул Алихун, резко сворачивая к краю обрыва.

Маг тоже заметил приближение чудовищ, мгновенно повернулся к ним, перенацеливая свое оружие против нового врага. Огненный всплеск ударил в первого монстра и отбросил его на другого, бегущего следом. Предсмертный вопль монстра был чист и пронзителен. В другой обстановке любой человек, услышавший такой звук, невольно поддался бы чувству жалости и

скорби. Но сейчас людям было не до мыслей и не до чувств. Тяжелая лапа мелькнула перед лицом Конана. Дэв пытался одним ударом оторвать ему голову, но киммериец не уступал ему в скорости движений и рубанул по лапе мечом, вкладывая всю свою силу и добавляя в движение клинка тяжесть своего могучего тела. Меч загудел от удара, встретив на своем пути плоть дэва, не менее прочную, чем камень. Монстр застонал, лапа его повисла без сил, но он тут же ударил второй лапой, напирая на киммерийца, чтобы задавить его своей силой.

Тем временем маг шархнулся от другого дэва, укрываясь от него за своим конем. Конь тоже рванулся в сторону, развернулся и залепил копытами в грудь приближающемуся чудовищу. Третий дэв бросился на Алихуна, но тот пригнулся и быстро бросился вдоль края пропасти, потом развернулся, ударил кинжалами в ногу монстра, ускользнул от его рук, мгновенно перескочил назад и резко толкнул дэва в спину. На мгновение тот замер, балансируя на краю обрыва, но новый толчок сзади не позволил ему сохранить равновесие. Издав такой же чистый предсмертный крик, он рухнул с обрыва вниз.

Конан, отступавший под неумолимым натиском монстра, начал тоже смещаться к краю площадки. Он наносил чудовищу молниеносные удары мечом, но без особого результата. Одна рука дэва бессильно повисла, но и теперь он был слишком силен. Киммерийцу приходилось прилагать слишком много усилий, чтобы самому не

попасть под удар, и он не мог снова рубануть монстра со всей своей силы — тот не давал такой возможности, стремительно атакуя.

Кинжалы Алихуна были слишком слабым оружием против дэва, но он вступил в схватку, чтобы рассеивать внимание монстра. Алихун и Конан мелькали перед дэвом, непрерывно нанося ему удары и уворачиваясь от него. Они пытались поставить чудовище на край обрыва, но пока этого у них не получалось. В это время дэв, получивший удар копытами и отшатнувшийся на мгновение, снова бросился на мага.

Одним неудержимым ударом чудовище переломило хребет коню, отбросило его в сторону и стремительно кинулось к магу. Тот выпустил огненную стрелу в приближающегося дэва. Вспышка пламени совпала с ударом монстра. Маг полетел в сторону, сбитый страшным ударом, а дэв в третий уже раз огласил горы воплем умирающего. Раненый дэв, бывший с Алихуном и Конаном, обернулся и метнулся к магу, не обращая на удары, обрушившиеся на него сзади. Он стремительно преодолел расстояние до мага, но бросился не на него, а на тот предмет, с помощью которого маг посылал огненные стрелы. Конан успел заметить, что это было нечто вроде длинного уплощенного жезла или укороченного копья необычной формы.

Схватив этот жезл единственной уцелевшей рукой, дэв издал протяжный крик невыносимой муки. Не переставая кричать и по-прежнему не обращая внимания на удары мечом и кинжала-

ми, наносимые ему в спину, он добежал до края площадки и прыгнул вниз, прижимая жезл к груди.

Конан и Алихун подошли к обрыву и увидели, что здесь вдоль обрыва идет крутая каменистая осыпь, ведущая на самое дно котловины. Монстр пролетел около десятка локтей, упал на осыпь и стремительно скатывался вниз. Кричать он перестал, а скатившись вниз, остался лежать бесформенной грудой.

Там, на дне котловины, чуть в стороне от осыпи виднелось какое-то ажурное сооружение из блестящего на солнце металла. Алихун вдруг спохватился, стремительно обернулся и быстро подошел к магу. Тяжело дыша после напряженного поединка, он умелыми движениями выкрутил магу руки и связал их ему за спиной. Потом шарил одежду и собрал все предметы с тела колдуна: кошелек и кольца, амулет на веревочке и кисет с травами, какие-то предметы непонятного назначения. Собрал все это в свой мешок, который достал из-за пазухи, завязал и только тогда начал разговор:

— Ну что, мятежник? Думал, что сможешь уйти от карающей руки власти? Нет, не надейся! И жезл мы достанем, не сомневайся.

— Если вы его достанете, то достанете свою смерть, — ответил маг. Он страдал от боли: видимо, при падении отбил себе внутренности или сломал кости. Ему было плохо, но страха не было в его словах.

— Смерть? Вот как? Ты уверен? Ну ничего, по-

дожди. Мы достанем жезл и побеседуем с тобой. Ты нам все расскажешь.

Алихун вернулся к обрыву и стал рассматривать возможность спуска.

— Взгляни-ка, киммериец, — сказал он, показывая вниз, — тут, похоже, не раз уже спускались?

Конан посмотрел и признал:

— Да, ходили здесь. По веревке можно спуститься на осыпь, а потом по краю осторожно пройти до самого дна котловины.

— Так, значит, нужна веревка. Сейчас поищу.

Он выпотрошил мешок мага и нашел большой моток.

— Ну что, киммериец, — спросил он, — сходишь вниз?

Конан задумался. Ему не нравилась эта котловина, ему не нравились слова мага.

— Нет, — ответил он. — Сходи сам, я тебя потом вытащу.

— Вылезти я и сам вылезу, — возразил Алихун. Он явно не хотел оставлять Конана наверху, но и завладеть жезлом стремился любой ценой. Его лицо исказилось злой гримасой.

— Ладно, — решил он. — Подстрахуй меня и покарауль мага. Но имей в виду, если ты вернешься в Султанапур без меня, визирь тебе не поверит.

Алихун быстро спустился по веревке до осыпи, а там двинулся вниз медленно и осторожно. Падать с груды камней было бы весьма опасно...

Конан отошел к магу и сейчас только разгля-

дел его. Это был мужчина лет тридцати, с лицом, не искаженным гордостью за свое могущество и властолюбием.

— Что же ты? — спросил киммериец. — Как сидеть в башне и жечь людей огненными стрелами, так был велик и славен? А сейчас, лишившись силы, стал пугать нас пустыми угрозами?

— Вовсе не пустыми, — возразил маг. — Смерть поразит каждого, кто спускается в эту котловину.

— Но ведь спускались же туда люди...

— Ты видел сооружение на дне котловины?

— Видел. И что?

— Несколько лет назад я был в учениках у великого мага Аль-Мутаби. И он рассказал мне, как в этих горах наблюдал он битву Покровителя Огня с темными дэвами. Поражал он их священным огнем, без промаха разил и без пощады. Воздух кипел от огненных разрядов, и скалы содрогались от предсмертных воплей дэвов. Но и дэвы, наделенные от своего повелителя Аримана великой силой, обрушивались на Покровителя Огня с ударами страшной мощи. Отражал он их удары и сдерживал неистовый натиск, но оказалось их слишком много. Треснула сверкающая оболочка небесной виманы, потеряла вимана свою скорость ветра, не стал успевать ускользать из-под стремительных ударов дэвов Покровитель Огня, и попытался он уйти в высшие небесные сферы. Но уже вцепились в небесную виману полчища дэвов, наклонилась вимана и, объятая пламенем, рухнула в эту котловину. Пришлось Покровите-

лю Огня уходить в высшие сферы путями богов, бросив разбитую виману, а дэвы, уцелевшие в битве, поселились в здешних скалах. Копают они там подземные ходы, в надежде вернуться к своему повелителю, а на поверхность выходят очень редко...

— И каким же образом это связано с твоей магией?

— С моей магией? Честно говоря, сам я — очень слабый маг. Я немного могу управлять погодой на небольшом пространстве... И больше ничего.

— А огненные стрелы?! — возмутился Конан.

— Так я же и говорю. Мой учитель с несколькими помощниками спустился в котловину и осмотрел небесную виману. Он нашел там жезл, который посылает огненные стрелы, и большую коробку, которую он определил как источник движущей силы виманы. Они подняли добычу наверх и принесли в обитель Аль-Мутаби. Но вскоре оказалось, что источник силы небесной виманы поражает людей неизлечимой болезнью. Даже тот, кто не прикасался к вимане, а только жил в помещении рядом с ней, заболел. Перед смертью учитель потребовал, чтобы я вернул все взятое с виманы обратно. Обитель наша, вследствие смерти многих учеников и слуг, стремительно приходила в упадок. Все способы лечения, которые предпринял учитель, не спасли его, а только отсрочили его смерть. Не помогли даже великие познания и могущество. Что делать! Я похоронил учителя, на последние деньги купил четы-

рех рабов и отправился сюда. Мы сбросили ящик с виманой в пропасть, и он разбился при падении. С тех пор смерть ждет каждого, кто спустится в котловину. Я предупредил об этом жителей предгорных селений.

— Что же ты не сказал нам об этом сразу?

— Оттого, что я хочу умереть, зная, что палач моего народа тоже найдет свою смерть! — твердо ответил маг.

— Алихун?

— Это злобный выродок! Он силен и смел, но это кровожадное чудовище! Я вижу, ты наемник, и можешь не знать, чем знаменит твой спутник. Он убивает с удовольствием, он убивает ради удовольствия. Он убивал и мучил женщин и детей. Презренные убивающие из-за денег. Но он готов убивать и просто так. Пусть он сдохнет!

— А что же жезл? — спросил Конан. — Ты не исполнил волю учителя?

— Да, я решил, что смогу с его помощью защитить мой народ от непомерного гнета. Если бы вы не сожгли мою башню, я бы отколол предгорные провинции от власти Султанапура. Но когда мой замысел провалился, я решил все же исполнить свой долг и вернуть жезл.

Маг поперхнулся кровью, видимо, у него было пробито легкое.

— Уходи, пока цел, — сказал он. — Дай мне умереть в одиночестве.

Конан подошел к краю котловины. Внизу, в нескольких шагах от небесной виманы, лежала неподвижная фигурка Алихуна. Маг не солгал...

Конан вернулся к колдуну, быстро собрал остатки вещей в мешок, закинул его на спину и спросил:

— Могу я что-то сделать для тебя?

— Моя душа готова уйти в небесные сферы, — усмехнулся маг. — Она найдет дорогу без твоей помощи.

Конан повернулся и быстро пошел прочь. Бывало и раньше, что добыча ускользала из его рук, бывало, он терпел поражение, но редкое ощущение того, что он делал что-то неправильно, тяготило его.

Впрочем, это длилось недолго. Нет ничего лучше для исправления плохого настроения, чем тяжелая работа или трудный путь. Конан карабкался по каменным склонам, поднимаясь все выше и выше.

На перевале он оглянулся. Величественное зрелище открылось перед его глазами. Над котловиной медленно разворачивались сияющие кольца светлого стража, а вокруг нее копошились крошечные фигурки дэвов. Горы вдруг начали трястись мелкой дрожью, в воздухе поплыл низкий гул, и склоны котловины стали осыпаться, вздымая в воздух клубы пыли. Но пока пыль не скрыла все происходящее там, Конан увидел, что сияющий страж формирует осыпающиеся камни в гигантский холм, закрывая разбитую небесную виману курганом из обрушивающихся со склонов камней.

Конан подумал, что впервые он видит темные и светлые силы, объединенные одной целью.

Впрочем, ему часто приходилось встречаться с проявлениями Тьмы, но нигде и никогда не встречал он в мире светлых и добрых сил. Разве что находились союзники в борьбе с темными, но после победы они уже не были такими уж светлыми и добрыми. Есть ли такие в мире вообще?..

Конан развернулся и начал спускаться с перевала. Здесь делать ему больше было нечего.

СОДЕРЖАНИЕ

КРЕПОСТЬ МРАКА

Джеральд Старк

Глава первая.....	7
Глава вторая.....	41
Глава третья.....	78
Глава четвертая.....	104
Глава пятая.....	140
Глава шестая.....	178
Глава седьмая.....	213

ЯРОСТЬ ТИТАНОВ

Ник Орли

Призрак.....	245
Путь силы.....	298
Ярость титанов.....	349

Литературно-художественное издание

**Орли Ник,
Старк Джеральд**

КОНАН И ЯРОСТЬ ТИТАНОВ

Руководитель проекта: *Дмитрий Ивахнов*

Составитель: *Наталья Баулина*

Художественный редактор: *Игорь Богданов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Обложка: *Владимир Савватеев*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор: *Валентин Успенский*

Корректор: *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953 Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наша электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Сверо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
conan@sp.ru

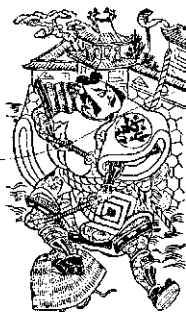
Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

**ВОЛШЕБНАЯ
ЯПОНИЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

**ЯПОНСКИЕ
средневековые
ДНЕВНИКИ**

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

КОНАН
КЛУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

МИР ИЕРО
стерлинга ланье

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЕРО
ИЕРО НЕ ЗАБЫТ
ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА
СЛУГИ ТЬМЫ
ХОЗЯИН ТУМАНА
БРАТСТВО СВЕТА
ВЕЛИКИЙ ПОХОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

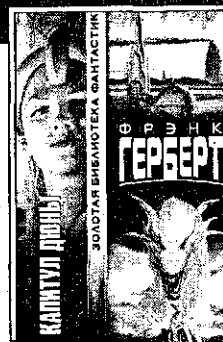

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны»
«Капитул Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2004 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман новой трилогии — «БАТТЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других. "Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невозможные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН и ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН и МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН и КАЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН и ХОСЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН и КОРОНА МИРА 53	КОНАН и ПОСЛАНИК СВЕТА 54	КОНАН и СПЯЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН и ЗВЕЗДА ШАДИЗАРА 56
КОНАН и СЛАП ХАОСА 57	КОНАН и ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН и СВЯТЫМЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН и ПОБЕДИТЕЛЬ МОАНИЙ 60	КОНАН и ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН и ВОДАНИКИ БУРИ 62	КОНАН и СЛЕД ИСТОРИИ 63	КОНАН и САУТА ТУМАНА 64
КОНАН и ЛЮК ЗВЕРЯ 65	КОНАН и ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН и НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН и ЗАПАТ АРГОСА 68	КОНАН и АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН и ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН и ПОСЛАНИК МРАКА 71	КОНАН и ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН и ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН и ПРИНЦ ЦИНГАРЫ 74	КОНАН и ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН и ДУХИ ГОР 76	КОНАН и СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН и НЕСРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН и УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН и СТРАННИКИ МОРЕЙ 80
КОНАН и ПУТЬ ГЕРОЕВ 81	КОНАН и ВАЛДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН и НАГРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН и ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН и ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ 85	КОНАН и ТРОН ВЕДЬМЫ 86	КОНАН и ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН и МЕСТЬ БЕЛА 88
КОНАН и КАМЕНЬ ЖЕЛАНИИ 89	КОНАН и ВОЛЧЬЯ БАШНЯ 90	КОНАН и КЛЯТВА ВАРВАРА 91	КОНАН и СКИПЕТР МАГА 92	КОНАН и ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН и ЛЕГЕНДА АЕМУРИИ 94	КОНАН и ЛЮСТЬ ТИТАНОВ 95	

ISBN 5-17-021507-X

9 785170 215072